Проф. А. А. ЖИЖИЛЕНКО

ОЧЕРКИ ПО ОБЩЕМУ УЧЕНИЮ О НАКАЗАНИИ

„ACADEMIA“
1923

689
39

Петрооблит № 9735 Печ. 3 000 экз. Зак № 1004.

Государственная типография имени Евг. Соколовой Петроград, пр Красных Командиров, № 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вышедшая в 1914 г. моя книга „Наказание Его понятие и отличие от других правоохранительных средств“ в настоящее время распродана; выпускать ее новым изданием без надлежащей переработки, в особенности в виду полного упразднения дореволюционного права и нарождения нового, находящегося еще в стадии становления, сейчас невозможно, между тем основные идеи, высказанные в этой книге, по моему мнению, не потеряли своего значения и в настоящее время. В виду этого я сделал попытку в настоящих „Очерках“ дать сжатое изложение моего взгляда на сущность наказания, как он был формулирован в „Наказании“, отсылая читателя, желающего подробнее ознакомиться с ходом развития этого взгляда, к самой книге. Изложению сущности этого взгляда посвящена первая глава „Очерков“, дающая анализ наказания, как юридического понятия. Остальные главы „Очерков“ выходят за пределы вопросов, затронутых в „Наказании“, и органически не связаны с первой главой. Они посвящены сжатому изложению вопроса о целях наказания, как он ставился в истории уголовного права и ставится в современном праве (гл. II), эволюции карательных мер (гл. III) и особенностям современной системы мер борьбы с преступностью (гл. IV и V). К „Очеркам“ приложен список наиболее важных пособий, имеющихся в русской литературе по затронутым в них общим вопросам. Так как „Очерки“ заключают в себе популярное изложение некоторых отдельных вопросов, связанных с общим учением о наказании, то они в интересах читателя лишены подстрочных примечаний и всего того, что обычно сопровождает строго научное исследование.

Автор.

Петроград.
31 июля 1923 г.

Глава I.

Понятие наказания.

§ 1. Всякое организованное общение людей покоится на существовании известных правил поведения или норм, обязательных для всех его членов и устанавливающих на стороне одних из них права, а на стороне других соответствующие им обязанности. Устанавливая или признавая эти правила поведения, оно исходит из представления о том, что они будут соблюдаться теми, кого они касаются. Всякая норма рассчитана прежде всего на то, что она будет добровольно выполнена тем, к кому она обращается, и что сознание человеком своего долга заставит его воздерживаться от нарушения установленных правил поведения, от совершения тех деяний, которые запрещены, от деяний недозволенных. Если нарушения норм в действительности совершаются не так часто, как этого можно было бы ожидать, имея в виду всякого рода соблазны, которые поминутно появляются на жизненном пути человека, то причина этого между прочим лежит и в том, что в числе прочих мотивов поведения сознание своего долга и представление о запрещенности деяния удерживают человека от его учинения. Но само собою разумеется, что только при сильно развитом правовом чувстве одно лишь сознание того, что так поступать нельзя, может заставить человека одуматься и отказаться от совершения того деяния, к которому он стремится. В действительности мы видим, что такое развитое, так сказать „самодовлеющее", правовое чувство представляется сравнительно редким явлением и существует далеко не у всех людей. Отсюда постоянная возможность возникновения недозволенных деяний всякого рода, отсюда же вполне естественное стремление и настоятельная потребность всякого организованного общения людей заботиться о том, чтобы установленные или признанные ими правила поведения действительно соблюдались; отсюда же и потребность установления особых средств, направленных на достижение этого.

Признавая, что сознание своего долга, как мотив поведения, согласного с требованиями данного общения людей, может оказаться недостаточным для того, чтобы заставить человека воздержаться от совершения недозволенных деяний, всякое общение людей вынуждено прибегать к особым мероприятиям с целью обеспечения неприкосновенности и устойчивости существующих в нем правил поведения, обязательных для всех его сочленов. Эти мероприятия имеют специальное назначение дать охрану как всему данному правопорядку в его целом, так и отдельным благам и интересам, принадлежащим индивидам. Их можно назвать „правоохранительными средствами".

Эти правоохранительные средства или заключают в себе элемент принуждения, или обходятся без него.

Правоохранительные средства без элемента принуждения применяются главным образом в области предупреждения недозволенных деяний. Такой характер имеет требование соблюдения известных формальностей при совершении определенных действий, имеющих правовое значение, напр. договоров, при заключении которых необходимо соблюдать особые правила, для них установленные, или действий должностных лиц, которые только тогда имеют правовое значение, когда при выполнении их соблюдены все требования, указанные в законе. Соблюдение подобных формальностей должно препятствовать всякого рода обходам закона и тем самым предупреждать возможные злоупотребления.

Однако гораздо чаще встречаются такие правоохранительные средства, которые заключают в себе элемент принуждения. Это такие средства, путем применения которых или принудительно достигают воспрепятствования проявлению недозволенного деяния, или же принудительно воздействуют на возникающее или уже возникшее недозволенное деяние. Присущий этим средствам элемент принуждения заключается в том, что они применяются независимо от воли или против воли тех лиц, которые так или иначе ими затрагиваются. Принудительные средства правоохраны являются, конечно, лишь грубым суррогатом добровольного выполнения человеком своих обязанностей. Поэтому естественно, что там, где принуждением нельзя заставить человека совершить известное действие, они не могут быть применяемы. И, действительно, встречаются нередко случаи, когда правопорядок по тем или иным причинам не указывает в отношении того или другого недозволенного деяния никаких специальных принудительных средств правоохраны. Это может происходить в силу особенного характера некоторых норм, устанавливающих такие обязанности, которые по своему существу могут удовлетворительно исполняться лишь при условии независимости от посторонних давлений и свободного и безбоязненного следования собственному убеждению (таковы напр. обязанности судей судить по совести, народных представителей руководствоваться в своей деятельности исключительно благом народа и т. п.).

Будучи по внутреннему своему содержанию мерами обеспечения неприкосновенности правового строя известного общения людей, принудительные средства правовой охраны по своему внешнему выражению заключаются в известных действиях, предпринимаемых одними людьми в отношении других и представляющих собой нарушение правовых благ последних. Из этого следует, что должен быть точно установлен круг лиц, которым присваивается право нарушения чужих правовых благ, а с другой стороны должны быть точно очерчены пределы возможного нарушения этих благ, вторжения в их сферу.

Что касается тех лиц, которым присваивается право вторжения в сферу чужих правовых благ, то, в виду необходимости сохранения полного беспристрастия при применении мер правовой охраны, такими лицами, по общему правилу, являются не лица, непосредственно заинтересованные в соблюдении в отношении их данного правила поведения, а особые органы, предполагаемые в каждом организованном общении людей — органы власти.

Эти правоохранительные средства могут находиться или в распоряжении государственного общения людей, или же в распоряжении других форм общения, существующих в государстве, так как ни одно общение людей не может обойтись

в интересах самого своего существования без наличности известных правил поведения, обязательных для его членов, и вместе с тем без определенных мер и средств воздействия в случае несоблюдения этих правил. В семье, в школе, в профессиональном союзе, в любой иной организации, даже недозволенной, напр. в разбойничьей шайке, должны существовать особые правила поведения для членов этой организации, а также меры, направленные на достижение соблюдения их. Конечно, наибольшее развитие все эти меры получают в государственном общении людей, на них обыкновенно и обращают почти исключительно свое внимание исследователи правовой жизни; однако игнорировать существование их в других общениях людей нельзя.

Имея в виду специально меры правоохраны в области государственного общения людей, можно заметить, что нормально право принуждения в интересах охраны правопорядка присваивается органам государственной власти. А так как правоохранительные средства, осуществляемые принудительным путем, заключают в себе вторжение в сферу прав личности, то, по господствующим в настоящее время взглядам, применение их должно быть предоставлено в виде общего правила органам судебным, деятельность которых обставляется специальными требованиями, гарантирующими интересы личности. Однако нужно иметь в виду, что нередки случаи, когда применение правоохранительных средств предоставляется органам административным в силу соображений особого рода, напр. в виду необходимости действовать быстро и решительно для того, чтобы прекратить совершающееся на глазах органа власти недозволенное деяние. Наконец, в виде сравнительно редкого исключения и отдельным частным лицам дается право принятия соответственных мер правоохраны, заключающих в себе вторжение в сферу чужих правовых благ, — главным образом в виду невозможности обратиться к содействию органов власти в момент совершающегося недозволенного деяния. Таково напр. право необходимой обороны или право задержания преступника, застигнутого на месте совершения преступления.

Принудительные средства правоохраны заключают в себе право вторжения в чужую правовую сферу, другими словами право нарушения чужих интересов и благ. Самый объем этого права вторжения, а также условия и порядок его осуществления представляются различными в отдельных категориях правоохранительных средств. Объектом же этого права, т. е. тем предметом, на который направляется самое вторжение, могут быть любые правовые интересы и блага личности, а самое вторжение выражается в отнятии у человека известного правового блага или в ограничении пользования им. Таким объектом обыкновенно служат жизнь, телесная неприкосновенность, свобода передвижения, те или иные права человека (политические, семейные и другие), его честь, имущество. В виду же ограниченности тех благ, которые могут быть использованы в качестве объектов воздействия в интересах правоохраны, отдельные правоохранительные средства могут выражаться с внешней стороны в одинаковых мерах, которые однако по внутреннему своему существу представляются далеко не однородными. Так напр. лишение свободы может быть или мерой предупредительной, поскольку речь идет о задержании человека, вообще опасного или только подозреваемого в совершении известного правонарушения, или мерой карательной, поскольку оно связывается с признанием виновности человека, или же мерой социальной защиты, поскольку оно применяется в отношении опасного преступника.

Говоря о принудительных средствах правоохраны, нужно однако иметь в виду, что правопорядок может прибегать к тем или иным мерам принуждения и в таких случаях, где никакого недозволенного деяния нет и где применение данной принудительной меры вызывается каким-нибудь особым соображением, какой-нибудь особой потребностью правопорядка. Таким образом, если с одной стороны могут быть такие недозволенные деяния, которые не влекут за собой никаких средств принуждения, то с другой стороны и самые средства принуждения могут иногда применяться независимо от наличности недозволенного деяния. В виде примера можно привести принудительное отчуждение предметов частной собственности на какие-нибудь государственные или общественные надобности; здесь против воли заинтересованного лица совершается вторжение в сферу его правовых благ. Другой пример представляет отбывание воинской повинности. Факт ее отбывания влечет за собой большие ограничения для гражданина в сфере его личных прав, напр. обязанность пребывания в определенном месте, т. е. ограничение свободы передвижения, и т. п. Это обстоятельство и могло послужить основанием для появления в карательной системе особого наказания в виде отдачи в солдаты — меры, широко практиковавшейся в нашем старом праве сравнительно еще не так давно. Сюда же относятся различные случаи лишения свободы, происходящие в общественных интересах, напр. лишение свободы на основании особых карантинных правил, применяемое в местностях, где свирепствует эпидемия, помещение в особые обсервационные пункты или изоляционные дома лиц, подозрительных по чуме, и т. п.

Итак, мы должны считаться с фактом существования в любом единении людей особых правоохранительных средств принудительного характера, заключающих в себе вторжение в сферу правовых благ личности. Одним из таких правоохранительных средств является наказание. Выставляя это положение, мы указываем место, занимаемое наказанием в ряду других правовых явлений, и подчеркиваем родовой признак наказания.

Говоря о том, что в наказании, как в одном из принудительных средств правоохраны, заключается вторжение в сферу правовых благ личности, мы подчеркиваем тот элемент наказания, который имеет правовой характер. Можно, конечно, определять наказание, как зло, или же, имея в виду содержание этого зла и выдвигая на первый план его субъективную сторону, самое его переживание, можно его характеризовать, как страдание. Но ни момент зла, присущий наказанию, ни момент страдания, предполагаемый в нем, еще не рисуют нам правовой природы наказания.

Не подлежит никакому сомнению, что наказание есть зло, и поскольку мы всякое для нас нежелательное явление квалифицируем, как зло, и в особенности обозначаем подобным образом такое явление, которое заключает в себе причинение известного осязательного вреда, постольку мы наказание, как и всякое иное принудительное правоохранительное средство, можем определить, как зло. Но определение наказания, как зла, не затрагивает юридической стороны этого явления. Зло и противополагаемое ему добро — понятия из области мира нравственности, а не права. К тому же определение наказания, как зла, вызывает мысль о том, всегда ли наказание в действительности является злом и не может ли оно иногда быть понимаемо с известной точки зрения и как благо. Между тем, поскольку наказание мыслится, как средство исправления и перевоспитания преступника, оно может быть понимаемо, как благо для него.

С другой стороны, если определять наказание, как зло, и в этом усматривать его главную черту, то вполне естественно требовать, чтобы это зло действительно чувствовалось, как таковое, тем преступником, к которому оно применяется. Наказание перестает быть наказанием, поскольку оно воспринимается не как зло, а как благо.

Что же касается характеристики наказания, как страдания, то надо заметить, что понятие страдания так же непригодно для характеристики наказания, как правового явления, как и понятие зла, так как оно тоже не заключает в себе указания на юридический момент в понятии наказания. С другой стороны, если мы можем сказать, что подвергающийся наказанию испытывает в большинстве случаев страдание — физическое или психическое, то в то же время нужно считаться с тем, что не всякое наказание заключает в себе необходимо элемент переживания его в виде страдания. Этим элементом окрашены только те наказания, которые затрагивают личные блага преступника, но напр. денежное взыскание едва ли можно назвать страданием.

Момент нарушения правовых благ личности, выражающийся в лишении человека известного блага или умалении последнего, присущ всякому наказанию. И сколько мы можем представить себе отдельных правовых благ личности, столько же мы можем представить себе и отдельных видов наказания. Конечно, не может быть сомнений в существовании этого момента нарушения правовых благ личности в таких мерах, как смертная казнь, телесное наказание, лишение свободы, денежное взыскание, лишение и ограничение прав. Но может возникнуть вопрос о том, является ли такая мера, как выговор или порицание, тоже нарушением правовых благ личности. Этот вопрос должен быть решен утвердительно. Здесь предметом карательного воздействия является благо чести. И этот характер выговора, как наказания, направляющегося против чести человека, особенно рельефно выступает на первый план в старом праве. В нашем допетровском праве формы выговора были весьма интенсивны: порицание выражалось в резких, грубых и бранных словах. С течением времени естественно выговор должен был утратить это внешнее свое проявление, но природа его от этого не изменилась.

Поскольку мы признаем, что наказание, как вид правоохранительных средств, заключает в себе отнятие у человека принадлежащего ему блага или умаление его, мы должны сказать, что все те меры, которые этого элемента в себе не заключают, не являются наказанием, хотя бы применение их и вызывалось наличностью преступного деяния. С этой точки зрения мы не можем считать наказанием такую меру, как условное осуждение, которое есть не что иное, как отказ от немедленного назначения или немедленного приведения в исполнение назначенного наказания под условием, чтобы преступник в течение известного периода времени не совершил нового преступления. С этой точки зрения нельзя признать правильным отнесение угол. код. Р. С. Ф. С. Р. условного осуждения к числу наказаний (ст. 32 п. „г“).

Итак, наказание, как принудительное правоохранительное средство, особым видом которого оно является, заключается во вторжении в сферу правовых благ личности.

§ 2. Рассматривая ближе отдельные правоохранительные средства, можно заметить, что среди них выделяются прежде всего такие меры, которые пред-

принимаются для предупреждения совершения недозволенного деяния и которые в силу этого именуются мерами предупредительными. Таковы напр. меры, обеспечивающие явку обвиняемого в суд и неуклонение его от суда—личное задержание и др. Но на ряду с ними во всяком общении людей встречаются, притом в несравненно большем числе, такие правоохранительные средства, которые имеют в виду не возможное лишь в будущем недозволенное деяние, а такое, которое уже начало совершаться или уже совершилось.

Эти правоохранительные средства отличаются по своему внутреннему содержанию большим разнообразием, дающим возможность различать среди них совершенно самостоятельные по своему значению меры: но все они объединяются в одну группу по чисто внешнему моменту—все они вызываются не возможным лишь в будущем недозволенным деянием, а уже существующим. Они могут быть названы правовым последствием недозволенного деяния или правонарушения. Все они—средства борьбы с наличным правонарушением. Как и остальные правоохранительные средства, они характеризуются элементом принуждения и вызываются к жизни существенными потребностями общежития: не реагируя принудительным путем на совершающееся или уже совершившееся правонарушение, всякий правопорядок обрекал бы самого себя на уничтожение, поскольку современное человечество не достигло еще такой степени совершенства, когда все без исключения веления правового характера исполнялись бы независимо от угрозы причинения известного ущерба правовым благам личности в случае их неисполнения.

Наказание, будучи принудительным средством правоохраны, применяется лишь в отношении такого недозволенного действия, которое из стадии возможности перешло уже в стадию действительности, выразившись или в оконченном нарушении правопорядка, или в нарушении еще только начатом. Оно поэтому относится к числу правоохранительных средств, представляющих собою правовые последствия правонарушения. Таким образом можно сказать, что наказание есть одно из правовых последствий правонарушения.

Как сказано было выше, средства воздействия на совершившееся или совершающееся правонарушение весьма разнообразны по своему содержанию и могут быть сведены к нескольким группам. Эти средства могут применяться или отдельно друг от друга, или же совместно, на ряду друг с другом, как выполняющие разные функции. В этом последнем случае они могут исходить как от одного и того же общения людей, так и от разных их общений, к которым принадлежит совершивший правонарушение, так как с одной стороны одно и то же деяние может заключать в себе разные стороны, вызывающие каждая в отдельности особые средства воздействия, а с другой эти отдельные стороны могут получать самостоятельную оценку в различных общениях людей, к которым принадлежит виновный, соответственно чему и устанавливаются разные средства воздействия. Так, напр., если кто-нибудь совершил кражу со взломом, его наказывают, и сверх того он должен вознаградить потерпевшего, если не может возвратить вещь в натуре; но кроме того самое орудие взлома должно быть при этом отобрано и уничтожено; если защитник растратил деньги, вверенные ему клиентом, он за это подвергается наказанию и сверх того мере дисциплинарной в виде исключения из коллегии защитников.

Как неоднократно уже упоминалось, правовые последствия правонарушения предстаавляются при всем своем внешнем сходстве весьма разнообразными

по своему внутреннему содержанию, и это разнообразие обуславливается теми различными функциями, которые выполняются отдельными мерами правоохраны. Отсюда потребность свести их к определенным группам и указать отличительные черты каждой из них.

В соответствии с особенностями функций отдельных правовых последствий правонарушения, все они могут быть сведены к следующим четырем группам: 1) наказание, 2) меры пресечения, 3) возмещение вреда и 4) меры защиты. Каждой из этих групп присущи специфические, им одним принадлежащие функции, вследствие чего можно рельефно обозначить черты отличия каждой из них и в частности указать, что характеризует наказание, как особую меру, в ряду других сходных средств правоохраны.

Говоря о внутреннем содержании всех этих мер и имея в виду ту функцию, которую выполняет та или другая мера в общем строе правовых явлений, то ее отправление, без которого немыслимо самое представление о ней, мы разумеем здесь то, что скрывается за ее внешней оболочкой и что придает ей значение, свойственное ей лишь одной. И это внутреннее содержание той или иной меры нужно отличать от той цели, которую она, как таковая, может преследовать. Цели, преследуемые разнообразными правовыми последствиями правонарушения, могут совпадать друг с другом, а единая общая цель—охрана правопорядка — присуща всем им в одинаковой степени. Если напр. мы скажем, что лишение свободы предпринимается для правовой охраны вообще или с целью определенного воздействия на все общество (для его устрашения) или на человека, совершившего известное преступление (для его исправления), то мы из одного этого не можем еще делать вывода о том, что данная мера есть непременно наказание. Лишению свободы, как мере защиты, точно также могут быть присущи эти цели.

§ 3. Рассматривая внутреннее содержание наказания, как оно находит себе выражение в уголовном праве, осуществляемом как государственным общением людей, так и другими человеческими общениями, можно заметить, что отличительной чертой наказания по сравнению с другими правовыми последствиями правонарушения является присущий ему элемент возмездия. Правда, в литературе довольно распространено мнение о том, что наказание не должно быть понимаемо, как возмездие. С этой точки зрения ведется критика существующего уголовного права и предлагаются новые пути к решению вопроса о сущности наказания. Наказание при этом формулируется не как возмездие, а как средство правовой охраны; вместо понятия воздающего наказания выдвигается понятие наказания охраняющего. Но весь спор, который ведется в науке уголовного права по вопросу о наказании и который делит криминалистов на известные школы, главным образом имеет в виду не наказание, как оно до сих пор проявлялось и проявляется, а наказание, каким оно должно быть в будущем. И если многие говорят, что современное наказание, покоющееся на возмездии, выполнило свою историческую миссию и в настоящее время утратило свой смысл в качестве средства, пригодного для борьбы с преступностью, так что от него следует отказаться, то с другой стороны имеется и тот взгляд, что и в дальнейшем наказание, пока оно вообще будет применяться, должно оставаться тем, чем оно было до сих пор—возмездием. Таким образом этот спор сводится, собственно говоря, к тому, является ли наказание по самому своему существу возмездием, так что вне возмездия нет и наказания,

или же возмездие есть только одна из исторических форм проявления наказания, и наказание может и не заключаться в возмездии.

Указывая на то, что наказание есть по самому своему существу возмездие, и признавая таким образом, что без понятия возмездия нет и наказания, мы должны прежде всего поставить вопрос о том, что такое возмездие, а затем и другой вопрос о том, какой именно элемент в понятии наказания характеризуется, как возмездие, — является ли возмездие самой сущностью наказания, или же это одна из целей наказания. Отрицательное отношение к идее возмездия, как основной идее понятия наказания, происходит главным образом от неправильного представления о сущности этого понятия и его роли в наказании

Вопрос о том, что такое возмездие, решается в литературе уголовного права неодинаково, при чем можно видеть, что часто для характеристики возмездия выдвигается какой-нибудь признак, лежащий вне этого понятия и нередко являющийся указанием на цель, присущую наказанию вообще или отдельным видам наказания, или же наказанию на известной стадии его развития. Так, 1) возмездие понимается, как заглаживание или уравнение; здесь принимается во внимание то, что наказание представляет известный эквивалент преступного деяния: при этом самое заглаживание понимается неодинаково: то оно понимается, как искупление, то как устранение происшедшего от правонарушения разлада, то как восстановление нарушенного равновесия. 2) Возмездие понимается, как удовлетворение, при чем это удовлетворение разумеется в смысле потребности, присущей индивиду, или же в смысле потребности общественной и даже государственной. 3) Возмездие понимается в смысле общего предупреждения. 4) Возмездие понимается в смысле воздействия на человека, вызывающего у него известные психические переживания. 5) Наконец, возмездие понимается, как реагирование на учиненное. Коренное различие между всеми этими пониманиями возмездия заключается в том, что при первом понимании обращается внимание не столько на то, что заключается в самом акте возмездия, сколько на то, что заключается в правонарушении, вызывающем этот акт; при втором и третьем понимании центр тяжести падает на переживания третьих лиц, воспринимающих акт возмездия, при чем в обоих случаях это переживание понимается неодинаково; при четвертом понимании особо подчеркивается переживание того, против кого возмездие непосредственно направляется; наконец, при последнем понимании все исчерпывается указанием на действие, выражающее возмездие. Кроме того различие между этими пониманиями можно усмотреть еще в том отношении, что в первых трех пониманиях возмездия обращается внимание на момент цели, тогда как в остальных двух этот момент из понятия возмездия исключается.

Из всех этих пониманий возмездия только последнее представляется наиболее правильным, но его еще нужно наполнить определенным содержанием.

Приступая к выяснению сущности возмездия в понятии наказания, нужно прежде всего иметь в виду, что понятие возмездия не связано только с понятием наказания. Возмездие остается возмездием независимо от того, использовано ли оно в таких явлениях, как наказание или месть (воздаяние злом за зло)—возмездие карательное, или же на нем покоится идея награды (воздаяние добром за добро)—возмездие награждающее.

Анализ возмездия, как оно проявляется в окружающей нас общественной жизни, дает возможность сделать такое определение этого понятия. Возмез-

дие есть действие, направляющееся в отношении лица, учинившего что-нибудь, и выражающее собою оценку учиненного.

Останавливаясь ближе на рассмотрении отдельных элементов понятия возмездия, можно сказать следующее.

Возмездие есть прежде всего действие. Этим подчеркивается то, что оно не есть простое суждение и не есть вместе с тем лишь психическое переживание какого-либо рода. Если мы только считаем человека заслуживающим похвалы или упрека за что-нибудь им совершенное, то этим мы еще не производим возмездия в отношении его. С другой стороны нельзя видеть в возмездии одно лишь психическое переживание. Если по поводу того или иного поступка человека рождается известный внутренний протест против него или же неодобрение ему, то психическое переживание, сознание необходимости оказать какое-либо воздействие на этого субъекта, возникающая потребность в воздаянии, другими словами одно „чувство возмездия" не есть еще самое возмездие. Лишь поскольку это психическое переживание вылилось в определенном поведении тех или других лиц и поскольку это чувство возмездия воплотилось в известном действии, мы говорим о наличности возмездия.

Затем поскольку мы говорим о действии в составе понятия возмездия, мы предполагаем наличность известного субъекта, лица действующего, совершающего нечто в направлении другого лица. Поэтому из понятия возмездия должно быть исключено все то, что может представлять собою добро или зло для какого-нибудь лица, но что исходит не от человека и в чем может проявляться действие каких-либо стихийных сил. Счастие или несчастие человека, его удачу или неудачу можно только в переносном смысле называть возмездием за те или иные его поступки. Таким образом, говоря о возмездии, мы разумеем под ним не событие или явление вообще, а лишь действие человека. Конечно, поскольку в области религии божеству приписываются те или другие действия, свойственные человеку, является представление о воздающем божестве, награждающем за доброе и карающем за злое дело.

Возмездие далее заключается в действии, направляющемся в отношении лица. Этим подчеркивается то, что о возмездии можно говорить, в соответствии с той ступенью культурного развития, на которой в настоящее время стоит человечество, лишь имея в виду сферу отношений между людьми. Конечно, можно представить себе и сферу взаимоотношений животных, где также возможно известное воздействие одних животных на других, но мы не можем говорить о том, что подобное воздействие имеет в виду что-нибудь совершенное этими животными, не можем говорить об оценке совершенного. Эта оценка возможна лишь со стороны человека, как существа мыслящего. С другой стороны, когда мы говорим о возмездии, мы можем, конечно, представить себе случаи, когда человек проявляет возмездие в отношении неодушевленных предметов или животных, поскольку он приписывает им учинение известных деяний, воспринимаемых им, как добро или как зло, и поскольку он наделяет их свойствами, присущими человеку, что и соответствует определенной стадии развития человечества. Так, персидский царь Ксеркс, по преданию, приказал бичевать море, погубившее его корабли во время нападения на Грецию. Этим он осуществил возмездие в отношении неодушевленного предмета, подобно тому, как дикарь осуществляет это возмездие в отношении ушибившего его предмета. Точно

также, если общество находится на такой стадии развития, когда оно допускает применение наказаний к животным, здесь мы имеем такое же проявление возмездия, как и в отношении людей. Но поскольку в настоящее время, говоря о каких-либо действиях, заслуживающих похвалы или упрека, мы предполагаем наличность известных психических особенностей того, кто эти действия совершил, мы можем говорить о возмездии, имея в виду лишь сферу человеческих отношений.

Выставляя положение о том, что возмездие заключается в действии, которое направляется в отношении известного лица, мы обыкновенно предполагаем, что воздающий и тот, кому воздается,—разные лица. Конечно, можно представить себе случаи возмездия, оказанного человеком самому себе. Суд над самим собою тоже предполагает известную оценку учиненного. В этом смысле можно видеть возмездие в добровольном наложении на себя известных лишений и т. п. Но случаи этого рода находятся вне сферы юридических отношений.

Наконец, в понятии возмездия подчеркивается то, что оно есть действие, направленное в отношении лица, учинившего что-либо. Этим указывается, что для возмездия необходима наличность определенного поведения лица, которое и вызывает соответственное воздействие. Здесь недостаточен один только образ мыслей лица, похвальный или порицаемый. Человек в своих мыслях волен. Только тогда, когда этот образ мыслей проявился в определенном поведении лица, можно говорить о той потребности в возмездии, которая вызывает соответственный акт воздаяния. Это поведение выражается или в деятельности активной — учинении чего-либо, или же в деятельности пассивной — в воздержании от чего-либо. Одинаково и та и другая деятельность может признаваться заслуживающей одобрения или порицания. Но, конечно, мы оцениваем так или иначе поведение лица лишь постолько, поскольку мы усматриваем в нем проявление известных внутренних свойств этого лица, его „личности".

Однако одним моментом воздействия в понятии возмездия обойтись нельзя. Всякое воздействие на учиненное, поскольку оно есть именно возмездие, должно покоиться на известном отношении воздействующего к тому, на что он воздействует. Это отношение представляет из себя суждение, оценивающее значение того, на что направляется в конкретном случае воздействие. Другими словами, в основании возмездия лежит оценка учиненного, и всякий акт возмездия выражает собою эту оценку. Самая же оценка учиненного должна логически предшествовать тому воздействию, в котором она выражается. Раньше, чем человек накажет или наградит кого-нибудь за что-либо им учиненное, он должен оценить учиненное, представить себе его значение в том или ином отношении, под тем или иным углом зрения, и признать в виду этого необходимость известного воздействия на учиненное. Эта оценка таким образом обусловливается самим фактом учиненного.

Оценка, заключающаяся в возмездии, может быть двоякая — или положительная, или отрицательная; в первом случае мы говорим об одобрении учиненного, во втором — о его неодобрении, осуждении, порицании. В соответствии с этим положительная оценка осуществляется и проявляется в награде, отрицательная — в мести и наказании. Отсюда различие между возмездием награждающим и возмездием карающим: оба они представляются только разновидностями общего понятия возмездия.

Оценка совершенного происходит при применении возмездия с точки зрения лица, оказывающего воздействие на другое лицо и руководствующегося при этом соображениями особого рода. Поэтому для существа возмездия безразлично отношение к акту возмездия того лица, к которому этот акт применяется, и совпадает ли при этом его оценка с той оценкой, из которой исходит тот, кто осуществляет возмездие—безразлично; вместе с тем и его переживания в смысле восприятия акта возмездия в виде удовольствия или неудовольствия тоже безразличны для самого понятия возмездия. Нормально, конечно, предполагается, что оценка обоих лиц совпадает, и совпадение это представляется безусловно желательным тогда, когда акт возмездия может быть использован в качестве средства создания известного мотива поведения у того лица, по отношению к которому он осуществляется; однако эта оценка может и не совпадать у этих лиц. Учинивший известное деяние может находить, что совершенное им похвально с точки зрения его идеалов или идеалов его сотоварищей, тогда как с точки зрения действующего права и взглядов лиц, его осуществляющих, данное деяние представляется порицаемым, в частности преступным. Поэтому возможны случаи, когда карательное воздействие может даже представляться награждающим возмездием для того, кто ему подвергается. Ореол мученичества рисуется с точки зрения лица, гибнущего за проповедывание своих идей, высшей наградой, между тем как то мучение, которому оно подвергается, есть с точки зрения взглядов, нашедших себе выражение в законе, кара за данное порицаемое, а потому и запрещенное деяние.

Оценка учиненного, заключающаяся в возмездии, должна происходить на основании определенных критериев, которые могут быть или чисто субъективными, как при мести, в особенности на первоначальных стадиях ее развития, как особой меры охраны правопорядка, когда решение вопроса о том, как следует отнестись к учиненному и как следует выразить это отношение к нему, находится всецело в зависимости от усмотрения самого мстящего, — или же объективными, как при наказании. В последнем случае при применении возмездия приходится руководствоваться живущими в данной среде и нашедшими себе отражение в законе воззрениями относительно значения учиненного правонарушения. Это — воззрения не только чисто этического характера, так как многие преступления не имеют никакого отношения к области этики; это — воззрения социальные вообще, покоющиеся на политических, экономических, религиозных, правовых и тому подобных воззрениях народа.

Самая оценка учиненного в области уголовного законодательства обычно дается заранее во всех тех его статьях, где определяется сущность того или иного преступления и устанавливается вообще размер наказания за это деяние. Деятельность же уголовного суда, назначающего наказание в определенном размере в соответствии с особенностями данного конкретного деяния, дает последнему конкретную оценку.

§ 4. Установив то положение, что в понятие возмездия входит элемент оценки совершенного, мы должны указать ближе, что собственно подлежит оценке и какой масштаб кладется в ее основание.

Что касается первого вопроса — о предмете оценки, то в этом отношении нужно иметь в виду, что представление о том, что подлежит оценке, меняется в зависимости от состояния культуры и господствующих воззрений. История показывает, что в более отдаленные времена в этом отношении внимание обра-

Библиотека С

щалось только на объективный момент преступного деяния; первоначально оценка учиненного связывалась лишь с представлением о том, что нечто человеком сделано; вопрос же о том, как отразилось учиненное в психике учинителя и насколько сознательно относился он к тому, что делал, вовсе не ставился; в частности в области той отрицательной оценки, которая выражается в наказании, первоначально значение придавалось исключительно тому, что человеком совершено деяние, выражающееся в каком-либо вредоносном акте. Значение нарушенного блага и размер причиненного ему вреда были первоначально единственными элементами в понятии преступления, выдвигавшимися при оценке последнего. С течением времени однако такая оценка признается недостаточной; мало-по-малу начинает признаваться необходимость оценки и субъективного момента, и чем дальше, тем полнее указываются те условия, которые могут быть приняты во внимание для выяснения личности учинителя деяния. Деяние начинает оцениваться не как само по себе взятое, а как проявление личности. Постепенно начинает выясняться, что оценка должна заключаться не в том, что принимается во внимание голый факт причиненного вреда или принесенной пользы, а в том, что учиненное человеком деяние ставится в известное соотношение с его психической деятельностью. Это соотношение именуется виной в случае совершения чего-либо влекущего за собой отрицательную оценку, порицание, и заслугой в случае совершения чего-либо влекущего за собой положительную оценку, одобрение. Таким образом мало-по-малу выясняется, что когда приходится оценивать известное деяние человека с точки зрения тех или иных господствующих взглядов, то следует считаться с тем, каково участие его психической деятельности в данном случае. И если устанавливается, что этого участия вовсе не было, то нет места для оценки учиненного в смысле порицания или одобрения его. Случайное преступное деяние не наказывается, случайно сделанное доброе дело не может вызывать награды.

Итак, поскольку мы говорим о карательном воздействии и поскольку мы предполагаем проявление в нем отрицательной оценки учиненного, мы считаемся с тем, как отражается учиненное в психике его учинителя, с виною последнего— и в наличности этого именно рода оценки заключается особенность наказания, поскольку оно покоится на возмездии, в противоположность всяким иным правоохранительным средствам. Всякое наказание основывается на признании виновности лица, которая должна быть определенным образом установлена и доказана. Однако и объективный момент (значение нарушенного блага и размер причиненного вреда) в настоящее время не устраняется при оценке учиненного; он однако получает значение не как самостоятельный момент, а как момент, оцениваемый в связи с субъективным. С другой стороны, если мы находим, что при оценке учиненного деяния придается большое значение субъективному моменту, то мы должны помнить, что этот момент учитывается, как элемент самого деяния, так как при помощи возмездия дается оценка учиненного деяния, а не его учинителя. Оценка последнего происходит лишь попутно, поскольку человек влагается в учиненное им и поскольку учиненное им неотделимо от него самого.

Говоря о субъективном моменте, как предмете оценки при карательном возмездии, мы имеем в виду то проявление личности в деянии, которое характеризуется, как виновность, т. е. определенное отношение психики человека к предпринимаемой им деятельности. И поскольку при помощи воздаяния мы оцениваем преступное деяние, а не самую личность, как таковую, мы не можем

говорить о том, что предметом оценки при возмездии является опасность лица или вообще его преступное настроение. Опасность — это совокупность тех данных, которые дают основание ожидать совершения преступного деяния известным лицом: она тесно связана с представлением о личности, а не деянии. Понятие опасности и понятие виновности не совпадают друг с другом. Виновность может быть в известном случае и очень велика, тогда как опасность оказывается при этом весьма незначительной, и наоборот виновность может быть иногда очень незначительной, может даже опуститься до нуля (напр. в случае невменяемости человека), тогда как опасность его при этом может возрасти до высшей своей степени.

Нужно однако иметь при этом в виду, что при назначении отдельных наказаний, при установлении конкретного размера наказания применительно к конкретному случаю жизни, могут выдвигаться в том или ином объеме представления о тех практических целях, которые преследуются в данную эпоху наказанием, что и заставляет учитывать при назначении наказания и такие моменты, которые лежат за пределами виновности, как таковой.

Другой вопрос — это вопрос о том способе, каким производится оценка учиненного, о том, как она выражается в действии, представляющем собою возмездие за учиненное — другими словами, каков масштаб этой оценки. Известное соотношение между тем действием, в отношении которого устанавливается акт возмездия, и самым актом возмездия должно существовать. И в самом представлении о необходимости существования такого соотношения лежит представление о справедливости. Поскольку это соотношение нарушено, мы признаем акт возмездия несправедливым. Конечно, точки зрения на то, что такое справедливость, могут меняться, в соответствии с чем может меняться и представление о том, как должно быть установлено необходимое соотношение между актом возмездия и учиненным деянием сообразно с произведенной оценкой учиненного, но это соотношение необходимо покоится на известном представлении о существовании определенных требований справедливости.

Первоначально справедливая оценка учиненного понималась в смысле установления материального внешнего равенства, талиона, между тем, что было сделано, и тем, что в ответ на сделанное делается теперь. Начало: „око за око и зуб за зуб“ особенно наглядно выражает эту идею талиона. Но с течением времени эта точка зрения была отброшена, как практически неосуществимая. Современное же право показывает нам, что в области наказаний масштабом оценки является представление о возможности установления известного приблизительного соотношения между преступлением и наказанием. В этом отношении достаточно бросить взгляд на любой уголовный кодекс, как можно сейчас же убедиться, что его карательная система покоится на этом представлении. На основании тех или иных соображений указывается в нем общим образом размер того наказания, которое полагается за известное правонарушение, и затем этот размер увеличивается или уменьшается в зависимости от ряда обстоятельств, которые лежат в самом преступлении или вне его и при наличности которых совершается данное преступление. Так напр. на ряду с простой кражей предусматривается кража тяжкая, совершаемая при помощи особого способа действия, свидетельствующего об особенной энергии преступника, такова кража со взломом или кража с применением орудий или инструментов; или напр. на ряду с простым убийством предусматриваются более тяжкие его случаи — таково

убийство способом особенно опасным. Вообще же в любом кодексе мы находим целую скалу преступлений различных по своей тяжести и соответственно этому целую скалу наказаний также различной тяжести. Одни преступления по господствующим в настоящее время взглядам признаются более тяжкими, а другие менее тяжкими; в соответствии с этим за более тяжкие преступления полагаются и более тяжкие наказания. Мы признаем напр. с точки зрения этих взглядов, что назначение за убийство денежного взыскания или выговора не соответствует представлению о сравнительной тяжести этого преступления, как с другой стороны мы сказали бы то же об угрозе в законе смертной казнью за курение табаку. Вместе с тем мы видим, как принаравливается размер наказания в конкретном случае к известному преступлению в виду особенностей последнего. Во всяком уголовном законодательстве мы найдем случаи, когда наказание, положенное за известное преступление, усиливается в зависимости от наступления особых последствий учиненного: такова напр. система усиления ответственности при нанесении телесных повреждении в связи с наступлением смертельного исхода их.

В виду того, что возмездие, выражаемое при помощи известного действия, вызывает те или иные психические переживания как со стороны того, кто совершил то деяние, которое влечет за собой возмездие, так и со стороны третьих лиц, будет ли это потерпевший от преступления или все общество, эти переживания могут быть использованы и, как показывает опыт прошлого и настоящего, постоянно бывают используемы при самом осуществлении возмездия. Отсюда представление о целях, которые могут быть достигаемы при помощи осуществления возмездия. Эти цели в особенности выступают на первый план тогда, когда возмездие принимает характер деятельности, в которой оказывается непосредственно заинтересованным государство. Здесь акты возмездия (напр. наказание в противоположность мести) получают определенную целевую окраску. И наличность таковой целевой окраски мы не можем отрицать ни относительно области наказаний, ни относительно области награды. Как наказание стремится к достижению определенных целей, так то же самое мы должны сказать и относительно награды.

Самые цели, которые в этом отношении могут быть указаны, представляются или общими целями, которые достигаются при любом осуществлении возмездия, или же специальными или особенными, которые имеют в виду определенную форму проявления его. Общей целью, которая выдвигается в современной общественной жизни при осуществлении возмездия вообще, является правовое воспитание и индивида и общества, которое достигается при помощи применения и награды и наказания. Особыми же целями, которые преследуются осуществлением определенных форм возмездия, являются в настоящее время — в отношении возмездии награждающего укрепление мотивов поведения, согласных с требованием данной общественной среды — поощрение к дальнейшей полезной деятельности, а в отношении возмездия карательного в его различных видах — охрана правопорядка с одной стороны и исправление, устрашение и обезвреженне — с другой. Наличность этих особых целей не подрывает однако значения общей цели осуществления возмездия, так что даже там, где в отношении индивида, подвергшегося наказанию, мы усматриваем лишь цель обезвреженния, имеется в виду оказать известное воздействие на все общество, т. е. и здесь мы можем говорить о задачах общего правового воспитания, при осу-

ществлении которого однако в данном случае интересы индивида вполне приносятся в жертву интересам общества.

Говоря о том, что наказание заключает в себе момент возмездия, а с другой стороны подчеркивая, что при помощи этого возмездия могут быть достигаемы различные цели путем того воздействия, которое может производить возмездие на общество и на индивида, мы тем самым выставляем то положение, что возмездие является сущностью наказания, а не его целью. Возмездие наполняет наказание определенным содержанием, придает ему определенный смысл и тем самым дает возможность отличить от него внешне сходные меры, являющиеся такими же, как и наказание, средствами правовой охраны. Цели, которые могут быть достигаемы при помощи возмездия, различны. Они могут меняться в зависимости от степени культурного развития данной общественной среды, но они не могут и не должны прикрывать собой внутреннего содержания наказания, его сущности, которою является возмездие, т. е. воздействие на учиненное, заключающее в себе его оценку.

§ 5. Выставляя положение о том, что возмездие является существенным элементом понятия наказания, мы должны однако указать на то, что в литературе уголовного права делается ряд возражений против такого понимания наказания. При этом можно заметить, что обыкновенно эти возражения делаются не с точки зрения оценки наказания, каким оно сейчас является, а с точки зрения наказания будущего. Указывается на то, что если наказание сейчас и является возмездием, то оно не должно быть им в будущем.

Существующие в современной криминалистической литературе возражения против возмездия представляются весьма разнообразными по своим исходным точкам зрения, но при всем их разнообразии их можно свести к нескольким группам. Это — указание 1) на недостижимость осуществления справедливого возмездия посредством наказания, 2) на недопустимость возмездия в современной общественной жизни, как пережитка отдаленной стадии развития человечества, а потому явления неразумного или безнравственного, 3) на отрешенность идеи возмездия от жизни, 4) на ее несовместимость с началом целесообразности наказания и 5) на ее непригодность для характеристики всех вообще наказаний.

Что касается указания на недостижимость осуществления справедливого возмездия при помощи наказания, то нужно сказать, что, как ни представляется трудным выразить при помощи наказания надлежащую оценку правонарушения, это еще не является основанием для отрицания в наказании понятия возмездия. Можно признавать неприемлемым тот или иной способ оценки, которым пользуются в настоящее время, применяя наказание, можно вместе с тем указать на ряд соображений, с которыми при этом не считаются, но с которыми необходимо считаться, на необходимость углублять эту оценку по сравнению с тем, что до сих пор делалось, но мы не можем лишь из-за несовершенства и недостаточности существующей оценки отказываться от признания возмездия элементом наказания. Конечно, можно находить отдельные преступления и наказания несоразмеримыми друг с другом, поскольку они в конкретном случае представляются разнородными величинами (напр. оскорбление чести и тюрьма и т. п.), но мы не можем отрицать того, что преступление вообще и наказание вообще могут быть рассматриваемы, как величины соизмеримые в том смысле, что оба они одинаково заключают в себе элемент вторжения в сферу правовых

благ личности, отнятие этих благ или умаление их. Этот элемент дает возможность выражать вовне определенным образом оценку учиненного при назначении и применении наказаний. С другой стороны эта соизмеримость понимается не в смысле равенства зла преступления и зла наказания, а в смысле их известного соответствия по их тяжести, согласно господствующим взглядам. В применении наказания в большем или меньшем размере в соответствии с значением учиненного вполне ясно проявляется возмездие.

Другое возражение, которое обыкновенно приводится против представления о возмездии, как о существенном элементе понятия наказания, это — указание на то что возмездие недопустимо в современной жизни, как пережиток прежнего времени, — оно есть та же месть, т. е нечто такое, что находится вне пределов разумной деятельности человека и что порождается тем инстинктивным влечением, которое понятно на первоначальных стадиях развития человечества, но без которого можно обойтись в настоящее время. С этой точки зрения наказание, как возмездие, отождествляется с местью; отсюда протест против наказания вообще и требование отказаться от проявления мести в деле борьбы с преступностью. Но месть и возмездие не одно и то же. Первое понятие более узкое, чем второе. С другой стороны месть и наказание — две особые самостоятельные меры, хотя и покоющиеся на одном и том же начале возмездия. Если идея возмездия и лежит в основании как наказания, так и мести, то тем не менее способ проявления ее в обеих этих мерах представляется настолько различным, что обе они могут быть вполне ясно отличаемы друг от друга. При наказании мы представляем участие в назначении его третьего постороннего лица, тогда как при мести такого третьего беспристрастного лица нет, и месть осуществляет сам потерпевший, не обладающий той объективной оценкой учиненного, которая предполагается в наказании. Таким образом общность оснований мести и наказания еще сама по себе не может дискредитировать взгляда, признающего возмездие существенным элементом наказания. То обстоятельство, что первоначально идея возмездия находит себе выражение и осуществление в таких актах, которые непосредственно порождаются известными чувственными влечениями человека, не может быть принято за аргумент против включения в понятие наказания элемента возмездия и не может давать основание делать вывод о том, что возмездие есть нечто само по себе неразумное. Конечно, мы можем находить, что при применении наказания, при осуществлении возмездия, нередко замечается проявление чувства мстительности, которое дает соответствующую окраску всей карательной деятельности; мы можем установить, что это замечается не только относительно уголовного права прежних формаций, но и в современном праве, поскольку мы видим, что в отдельных случаях применение возмездия вытекает не из каких-нибудь высших соображений, а исключительно из желания отмстить преступнику. Но тем не менее это чувство мы не можем смешивать с возмездием, как таковым. Мы можем представить себе наказание, которое преследует исключительно цель исправления преступника и заботится о возрождении его личности. Оно, конечно, не вытекает из чувства мести, но оно тем не менее остается возмездием, поскольку оно выражает собой оценку учиненного и применяется на основании этой оценки в соответствии с учиненным.

В связи с представлением о том, что возмездие и месть — понятия однородные, находится представление о безнравственности возмездия, а потому

и о недопустимости его в современных условиях культурной жизни. Представление о возмездии, как о мести, влечет за собою логически представление о безнравственности возмездия. Но с одной стороны, если мы признаем чувство мести безнравственным, то это не влечет за собой еще тем самым признания безнравственности и самого возмездия. А с другой стороны, если мы будем признавать безнравственным самое причинение страданий, которое осуществляется при помощи воздающей карательной деятельности, то мы должны будем признать на том же основании безнравственным всякое насилие, хотя бы оно исходило от государства и было освящено представлением о достижении таким путем известной пользы для государства. С этой точки зрения безнравственным приходится признавать всякое принудительное средство правоохраны, а не только одно наказание, покоющееся на возмездии.

Возражение против возмездия, как элемента наказания, в виду отрешенности идеи возмездия от реальной жизни, покоится на представлении о том, что идея возмездия имеет метафизическое обоснование. Но с этой точкой зрения согласиться нельзя потому, что возмездие имеет чисто психологическое обоснование, покоющееся на наблюдении над реальной жизнью. Возмездие коренится в чувстве возмущения, которое возникает по поводу причиненного вреда, и это чувство находит себе первоначальное проявление в мести, а затем в сменяющем ее наказании. В мести, в ее чистом виде, это чувство возмущения осуществляется без всякого представления о мере возмездия, тогда как в наказании оно известным образом умеряется.

Возражение против идеи возмездия, основывающееся на общем представлении о ее несовместимости с идеей полезности наказания, исходит из представления о том, что возмездие является целью наказания; но поскольку в возмездии усматривается не цель наказания, а самая его сущность, падает само собой и это возражение.

Такова же исходная точка зрения того возражения против идеи возмездия, которое находит, что не все наказания заключают в себе этот элемент. Подобный взгляд объясняется тем, что и здесь возмездие, притом в смысле удовлетворения потерпевшего от преступления, понимается, как цель наказания а не его сущность.

Таким образом возражения против идеи возмездия, как существенного элемента наказания, не представляются убедительными, и все попытки обойтись без указания на то, что в понятии наказания заключается элемент возмездия, оказываются бесплодными, так как в действительности самое понятие наказания немыслимо вне этого момента; и если воздействие на совершившееся правонарушение будет происходить вне его, то подобное воздействие нельзя назвать наказанием. Но при этом нужно помнить, что, говоря о возмездии, мы должны иметь в виду определенное понимание самого выражения „возмездие“. Возмездие разумеется, как воздействие на учиненное деяние, заключающее в себе его оценку. Мы говорим здесь не о мести, не об удовлетворении потерпевшего, не о талионе, а лишь о том, что наказание содержит в себе воздействие на преступное деяние, притом воздействие, выражающее собою оценку этого деяния. Во всяком наказании заключается оценка учиненного, которая проявляется внешним образом в воздействии на учинителя преступного деяния в соответствии с значением учиненного. И на этой точке зрения стоит уголовное право в его историческом развитии и современном состоя-

нии. Но должно ли вообще и в будущем существовать возмездие, и не откажется ли со временем от него человечество, пока научно установить нельзя. Возможно, что человечество откажется от возмездия и таким образом исчезнет наказание, а на смену ему явятся новые меры. Один исторический опыт существования наказания не говорит еще в пользу его вечного существования. Если же некоторые писатели указывают на эволюцию понятия наказания в том смысле, что оно отрешается от идеи возмездия и делается мерой оборонительной в чистом ее виде, так что самое понятие наказания при этом изменяется, то надо сказать, что это изменение, поскольку оно отнимает у наказания характер возмездия, влечет за собой не столько появление нового понятия наказания, сколько исчезновение наказания вообще и замену его новым явлением. Но пока наказание будет существовать, оно может быть мыслимо, как мера, покоющаяся на возмездии.

Установив то положение, что наказание по своему содержанию представляется возмездием, и сопоставив с этим указание на внешнюю сторону наказания, заключающуюся во вторжении в сферу правовых благ человека, можно дать следующее определение понятия наказания. *Наказание есть правовое последствие недозволенного деяния, состоящее во вторжении в сферу правовых благ виновного и выражающее этим оценку учиненного им деяния.*

§ 6. Приведенное только что определение наказания имеет в виду наказание вообще, независимо от того, в каком общении людей оно применяется, но так как обычно с понятием наказания связывается представление о нем, как о мере, применяемой в государственном общении людей, то на ряду с широким понятием наказания может быть выставлено более узкое, подчеркивающее источник его происхождения от государственной власти. Этим моментом наказание, о котором говорит уголовное законодательство, отличается от разнообразных карательных мер, которые применяются в разнообразных общениях людей, существующих в государстве, — в семье, в церкви, в любой профессиональной организации и т. п. Наглядно это выражается в том, что всякое преступление (за немногими редкими исключениями) преследуется от лица государственной власти, а всякое наказание всегда назначается от имени государственной власти. Меры семейной, церковной, профессиональной, партийной и т. п. дисциплины — меры дисциплинарные, тем и отличаются от наказания, что они исходят не от государственной власти, а от власти семьи, церкви, профессиональной организации, партии и т. п.

Как указывалось уже неоднократно, наказание, как заключающее в себе элемент возмездия, по своему содержанию является оценкой преступного деяния и назначается на основании признания виновности лица. После того как констатируется виновность лица в учинении известного деяния, решается далее вопрос о той мере, которая представляется наиболее соответствующей оценке данного конкретного случая. Таким образом характерной чертой наказания, отличающей его от других сходных мер, является то, что наказание есть мера, назначаемая на основании признания виновности лица. Меры, применяемые в предположении виновности лица, напр. подследственный арест, применяемый для того, чтобы не дать возможности подозреваемому в совершении преступления скрыться от следствия и суда, а также меры, применяемые независимо от признания виновности лица, хотя бы поводом применения их и служило преступное

деяние, напр. отобрание орудий совершения преступления, не могут быть рассматриваемы в качестве наказания.

При этом, раз мы признаем, что для наказания является существенным то, что оно применяется на основании признания виновности лица, совершенно безразличным представляется для его понятия тот орган, которому принадлежит право назначения наказания. Нормально в современном правовом государстве назначение тех мер, которые признаются наказаниями, сосредоточивается в руках особых органов, призванных к отправлению правосудия и наделенных своеобразными средствами, необходимыми для установления виновности лица. И, конечно, идеалом отправления правосудия являлось бы такое положение вещей, при котором назначение наказаний вверялось бы исключительно органам отправления правосудия—органам судебным. Однако жизнь показывает иное. Рассматривая отдельные законодательства, мы можем заметить в них более или менее частые случаи назначения наказаний не судебными, а административными органами. Это допускается главным образом в отношении разного рода нарушений интересов казны в случае маловажности их, напр. при нарушении таможенных правил и т. п. Но встречается это, притом в более широком размере, и в других случаях, поскольку государственное устройство данной страны остается на почве полицейского государства, в котором функции суда не вполне еще обособились от функций администрации. Общая администрация в этом случае наделяется правом назначения наказаний за определенные правонарушения под видом т. н. административных взысканий; однако эти административные взыскания являются только разновидностью общего понятия наказания, поскольку и в отношении их применения лежит факт признания виновности человека в определенном недозволенном деянии, которое таким образом и получает должную оценку.

Таким образом в отношении наказания, применяемого в государственном общении людей, должно быть выдвинуто еще одно указание — эта мера должна быть назначаема в установленном порядке, при чем безразлично, какой это будет порядок — нормальный судебный или же по исключению несудебный, административный.

Пополняя ранее выставленное определение наказания этими дополнительными его элементами и имея в виду то наказание, которое применяется в государственном общении людей, мы можем дать следующее определение уголовного наказания.

Уголовное наказание есть правовое последствие недозволенного деяния, налагаемое от лица государственной власти в установленном порядке, состоящее во вторжении в сферу правовых благ виновного и выражающее этим оценку учиненного им деяния.

§ 7. Поскольку в наказании, как заключающем в себе элемент возмездия, существенным признается имеющийся в нем момент оценки учиненного, постолько от наказания можно отграничить такие меры, которые внешне сходны с ним, но по своей сущности представляются отличными от него, как выполняющие иные функции. Эти меры могут быть легко смешиваемы с наказанием, если при ознакомлении с ними все внимание будет направлено на их внешность и если при этом не будет приниматься в расчет их внутреннее содержание.

Устанавливая известные правила поведения, всякое общение людей тем самым указывает, что те или другие поступки, совершенные вопреки этим правилам, являются нежелательными. Отсюда вполне естественно и последовательно вытекает потребность в устранении этих поступков и их внешнего проявления, а также их последствий. Таким образом возникает совокупность мер, направленных на прекращение недозволенных деяний и на устранение проявления недозволенной деятельности. Эти меры могут быть названы мерами пресечения правонарушения. Они весьма разнообразны по своему содержанию. Таковы напр. случаи употребления оружия органами власти для прекращения известных недозволенных деяний, отобрание и уничтожение орудий преступления и продуктов преступной деятельности и т. п. Все эти меры являются наиболее естественным правовым последствием правонарушения в том отношении, что даже тогда, когда по тем или иным соображениям правопорядок отказывается от установления других правовых последствий, напр. от наказания, он не может отказаться от применения их, не будучи в состоянии примириться с фактом существования правонарушения в его осязательных, воплотившихся в известных действиях или предметах последствиях. То, что вообще, как незакономерное, не должно существовать, то не должно и не может существовать и в данном конкретном случае.

При применении мер пресечения правопорядок руководствуется исключительно потребностью устранения того, что, сообразно его же велениям, не должно было бы существовать. При этом он не задается мыслью об оказании таким путем воздействия на учиненное деяние, соответственно его оценке. Эта оценка здесь совершенно отсутствует. Меры пресечения применяются не в соответствии с тем, что совершено, а лишь в виду того, что нечто совершено вопреки установленным правилам поведения. Поэтому те общие требования, которые выставляются относительно применения наказания, здесь теряют значение. Так, поскольку здесь отсутствует оценка деяния, постолько для применения мер пресечения утрачивает значение вопрос о виновности, столь существенный для применения наказания. Далее, поскольку наличность оценки учиненного, без которой немыслимо наказание, требует установления известного соотношения между размером наказания и значением учиненного правонарушения, постолько здесь, раз эта оценка отсутствует, о каком-нибудь приноровлении мер пресечения к самому значению пресекаемого правонарушения речи быть не может. В данном случае выбор той или иной меры диктуется главным образом энергией происходящего правонарушения, соответственно с которой и применяется мера пресечения. Наконец, поскольку вследствие наличности элемента оценки, присущего наказанию, выдвигается требование установления определенного размера наказания, применяемого сообразно с особенностями конкретного случая преступления, постолько меры пресечения, за отсутствием этого элемента, по самому своему существу представляются неопределенными по размеру: они применяются до тех пор, пока это необходимо для того, чтобы прекратить происшедшее правонарушение; с устранением его само собой должно падать и применение мер пресечения. Таковы черты принципиального расхождения мер пресечения и мер карательных.

Меры пресечения, при помощи которых достигается прекращение проявления недозволенного деяния и тем восстановляется то правомерное состояние,

которое было нарушено фактом учинения его, не являются единственным средством восстановления правомерного состояния. Последнего можно достигнуть и иным путем—путем представления лицом, причинившим вред чужому интересу, равноценности этого вреда. Таким образом ущерб, причиняемый одним лицом и понесенный другим, устраняется при помощи представления его равноценности, эквивалента. Подобное восстановление правомерного состояния посредством заглажения возникшего от противуправного деяния вреда, путем представления его равноценности, образует содержание особых правовых последствий правонарушения—мер возмещения вреда.

Самый вред, который при этом возмещается, может быть или материальным, или нематериальным, моральным. Сообразно этому возмещение вреда можно представить себе в форме предоставления потерпевшему от правонарушения материальной или моральной равноценности соответственно характеру понесенного ущерба. Но на самом деле в виду того, что деньги являются измерителем не только материальных, но в известных случаях и моральных ценностей, признается допустимым представление материальной равноценности, в виде уплаты определенной суммы денег и в том случае, когда причиняется моральный вред, поскольку он может быть переведен на деньги при помощи денежной оценки.

С внешней стороны возмещение вреда и наказание могут совпадать друг с другом, так как денежное взыскание, как наказание, с одной стороны и вознаграждение за вред и убытки с другой, одинаково выражаются в том, что виновный присуждается внести определенную сумму денег. Но внутреннее содержание обеих этих мер далеко не одинаково, так что смешивать их друг с другом нельзя. Возмещению вреда совершенно чужд тот элемент оценки, который представляется существенным для наказания. Возмещение вреда не есть оценка учиненного в смысле его неодобрения, осуждения, порицания. Возмещение вреда есть лишь восстановление нарушенного правомерного состояния путем представления равноценности за причиненный вред. Когда учинивший известное деяние присуждается к возмещению причиненного вреда, то этим не выражается осуждение его поступку. Этим путем имеют в виду лишь достигнуть того положения вещей, которое должно было бы существовать, если бы не произошло данное правонарушение.

Так как возмещение вреда и наказание выполняют неодинаковые функции и по своему внутреннему содержанию представляются мерами совершенно различной правовой природы, то это сказывается на особенностях порядка их применения. Эти особенности проявляются прежде всего в виде различия тех лиц, которые обязаны с одной стороны потерпеть наказание, с другой—представить возмещение вреда, а также и различия тех лиц, в пользу которых то и другое происходит.

В виду того, что в наказании мы имеем дело с оценкой определенного поведения лица, самое воздействие, которое заключается в нем, тесно связано с личностью того, кто учинил преступное деяние; именно его поведение оценивается определенным образом посредством вторжения в сферу его правовых благ. В этом заключается тот строго личный характер наказания, который является особенностью последнего и которого мы не находим в возмещении вреда. При возмещении вреда личность учинителя недозволенного деяния значения не представляет, так как здесь дело идет не об оценке его поведения, а о восстано-

влении правомерного состояния. Кто возместит причиненный вред—безразлично. Поэтому возмещение вреда рассматривается и как обязанность правопреемников лица, причинившего ущерб. С другой стороны момент осуждения, присущий наказанию, как возмездию, тесно связан с виновностью лица, учинившего известное правонарушение. Напротив, для возмещения вреда представляется безразличным, будет ли лицо, учинившее данное правонарушение, признано виновным или нет. Здесь все ограничивается требованием, чтобы причиненный правонарушением вред был заглажен. Поэтому возмещение вреда при наличности особых условий может обращаться и на имущество лиц невменяемых.

Другой особенностью наказания по сравнению с возмещением вреда является представление о субъекте, ради интересов которого осуществляется наказание в противоположность возмещению вреда. Поскольку мы имеем в виду государственное наказание, мы должны считаться с тем, что наказание назначается от лица государственной власти и ради интересов государства. Но и там, где наказание применяется в иных общениях людей, оно все же есть проявление власти этого общения в отношении его членов и назначается в его интересах. Напротив, когда мы говорим о возмещении вреда, мы этот элемент власти игнорируем, указывая лишь на то, что из факта недозволенного деяния вытекает для причинившего этот вред обязанность возместить причиненный вред. Этот вред он возмещает лицу, потерпевшему от данного недозволенного деяния, а не государству, как таковому.

Наконец, надо обратить внимание еще на одну особенность наказания по сравнению с возмещением вреда. Наказание заключает в себе оценку, которая наперед дается правопорядком отдельным недозволенным деяниям. Данная заранее законом—в виде угрозы наказаниями за отдельные правонарушения,—эта оценка лишь приспособляется к тем особенностям, которые встречаются в конкретном случае. Наказание поэтому есть правовое последствие определенных, в законе указанных, недозволенных деяний; в отношении этих деяний проводится принцип nullum crimen sine lege, т. е. только закон указывает, является ли данное деяние преступным или нет. Напротив, если мы говорим о возмещении вреда, то не имеет значения то обстоятельство, что закон особо данного деяния не предусматривает, так как здесь нет потребности дать заранее оценку этого деяния. Всякий вред должен быть возмещен независимо от того, проистекает ли он от деяния, запрещенного в законе под страхом наказания, или нет.

Особенно близко подходит наказание по своему внешнему выражению к особым мерам, известным под именем мер социальной защиты. Под ними разумеются особые меры, применяемые взамен наказания, или на ряду с ним, по отношению к определенным категориям преступников—это меры принудительного лечения, применяемые к лицам невменяемым, меры принудительного воспитания несовершеннолетних преступников, меры трудового перевоспитания нищих и тунеядцев и т. п., меры обезврежения общеопасных преступников, в особенности рецидивистов и т. п. Как и наказание, эти меры обусловливаются фактом преступного деяния, а не просто деяния недозволенного, а потому они подходят весьма близко к наказанию. И по внешнему своему выражению эти меры точно также весьма близко подходят к наказанию, проявляясь в одинаковом с наказанием способе воздействия на правовые блага личности и будучи таким же вторжением в сферу этих благ, как и наказание. В виду этих особенностей меры социальной защиты нередко отождествляются с наказанием и в них усматривается

наказание будущего. Не подлежит сомнению, что эти меры, в общем сравнительно недавнего происхождения, будут постепенно вытеснять наказания, так как они и в настоящее время применяются в тех случаях, где еще недавно применялись исключительно наказания, напр. в отношении несовершеннолетних. Можно даже представить себе, что они со временем вытеснят наказание, заняв его место. Но тем не менее, будучи одинаково с наказанием средством борьбы с преступностью, эти меры глубоко отличны от наказания и не могут слиться с ним в один правовой институт.

Рассматривая ближе меры социальной защиты и выясняя их внутреннее содержание, мы должны признать, что они представляют собою совершенно самостоятельную и отличную от наказания меру борьбы с преступностью. Применение их вызывается не потребностью дать оценку известного правонарушения, а исключительно потребностью предотвратить возможность учинения нового правонарушения со стороны того лица, против которого они применяются. В основании применения их лежит не учиненное правонарушение само по себе взятое, а такие особые свойства личности его учинителя, обнаружившиеся в его совершении, которые грозят возможностью новых правонарушений и от вредного проявления которых правопорядок должен себя оградить. Правонарушение в этом случае принимается в расчет лишь, как проявление особых психических свойств правонарушителя. Мерам социальной защиты присущ таким образом исключительно предупредительный характер и от мер чисто-предупредительных они отличаются только формальным моментом—тем, что применение их обусловлено фактом уже учиненного, а не лишь еще возможного правонарушения. Таким образом меры социальной защиты—это такие меры, которые применяются к лицам, учинившим преступные деяния, и которые, не выражая собой оценки учиненного и считаясь лишь с особыми психическими свойствами этих лиц, направлены на предупреждение учинения ими новых преступных деяний посредством вторжения в сферу их правовых благ.

Сопоставляя наказание и меры социальной защиты, можно найти целый ряд особенностей тех и других—особенностей, дающих основание считать меры защиты внутренне несходными с наказанием.

Прежде всего разница между теми и другими заключается в основаниях их применения. Основанием применения наказания всегда является деяние само по себе взятое: деяние это и подлежит известной оценке, в соответствии с которой назначается наказание. При этом обращается внимание на вину учинителя деяния, поскольку она нашла себе выражение в самом деянии. Напротив, меры социальной защиты характеризуются тем, что основанием для их применения является не учинение преступления, а особое психическое состояние того, кто это преступление совершил, та опасность, которую он обнаружил теми или иными поступками.

Таким образом в то время, как применение наказания обусловливается признанием виновности лица в учинении определенного правонарушения, применение мер социальной защиты обусловлено опасным состоянием лица, и в этом отношении нельзя не считаться с тем фактом, что меры защиты имеют место даже там, где о наказании не может быть и речи. Таковы все меры, принимаемые по отношению к лицам невменяемым. Эти лица наказанию не подлежат, но, если они опасны для окружающих, в отношении их вполне уместны меры защиты. С другой стороны надо иметь в виду, что наказание прежде всего

считается с прошлым, исходит из учиненного данным лицом деяния, напротив того меры социальной защиты на прошлое смотрят лишь, как на повод для их принятия, их взоры устремлены на будущее, так как самая опасность мыслится, как нечто грозящее, следовательно относящееся к будущему. Меры защиты применяются единственно потому, что в будущем можно ожидать от данного лица известных правонарушений. Совершение преступления в прошлом есть, действительно, не более как симптом опасности. Таким образом в основаниях применения мер социальной защиты и наказания лежит глубокое принципиальное различие.

Неодинаков вместе с тем и масштаб применения наказания и мер социальной защиты. Наказания назначаются в размере, который должен соответствовать размеру виновности. Тяжесть наказания должна соответствовать самому значению преступного деяния, как посягательства на определенное правовое благо, имеющее известную ценность. Напротив, при мерах охраны размер их не определяется соображением о их соответствии размеру виновности — человек может быть признан безусловно виновным и потому подлежащим наказанию, но тем не менее применение по отношению к нему меры защиты может быть исключено, так как он не представляет той опасности, которая вызывает потребность принятия подобной меры. Далее, при применении меры социальной защиты ценность блага, подвергшегося посягательству, сама по себе значения не имеет. Даже если это благо не имеет большой ценности, тем не менее, если опасность преступника в данном случае представляется значительной, к нему применяются меры защиты, поскольку можно предполагать, что таким путем эта опасность будет устранена.

Из существа мер социальной защиты вытекает, что для назначения их, в противоположность наказанию, не требуется создания особых органов, которым вверяется назначение наказания — органов судебных; органы административные, повидимому, могли бы быть признаны вполне компетентными для их применения, поскольку речь идет о констатировании опасности известного лица. С другой стороны меры охраны должны, естественно, назначаться на неопределенный срок, так как в противоположность наказанию, которое назначается в определенном размере, сообразно с обнаруженной виной, здесь прекращения опасности заранее предвидеть нельзя, а потому о точном определении размера самой меры защиты заранее говорить не приходится. Однако, если такие положения и вытекают из особенностей мер социальной защиты, все-таки интересы личной свободы вызывают необходимость отступления от строгого их проведения, так как требования интересов общественных должны быть согласованы с требованиями интересов частных.

Так, обычно органом назначения мер социальной защиты является суд, а не администрация. Это объясняется тем, что при применении мер социальной защиты обыкновенно речь идет о лишении свободы, притом на сроки более или менее продолжительные, между тем современное правовое государство не может допускать лишения свободы человека без соблюдения известных гарантий. Гарантией же в этом случае является установление того общего положения, что только суд может быть уполномочен на подобное лишение свободы. С другой стороны неопределенность срока лишения свободы в мере социальной защиты не может быть безграничной — для того, чтобы устранить в этом отношении всякого рода злоупотребления, устанавливается обычно предельный максимальный срок лишения свободы, дальше которого данная мера не может простираться.

Таковы те разнообразные принудительные средства правоохраны, к которым очень близко подходит наказание по своему внешнему выражению, но от которых оно отличается по своему внутреннему содержанию. Возмездие, покоющееся на оценке учиненного, вот то, что наполняет наказание определенным содержанием и характеризует одно только наказание. Но ни одна из других мер, внешне сходных с наказанием, не содержит в себе этого элемента. Наказание без возмездия перестает быть наказанием, превращаясь в меру защиты.

В таком смысле нужно понимать наказание и по угол. код. Р. С. Ф. С. Р. Правда, уг. код. считает наказание „мерой оборонительной" (ст. 26) и как бы видом мер социальной защиты, поскольку он говорит о „наказаниях *или* других мерах социальной защиты" (ст. 5) или о „наказаниях *и* других мерах социальной защиты" (ст. 8); правда, он общей задачей и наказания и мер социальной защиты одинаково считает „защиту государства трудящихся от преступлений и общественно-опасных элементов" (ст. 5), равно как и ближайшие цели обоих институтов он формулирует одинаково (ст. 8), но в данном отношении это именование наказания мерой оборонительной или мерой социальной защиты выражает лишь мысль о том, что наказание является правоохранительным средством, таким средством, которым охраняется и защищается установившийся новый социальный строй, покоющийся на определенных правовых нормах. Правда, с другой стороны уг. код. выдвигает начало, неизвестное прежнему праву, о том, что при определении меры наказания учитывается степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления, так что на первый план выдвигается понятие опасности преступника (ст. 7 и 24). Однако ближайшее рассмотрение уг. код. показывает, что и в нем наказание покоится на возмездии в установленном выше смысле, т. е. заключает в себе элемент оценки учиненного преступником деяния. Это вытекает прежде всего из того, что угол. код. кроме широкого понятия мер социальной защиты, охватывающего собою и наказание, знает узкое их понятие, которое показывает, что он мыслит наказание и меры социальной защиты, как понятия нетождественные. Система наказаний (ст. 32) и система мер социальной защиты (ст. 46) обособлены друг от друга, и это противопоставление обоих институтов особенно рельефно выражено словами: „к другим мерам социальной защиты, з а м е н я ю щ и м по приговору суда наказание или с л е д у ю щ и м за ним, относятся.. " (ст. 46). Следовательно, меры социальной защиты, это—меры, заменяющие собой наказание или присоединяющиеся к нему, но отнюдь не наказание. Далее, если принять во внимание все статьи особенной части угол. код., то можно констатировать, что в них везде дается известная оценка отдельным преступлениям, при чем указываются не только отдельные роды преступлений с положенными за них наказаниями, но и виды их, при которых наказание или увеличивается или уменьшается в зависимости от ряда привходящих условий. Чем тяжелее преступление, тем строже оно оценивается, что и выражается в соответственном наказании. Далее подобную же оценку должен производить и суд, назначая в конкретном случае за то или иное преступление наказание в определенном размере. Суду указывается, какие обстоятельства он должен принимать во внимание при определении меры наказания (ст. 25), в каких случаях он может выйти за пределы низшего размера наказания, положенного за данное преступление (ст. 28), и как ему быть в случае, если виновный осуждается по совокупности совершенных им преступлений (ст. 30). Везде подчеркивается необходимость оценить каждое

деяние, учиненное виновным, и назначить в соответствии с этим то или иное наказание. Наконец, надо принять во внимание, что эта оценка учиненного деяния сводится к оценке виновности лица, его учинившего. Меры социальной защиты, указанные в ст. 46, тем и отличаются от наказания, что для них вопрос о виновности значения не имеет. Напротив, в отношении наказания принято другое начало: ст. 11 прямо указывает, что „наказанию подлежат лишь те, которые а) действовали умышленно .. или б) действовали неосторожно ..", т. е., иными словами, наказание обусловливается признанием виновности преступника.

Все эти постановления уг. код дают полное основание утверждать, что и в нем наказание, являясь мерой оборонительной, т. е. особым правоохранительным средством, покоится на начале возмездия, т. е. заключает в себе оценку учиненного правонарушения при помощи известного воздействия государства на те или иные правовые блага личности. Угол. код. представляет нововведение лишь в том отношении, что он предписывает более считаться с личностью преступника, чем это делалось до сих пор, выдвигая особо понятие опасности лица. С другой стороны формулированные им цели наказания ясно показывают, что наказание в нем не должно преследовать цель мести, но поскольку, как указано было выше, возмездие не является целью наказания, а его сущностью, и поскольку оно вместе с тем не должно быть отождествляемо с местью, постолько даваемая в угол. код. формулировка ближайших целей наказания не устраняет представления о наказании, как институте, покоющемся на возмездии.

Только отказавшись от понятия наказания вообще, можно пытаться построить систему мер борьбы с преступностью так, чтобы оценка учиненного правонарушения утрачивала свое прежнее значение и не была используема для достижения тех или иных целей, которые государство предполагает достигнуть, организуя соответственную систему этих мер. На такую точку зрения пытается стать проект итал. угол. код. 1921 г., вовсе не знающий термина наказания и оперирующий с понятием „санкции", которая охватывает собой самые разнообразные меры борьбы с преступностью (ст. 39—43) и применяется в соответствии с опасным состоянием преступника (ст. 20).

Глава II.

Цели наказания.

§ 1. Как неоднократно раньше указывалось, возмездие в понятии наказания образует самое его содержание. Наказывать значит воздавать за учиненное сообразно оценке его. Возмездие не есть цель наказания. Наказание применяется не для того, чтобы воздать за совершенное. Если бы мы так понимали элемент возмездия в составе наказания, то мы должны были бы признать, что наказание заключает цель в самом себе, что оно является самоцелью. Однако такое понимание наказания противоречило бы нашему общему представлению о том, что все учреждения общественной или государственной жизни

существуют не ради самих себя, а для достижения определенных целей в интересах государства или общества.

Анализ наказания, как реального явления общественной жизни в его историческом развитии и современном состоянии, показывает нам, что возмездие, заключающееся в наказании, может быть используемо и в действительности использовывалось для достижения разнообразных целей. В этом отношении мы с одной стороны можем подметить известную эволюцию взглядов на цели наказания, отражавшихся в законодательстве той или другой эпохи, с другой — мы можем наблюдать в современном праве переживание старых взглядов на ряду с нарождением новых. Эта эволюция может указать на то, как следует понимать цель наказания для его ближайшего будущего. С другой стороны представление о возможных целях карательной деятельности государства может определить круг возможных в настоящее время и в будущем наказаний, подобно тому, как и в прошлом та или иная цель наказания, выдвигавшаяся на первый план, окрашивала собой всю карательную систему данной эпохи. При том можно заметить, что, если цели наказания и меняются в историческом процессе развития наказания, то эта смена целей тем не менее не затрагивает его сущности, как возмездия.

Уголовное право на первоначальных стадиях своего развития характеризуется такой системой мер наказания, которые преследовали цель обезвреження или цель удовлетворения потерпевшего от преступления. Первая цель осуществлялась посредством удаления преступника из пределов общины, но особенного развития она не имела; вторая наглядно выражалась в системе денежных выкупов или т. н. композиций. Преступник платил в пользу потерпевшего определенную сумму денег в соответствии с размером и значением причиненного им вреда — в чем заключается элемент оценки, присущий наказанию и в этой стадии его развития—для того, чтобы удовлетворить потерпевшего. Но и наказания личного, не имущественного характера первоначально преследуют ту же цель удовлетворения потерпевшего: это были своего рода средства откупиться от права мести, принадлежавшего обиженному. Цель удовлетворения потерпевшего первоначально настолько господствует над всеми остальными целями наказания, что вся карательная система сводится почти исключительно к денежным взысканиям, шедшим в пользу потерпевшего. На ряду с этим выдвигается еще одна побочная цель применения наказаний — цель вознаградить того, кто отправляет правосудие или от чьего имени правосудие отправляется — князя, короля и т. д. Это выражается в системе взыскания особых денежных сумм, которые поступали в пользу лиц, отправлявших правосудие.

С течением времени последние две цели постепенно стушевываются и отходят на второй план. Удовлетворение потерпевшего делается не исключительной целью карательной деятельности государства, а одной из целей его, имеющих второстепенное значение. Цель непосредственного вознаграждения лица, творящего суд, тоже теряет прежнее значение по мере того, как выступают на первый план интересы не отдельных органов государства, а государства в целом. Цель обогащения государственной казны заменяет собой эту цель вознаграждения органов власти. Притом по мере того, как все более и более развивается взгляд на то, что государству неудобно обогащаться на счет преступника или его семьи, — на чем основывается постепенное исчезновение из карательной системы такой меры, как общая конфискация имущества, применявшаяся главным образом

к врагам данной государственности в лице носителей ее верховной власти, — эта цель с течением времени почти совсем исчезает.

По мере роста государственной власти и развития карательных мер начинают выдвигаться на первый план две цели наказания, которые кладут свой мощный отпечаток на карательную систему всех государств и которые сохраняют свое значение и в настоящее время — цели устрашения и обезвреженния. Конечно, эти цели существовали и прежде, в уголовном праве предшествующей эпохи, но они первоначально не играли особенной роли.

Цель устрашения покоится на представлении о том, что страхом наказания, страхом подвергнуться известным страданиям, заключающимся в применении наказания, можно оказать такое воздействие на психику людей, что они будут воздерживаться от совершения преступлений. При этом выдвигается мысль о том, что чем сильнее будет элемент страдания в применении наказания, тем больше страха он будет внушать в обществе. В соответствии с этим практическое осуществление этой цели влечет за собой жестокость наказаний. Вся карательная система оказывается насквозь пропитанной чрезвычайной суровостью. В жестокости наказания усматривается весь смысл его. Такова эпоха средних веков и большей части новых. Наказания в эту эпоху принимают такой характер, который наглядно подтверждает всем и каждому опасность, сопряженную с совершением преступления. При этом личность человека вовсе не щадится— все приносится в жертву правосудию, лишь бы сильнее устрашить массы и потрясти их ужасом уголовных кар. Наказания выражаются главным образом в виде причинения физических страданий, так как страх физических страданий в особенности способен был воздействовать на массы, воспитанные в разных проявлениях грубой физической силы. Физические страдания становятся все более и более мучительными и утонченными. Смертная казнь осуществляется в формах особенно мучительных. Телесные наказания, господствовавшие в эту эпоху не менее сильно, чем смертная казнь, точно также принимают форму истязаний человека и причинения ему увечий. Даже лишение свободы рассчитано было скорее на причинение физического страдания, чем на ограничение свободы передвижения.

Эта цель устрашения проявляется и в самом порядке исполнения наказания. Наказание совершается публично для того, чтобы особенно энергично внушить страх в населении. Вместе с тем самому исполнению наказания стараются придать характер меры, долженствующей унизить преступника в глазах всего населения. Исполнение наказания сопровождается разными унизительными обрядами, рассчитанными на возбуждение в массах презрения к тому преступлению, за которое применяется данное наказание.

Цель устрашения первоначально играет огромную роль в применении наказания, но затем с течением времени она отходит на второй план, по мере того, как выясняется, что жестокость кар сама по себе еще не может служить средством для искоренения преступлений и что с другой стороны она вообще не может осуществляться в таком виде и в таком размере, как это было раньше, когда в сохранении живой силы своих подданных государство мало было заинтересовано.

На ряду с целью устрашения в сфере карательной деятельности государства выдвигается и цель обезвреженния, при чем в то время, как цель устрашения имеет в виду все общество, на которое оказывается воздействие страхом наказания, цель

обезврежения имеет в виду непосредственно самого преступника, который удаляется из своей среды и тем лишается возможности в дальнейшем вредить общежитию. Эта цель обезврежения наиболее полное выражение находит в смертной казни, которая без сомнения является наиболее энергичным способом обезврежения. С другой стороны эта цель осуществляется путем применения пожизненного или весьма продолжительного лишения свободы, при котором преступник изолируется из общества и тем перестает быть опасным для него.

Физическое уничтожение преступника и удаление его из прежней его среды, применявшиеся в широком объеме в прежние эпохи развития уголовного права, накладывают яркий отпечаток на карательную систему, проникнутую духом устрашения и отличающуюся в силу этого особенной жестокостью.

С течением времени к этим целям присоединяется новая цель наказания, опять-таки окрашивающая определенным цветом всю карательную систему и до известной степени умаляющая значение других целей наказания. Эта цель характеризуется стремлением использовать личность преступника для определенных полезностей в интересах самого государства. Государство начинает пользоваться в своих интересах подневольным трудом преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Цель эксплоатации труда заключенных в интересах государства должна была сократить применение тех наказаний, которые были направлены на физическое уничтожение человека и на причинение ему увечий. Эти наказания стали постепенно признаваться с данной точки зрения невыгодными для государства, как лишающие его даровой рабочей силы, вследствие чего их применение начинает несколько ограничиваться. Цель эксплоатации преступников в интересах государства особенно сильно начинает осуществляться в карательных системах середины новых веков и продолжает быть одним из руководящих принципов карательной деятельности государства в течение весьма продолжительного времени, пока не выдвигается представление о том, что наказание кроме полезности для государства должно заключать в себе в первую очередь полезность и для самого преступника.

В соответствии с этим появляется новая цель наказания, которая мало-помалу оттесняет другие его цели на задний план. Это—цель исправления или точнее социального перевоспитания преступника, приспособления его к условиям социальной жизни путем привития ему недостающих у него социальных мотивов поведения. Цель исправления совершенно изменяет общий облик карательных систем по мере того, как они в большей или меньшей степени проникаются ею. Эта цель наказания начинает проводиться в законодательствах отдельных стран в связи с постепенным признанием самоценности человеческой личности и с признанием в связи с этим недопустимости употребления таких наказаний, которые исходят из полного игнорирования этой личности. Мало-по-малу цель исправления, начиная с конца XVIII ст., становится господствующей в карательных системах всех государств, в соответствии с чем лишение свободы начинает постепенно приобретать особенно важное значение и занимать наиболее видное место среди других наказаний. Оно делается центральным местом всей карательной системы. Идея исправления при помощи применения наказания становится лозунгом дня, который чем дальше, тем больше приобретает силы и значения. Он делается отправной точкой всей карательной деятельности государства в связи с общим смягчением нравов и ростом культурного развития отдельных народов.

Таковы те разнообразные цели наказания, которые выдвигались в том или ином объеме в разные стадии развития уголовного права и которые в известном объеме встречаются и в современном праве.

§ 2. Если мы будем анализировать постановления современного уголовного права, касающиеся карательных мер, то мы увидим, что одни из указанных выше целей значительно отступили назад в сравнении с тем, что наблюдалось в предыдущие эпохи, а другие напротив выдвинулись на первый план. Так, прежде всего приходится указать на то, что цель удовлетворения потерпевшего в современных карательных системах почти совершенно исчезла. Современное уголовное право даже упрекают за то, что оно слишком много внимания и забот уделяет преступнику, оставляя совершенно без всякого внимания потерпевшего от преступления. Сообразно с этим в недавнее время стали указывать на то, что из денежного взыскания, которое назначается в наказание за учиненное правонарушение, следует выделять известную часть, которая должна быть предоставлена в пользу потерпевшего в возмещение причиненного ему данным правонарушением ущерба.

Точно также окончательно исчезла и цель вознаграждения лиц, отправляющих правосудие, с изменением положения органов власти в государстве, а также и цель обогащения государственной казны. Увеличение государственного имущества на счет конфискуемых имуществ преступников, в особенности осужденных за государственные преступления и подвергшихся смертной казни, было признано в науке безусловно неприемлемым принципом, тем более, что в своем практическом осуществлении этот принцип приводил к массе разнообразных злоупотреблений. В современном государстве денежные взыскания поступают в государственную казну, но они занимают такое незначительное место в общем бюджете государства, что говорить серьезно об обогащении таким образом государства на счет преступника не приходится. Единственная сфера, где эта цель обогащения еще сохраняет до известной степени свое значение—это сфера денежных взысканий, налагаемых в многократном размере по сравнению с причиненным казне в том или ином случае ущербом т. н. фискальными нарушениями, напр. уклонением от внесения разных пошлин и налогов.

Цель эксплоатации преступников в интересах государства тоже в настоящее время утратила прежнее свое значение. Современное правосознание высказывается против подобной эксплоатации, и если в настоящее время провозглашается принцип обязательности труда в местах заключения, то этот принцип понимается не в том смысле, что обязательный труд — это труд, идущий на пользу государства, а труд, который прежде всего идет на пользу самого преступника, будучи одним из средств социального перевоспитания. Тяжелый, подневольный, каторжный труд потерял прежнее свое значение. Отбывающие наказание обязаны трудиться, как обязаны трудиться все вообще граждане; с другой стороны их нужно научить трудиться, нужно приучить их к известному труду для того, чтобы по выходе на волю они могли найти себе место на общей арене борьбы за существование. Изменение характера труда заключенных ясно показывает, что цель эксплоатации труда преступников в настоящее время оставлена.

Цель устрашения из современного права несомненно не исчезла, но осуществление ее чуждо тех форм, в которых проявлялось отправление правосудия в прежнее время. Уже давно стали утверждать, что устрашительный характер имеет не столько жестокость наказания, сколько его неизбежность. Поэтому в

настоящее время устрашение путем уголовных кар не сопровождается приданием им особенной суровости. К тому же опыт показал, что карательный террор вовсе не имеет того безусловного значения, которое ему приписывали. Причины, толкающие людей на совершение преступлений, могут быть сильнее, чем страх наказания, который должен удерживать их от этого. Но несомненно цель устрашения присуща и современной карательной системе, поскольку сохраняются такие наказания, как смертная казнь. В особенности же эта цель устрашения делается главным руководящим началом тогда, когда страна переживает революцию и когда террор возводится в принцип управления.

Цель обезвреживания точно также несомненно имеется в современных карательных системах, поскольку в них сохраняется смертная казнь и пожизненное или долгосрочное наказание. Но эта цель все более и более исчезает из них по мере того, как они вычеркивают из своего карательного арсенала смертную казнь и сокращают допустимость применения пожизненных кар. Цель обезвреживания с другой стороны не мирится с выставляемым в настоящее время началом — нет преступников неисправимых, есть преступники неисправленные, т. е. такие, которых не удалось еще исправить. Эта цель всего лучше уживается с принципом мер социальной защиты, поскольку последние борются с опасными для общежития преступниками.

Цель исправления преступников, социального перевоспитания их, привития им социальных мотивов поведения несомненно является преимущественной целью всякой современной карательной системы. Достигается ли при этом желательный результат и правильно ли поставлено и надлежащим ли образом осуществляется это социальное перевоспитание, — другой вопрос; но несомненно во всяком случае то, что все карательные мероприятия современного государства предпринимаются главным образом под углом зрения достижения перевоспитания преступника. И поскольку центральное место в карательной системе в настоящее время занимает лишение свободы, постолько создается значительный простор для реального осуществления цели исправления. Цель исправления осуществляется путем особых приемов социального перевоспитания преступника, которое стремится привить преступнику те мотивы поведения, необходимого для социальной жизни, которых у него нет, но без которых самая социальная жизнь представляется невозможной. Самое важное в этом отношении — просветить ум человека, оказавшегося на преступном поприще, и привить ему навыки к трудовой жизни, любовь к труду и привычку трудиться. Все новейшие мероприятия в области борьбы с преступностью проникнуты этой целью исправления. Ею проникнуты такие меры, как условное осуждение, досрочное условное освобождение и патронат. Условное осуждение покоится на мысли о том, что исправительное воздействие на преступника, впервые совершившего преступное деяние, можно пытаться оказать путем развития в нем самодисциплины — его оставляют на свободе под условием вести себя хорошо в течение определенного срока испытательного периода. Его судьба передается в его собственные руки — будет он хорошо вести себя, первое его преступление будет забыто, в противном случае его накажут за это преступление. Такой же воспитательный характер имеет и досрочное условное освобождение из места заключения. Того преступника, который признается уже достаточно исправившимся, т. е. таким, который обладает необходимыми социальными мотивами поведения, освобождают из места заключения до истечения назначенного ему срока под условием хорошо вести себя

на свободе—и здесь, как и при условном осуждении, судьба преступника вручена ему самому и от его приспособленности к социальной жизни зависит оправдать оказанное ему доверие или нет. Наконец, патронат исходит из мысли о том, что надо дать возможность преступнику, освобожденному из места заключения, найти себе средства существования, заработок и кров и что, только предоставляя ему помощь по выходе его на волю, можно оказывать на него соответствующее влияние, удерживающее его от пути преступления. В особенности принцип перевоспитания и исправления находит себе выражение в так называемой прогрессивной системе заключения, которая характеризуется наличностью особых разрядов или классов заключенных, соединенных с большим или меньшим ослаблением тюремного режима, при чем переход из класса в класс обусловлен поведением заключенного и обнаруживающимся у него исправлением. В соединении с досрочным условным освобождением эта система особенно ярко проводит цель исправления в современной карательной системе.

Таковы те цели, которые присущи современному уголовному наказанию.

Все указанные цели наказания. которые мы видим и в прежнем и в современном праве, связаны скорее с отдельными видами наказаний, чем с наказанием вообще, как особым своеобразным правовым институтом. Если же мы будем иметь в виду наказание вообще, как одно из средств правоохраны, и в частности будем исходить из представления о наказании, как о мере покоющейся на возмездии, то мы в состоянии будем указать такие цели, которые присущи наказанию вообще во все эпохи развития права, наказанию прошлого, настоящего и вместе с тем будущего.

Первой такой целью, общей для наказания и для других правоохранительных средств, является цель охраны правопорядка. Конечно, самый институт наказания существует для того, чтобы давать особую правовую охрану правопорядку. В этом смысле всякое наказание является мерой оборонительной, охраняющей существующий правовой уклад со всеми его особенностями. При помощи наказания установляется особенно энергичное средство правовой охраны отдельных правовых благ и всего правопорядка в целом. Без наличности этой цели нельзя представить себе наказания вообще, независимо от форм его выражения в той или другой эпохе развития уголовного права. Однако не нужно забывать того, что эта цель преследуется и другими мерами правовой охраны.

Другая цель всякого наказания — правовое воспитание масс при помощи с одной стороны угрозы наказанием, с другой исполнения его.

При помощи угрозы наказанием за определенные правонарушения правопорядок указывает на недопустимость того или иного поведения людей и вместе с тем на значение и ценность отдельных благ или интересов. Таким путем производится постоянное и неуклонное воспитание масс населения в определенном направлении. Вся совокупность положений уголовного законодательства призвана воспитывать массы населения в сознании неприкосновенности отдельных правовых благ и интересов всего общества или отдельных его членов. В этом важное значение всего уголовного права, стоящего на страже всего правопорядка.

Но еще больше, чем угрозой наказания, достигается правовое воспитание масс при помощи осуществления этой угрозы в виде применения самого наказания. Осуществлением наказания в соответствии с существующей в законе угрозой наказания должно в особенности закрепляться в психике масс представление о недопустимости известного поведения. Наблюдаемое изо дня в день

осуществление наказания создает в массах ясное представление о том, что угроза уголовной карой не есть пустой звук, что она напротив имеет вполне реальный смысл. И таким путем в особенности подчеркивается значение отдельных благ, их ценность для правопорядка.

Таким образом, с одной стороны давая в угрозе наказанием оценку известного поведения людей вообще, а с другой производя осуществлением наказания оценку поведения известного лица в определенной конкретной его обстановке, правопорядок этим путем создает правовое воспитание масс. И подобное правовое воспитание масс является непосредственной целью карательной деятельности всякого государства. Конечно, вся система права, не только уголовного, призвана производить соответствующее правовое воспитание, но вне уголовного права это происходит, так сказать, между прочим, тогда как вся система положений уголовного права прямо на это рассчитана. Угроза наказанием и самое наказание — такие явления, которые имеют место только в области уголовного права. Все нормы уголовного права с этой точки зрения являются своеобразными правилами, указывающими гражданам на линию их поведения в отношении ко всему обществу, членами которого они являются, и к своим согражданам.

Эта общая цель правового воспитания масс не должна быть смешиваема с специальной целью устрашения, хотя она и имеет с ней кое-что общее. Правовое воспитание масс не имеет своей задачей внушение одного только страха перед наказанием, оно направлено на то, чтобы создать лойяльность поведения граждан путем указания на то, что те или другие деяния недопустимы и что совершающий их подвергается опасности понести наказание.

Цель правового воспитания масс присуща наказанию на любой стадии развития уголовного права. Первоначально она, конечно, не бывает еще осознана, но с течением времени она несомненно уже получает свое признание и находит выражение в системе наказаний любого государства.

Таковы те цели, которые преследует государство в своей карательной деятельности, как их знает история уголовного права и современное право.

Наличность этих целей наказания можно установить, анализируя соответственные карательные постановления любого законодательства. Однако наш уголовный кодекс считает нужным отметить их в своих постановлениях. Так он прежде всего подчеркивает задачу наказания, как защиту правопорядка от общественно-опасных элементов (ст. 5), а затем особо указывает на специальные цели, преследуемые наказанием: а) общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя (т. е. специальная цель предупреждения рецидива), так и со стороны других неустойчивых элементов общества (т. е. цель общего устрашения), б) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия (т. е. цель исправления) и в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (т. е. цель обезвреженія) — (ст. 8).

§ 3. Если таковы цели наказания в его прошлом и в настоящем, то возникает вопрос о том, какие цели наказание должно преследовать в будущем.

История уголовного права показывает нам процесс постепенного отмирания отдельных целей наказания. В соответствии с этим возможно представить себе, как в дальнейшем должны будут пониматься цели карательной деятельности государства, пока наказание будет еще существовать, как своеобразный правовой институт.

Конечно, общая цель правового воспитания масс посредством угрозы наказания и самого его осуществления должна оставаться в силе, пока вообще будет существовать уголовное право и вместе с ним наказание. Без этого немыслимо самое существование уголовного права. То же приходится сказать о цели защиты общества—без этой цели нельзя представить себе вообще какую-нибудь систему мер борьбы с преступностью, не говоря уже о наказании.

Что же касается других целей, которые в противоположность только что указанным общим целям наказания являются специальными его целями и которые сводятся к целям устрашения, обезврежения и исправления, то относительно их можно сказать следующее.

Поскольку устрашение масс при помощи наказания все более и более теряет значение, так как современные наказания непосредственного страха в населении вызывать не могут в той мере, как вызывали его наказания прежнего времени, цель устрашения понимается не как устрашение масс, а устрашение самого преступника. Поэтому данная цель наказания ставится в один ряд с целями обезврежения и исправления, которые рассчитаны на воздействие на преступника, а не на все общество (так называемое специальное предупреждение в противоположность общему).

Что касается цели обезврежения, то, как указано было уже выше, она утрачивает свой прежний смысл. Наказание должно стремиться оказать известное воздействие и на общество и на самого преступника, как члена этого общества, но при обезврежении мы имеем дело с заранее высказанным отказом от возможности оказать какое-нибудь воздействие на человека. Он заранее признается недоступным для подобного воздействия, вследствие чего единственно допустимыми по отношению к нему являются меры изоляции, удаления, в виду его постоянной опасности для общества и невозможности эту опасность устранить обычными мерами карательного воздействия. Но при таких условиях цель обезврежения должна быть исключена из числа целей наказания, так как она по самому своему существу должна достигаться принятием мер социальной защиты, а не применением наказания.

Таким образом остаются две возможные специальные цели наказания — устрашение и исправление. Но не каждое наказание может преследовать обе эти цели и не все преступники нуждаются в применении к ним наказания ради достижения обеих этих целей.

Одни наказания должны быть конструированы так, чтобы в них преследовалась цель устрашения, другие так, чтобы в них выступала на первый план цель исправления.

Что касается преступников, в отношении которых преследуется та или другая из этих целей, то в этом отношении надо исходить из общего представления о том, что преступники по своим психическим особенностям не образуют однородной массы. Они могут быть сведены к следующим двум группам, из которых каждая в свою очередь по своим особенностям представляет известные разновидности. Это с одной стороны такие преступники, которых принято называть „случайными", это — лица, ведущие добропорядочный образ жизни, люди в общем честные, но ставшие преступниками в силу особо сложившихся обстоятельств, под влиянием представившегося им соблазна, под воздействием охватившей их страсти, бороться с которой они оказались не в силах, наконец — вследствие неблагоприятного для них стечения обстоятельств. В их жизни преступление

было случайным эпизодом: оно в общем не вяжется со всей их жизнью. Их можно назвать эпизодическими преступниками. С другой стороны это — такие преступники, которые обычно именуются „привычными“ преступниками; это — лица, вообще ведущие предосудительный в разных отношениях образ жизни, люди с шаткими нравственными устоями, не привыкшие строго отличать добро и зло, свое и чужое, люди, которые вращаются на преступном поприще, нередко делающие из преступления определенное для себя занятие или профессию, приобревшие особый вкус к преступлениям, живущие ими, совершающие преступления по привычке к ним Их можно назвать настоящими преступниками. Различие между психическими особенностями этих двух категорий преступников настолько существенно, что меры борьбы с преступностью, пригодные для одной категории, оказываются непригодными в отношении другой.

В соответствии с этими двумя категориями преступных деятелей должны в неодинаковом виде представляться цели наказания.

Преступника эпизодического исправлять нет нужды: он в исправлении, в смысле социального перевоспитания, не нуждается; он такой же порядочный человек, как и все остальные граждане, преступления не совершившие. Но ему надо напомнить о существовании угрозы наказанием за учиненное им деяние и постараться укрепить в нем ослабевшие стимулы, могущие противодействовать соблазну, действию страсти и т. п. Это может быть достигнуто наказанием, которое в отношении таких лиц преследует цель их устрашения, при чем это устрашение должно пониматься не в смысле простого внушения страха, а в смысле такого воздействия на психику человека, которое может заставить его, так сказать, опомниться, одуматься и укрепить в себе удерживающие от впадения в преступление стимулы.

Совершенно иную картину представляет вторая категория преступников — настоящие преступники. В отношении их наказание должно задаваться иными целями, чем в отношении преступников эпизодических. Их жизнь тесно связана с преступным поприщем, в котором они вращаются. Необходимо поэтому изменить их привычки и образ жизни, необходимо изменить весь их социальный облик и сделать из них полезных членов общежития. Но при этом можно заметить, что среди преступников данной категории встречаются такие лица, которые по своей закоренелости являются постоянной угрозой правопорядку. В их психике на первый план выдвигается непримиримость с требованиями общежития, социальный уклад которого они игнорируют на каждом шагу,—во всей их деятельности дает себя чувствовать их опасность. Это—закоренелые или опасные преступники. С ними, собственно говоря, наказанию делать нечего. Их виновность интереса не представляет: она отодвигается на задний план, на первый же план выступает их опасность. Об оценке учиненного ими деяния тоже говорить не приходится, так как не самое деяние интересует здесь общество, а их личность. Вполне естественно применение к подобным лицам мер социальной защиты, а не наказания.

Остается другая категория настоящих преступников, которые не достигли такой степени испорченности, чтобы в отношении их представлялось нецелесообразным применение наказания. В этом случае наказание должно преследовать цель исправления или перевоспитания их в интересах социальной жизни. Нужно постараться перестроить все миросозерцание подобных преступников, внушить им прежде всего стремление к трудовой жизни, научить их работать, показав, что

обязательный честный труд — необходимое условие существования самого общества. Одним словом, надо стремиться к социальному их возрождению. Конечно, эта задача не легкая, так как не надо забывать, что здесь мы имеем дело с характерами, уже сложившимися, влиять на которые дело в высшей степени трудное. Однако опыт применения новых способов принудительного воспитания взрослых преступников в отдельных странах показывает, что в этом отношении возможно достигнуть известных благоприятных результатов, если поставить это дело на правильный путь и вручить ведение его людям опытным, знающим и, главное, любящим свое дело. В этом залог успеха на трудном поприще возрождения падших людей, еще окончательно не потерянных для общества.

Таким образом наказание ближайшего будущего, преследуя общие цели, неизменно ему присущие, — правового воспитания масс и ограждения общества, могло бы в то же время преследовать и две специальные цели — цели устрашения и исправления, соответственно двум категориям преступников, имеющих неодинаковый психический облик — преступников эпизодических и преступников настоящих, не являющихся однако особенно опасными для общежития.

В таком виде рисуются цели наказания в ближайшем будущем на основании того, что мы наблюдаем в прошлом и настоящем. Но эти цели не отнимают у наказания его сущности, как возмездия за учиненное деяние. Это возмездие лишь использовывается для определенных целей, но само по себе оно не является целью наказания.

Глава III.

Эволюция мер борьбы с преступностью.

§ 1. Преступление, как нарушение сложившихся отношений между членами известного общения людей или между ними и самим этим общением, всегда мыслится, как нечто для них вредное, а потому и нежелательное, как нечто такое, с чем надо бороться и что надо искоренять. Без борьбы с преступлением не может обойтись ни одна общественная организация, каково бы ни было ее внешнее выражение и внутреннее строение: не борясь с преступностью, она обрекала бы самое себя на уничтожение и упразднение. Понятно поэтому, что эта борьба есть явление, которое мы встречаем на всякой стадии развития человечества, и что начальный момент ее истории совпадает с начальным моментом истории общественной жизни людей.

В самые отдаленные эпохи общественной жизни мы встречаем уже своеобразные средства борьбы с преступностью. Когда государства в настоящем смысле еще не было и люди жили родами, они уже должны были бороться с теми деяниями, которые представлялись для них нежелательными, как причиняющие вред отдельным членам рода, а через них и всему роду в целом.

Самая борьба с преступностью в это время принимала разные формы в зависимости от того, исходило ли преступление от члена того же общения людей, того же рода, или иного общения, иного рода.

Тот, кто, совершая вредоносное деяние, действовал против интересов своей собственной общественной среды, своего рода, признавался непригодным членом ее и отсекался от нее: исключение из общения было той первичной формой, в которой проявлялась в данном случае борьба с преступностью. Притом в ту эпоху, когда область религии и область права были совершенно не разграничены и сливались друг с другом, преступление мыслилось, как посягательство на божество, и борьба с ним поэтому выражалась в таком исключении из общения, которое имело сакральный, религиозный характер—преступник приносился в жертву божеству. С течением времени, по мере того, как область религии и область права стали разграничиваться, это исключение из общения теряет религиозный характер и превращается в объявление преступника вне закона; как поставленный вне закона, он изгонялся из пределов данного рода, лишался покровительства законов и объявлялся лишенным мира. Поставленный вне закона мог быть безнаказанно убит первым встречным.

Что же касается борьбы с теми преступлениями, которые совершались членами иного общения, иного рода, то она принимала форму мести. Первоначально всякое посягательство на те или иные блага человека рассматривалось, как обида, причиненная или непосредственно ему или людям, ему близким, вследствие чего и борьба с обидчиком считалась личным делом обиженного. Ему предоставлялось право, а иногда даже вменялось в обязанность, самому расправиться с тем, кто его обидел. Если же непосредственно обиженного не оказывалось на лицо, напр. в случае убийства, то его близкие, или весь род в целом, выступали мстителями и получали право, или же обязаны были, должным образом воздействовать на того, кто совершил правонарушение. Сначала в этом деле отмщения за причиненную обиду все было предоставлено усмотрению потерпевшего, но мало-по-малу в первобытном обществе сознается потребность регулировать осуществление мести, как в смысле установления круга тех лиц, которым было предоставлено право мстить, так и в смысле порядка его осуществления и пределов его. Это ограничение мести происходит по мере того, как первобытное общество убеждается в том, что безграничное применение мести для него самого невыгодно, так как оно влечет за собою нескончаемые распри и раздоры и потому вредит самому его существованию. Поскольку начинает получать перевес представление о том, что основное требование совместного существования людей заключается в установлении возможности их мирных отношений друг к другу, постолько все более и более ограничивается допустимость мести.

Одновременно с ограничением права мести из той же потребности общежития в установлении мира и устранении вражды мало-по-малу возникает другая система борьбы с преступностью — система выкупов или композиций. Причинивший другому вред получает право откупиться от мести и загладить причиненный вред, предоставив потерпевшему известный эквиваленг его, т. е. возместив этот вред его равноценностью. А так как равноценность известных благ может быть определена при помощи тех или иных меновых знаков, то предоставление потерпевшему или его близким определенного количества этих меновых знаков стало рассматриваться, как средство примирения обиженного с обидчиком, а потому и как средство борьбы с преступностью. Когда меновые знаки приняли форму денег, тогда причиненный вред стал выражаться в денежной оценке, и первые уголовные законы всех народов точно перечисляют размер тех денеж-

ных взысканий, которые шли в пользу потерпевшего. Такова система нашего первого правового сборника Русской Правды, знающей головничество и урок, как виды денежных взысканий, поступавших в пользу потерпевшего. То же мы видим у римлян в их законах XII таблиц, у евреев в их книгах завета, у германцев в так называемых варварских законах и т. д. Уголовные законы этой стадии развития человечества представляют своеобразный прейскурант, где точно отмечена цена отдельных правонарушений.

Если первоначально, как в случае применения мести, так и в случае требования у обидчика выкупа, первенствующее значение получало представление о том вреде, который понес непосредственно от преступления сам потерпевший или его близкие, то с течением времени постепенно начинает выдвигаться представление о причинении преступлением вреда всему общежитию и о необходимости таких мер борьбы с преступностью, которые заключали бы в себе воздействие самого общества на происшедшее правонарушение. Эта мысль находит себе осуществление по мере образования государства, как определенным образом организованного общения людей. Она выражается в установлении на ряду с денежными взысканиями, шедшими в пользу потерпевшего, и таких, которые поступают в пользу того, кем или от имени кого творится суд. Так, уже в Русской Правде на ряду с головничеством и уроком появляются денежные взыскания, шедшие в пользу князя — вира и продажа. Мало-по-малу одновременно с этим другая карательная мера первобытного общества — поставление вне закона — заменяется другими мерами, которые дают той же идее обеспечения общества от вредных для него элементов выражение более умеренное в соответствии с изменившимися условиями общественной жизни. Исключение из общения получает более смягченный вид: появляются смертная казнь, изувечение преступника, изгнание; в более легких случаях преступнику предоставляется пощада за уплату им известного вознаграждения в пользу общества.

Таким образом мало-по-малу по мере роста и усиления государственной власти окончательно выходят из употребления прежние средства борьбы с преступностью. Прежде всего совершенно исчезает месть, как мера, совершенно неприемлемая в той организованной и строго регулированной сфере человеческих отношений, которая образуется с возникновением государственной жизни. Затем исчезает и система выкупов по мере того, как интересы пострадавшего от преступления окончательно отходят на задний план, уступая свое место интересам всего правопорядка в целом. Удовлетворение потерпевшего перестает выдвигаться, как главная цель наказания. Исчезает, наконец, объявление преступника вне закона, как мера непригодная в государственной жизни, не могущей допустить существование в своей среде совершенно бесправных людей и запрещающей всякий самосуд и расправу.

На смену прежних средств борьбы с преступностью возникает новая система, которая проявляется в виде наказаний, как мер борьбы с преступностью, заключающих в себе вторжение в сферу правовых благ человека в соответствии с оценкой учиненного им правонарушения. Постепенно вся система мер борьбы с преступностью сводится к одним лишь наказаниям, назначаемым в установленном порядке от лица государственной власти и в ее интересах. Наказанию придается исключительное значение, в нем усматривается единственно пригодное средство борьбы с преступностью. А так как при этом преступность начинает пониматься исключительно, как явление вредное для интересов государства, а

преступник — как враг государства, то последнее начинает считать себя в праве бороться с преступниками всеми средствами, имеющимися у него в распоряжении, не считаясь вовсе с личностью того, к кому эти средства применяются.

Этот период борьбы с преступностью, характеризующийся прежде всего игнорированием личности преступника, охватывает время приблизительно до второй половины XVIII ст., когда появляются первые попытки перестроить прежнюю систему наказаний и выдвинуть новые принципы в этом деле. Конечно, и этот период в свою очередь мог бы быть разбит на отдельные эпохи в связи с происходившими постепенно изменениями в прежней системе наказаний, но в целом он может быть противополагаем современному нам периоду, как устанавливающему систему новых приемов борьбы с преступностью. Однако, противополагая старую систему наказаний новой, мы должны иметь в виду, что некоторые особенности карательной системы прежнего времени и даже отдельные наказания этого периода в порядке пережитания, а иногда и в виде оживания, сохраняются в действующем праве: однако они являются анахронизмом в условиях современной общественной жизни и обречены на исчезновение в более или менее близком будущем.

Для того, чтобы ясно представить себе сущность современной системы мер борьбы с преступностью и оценить ее значение, представляется весьма любопытным и глубоко поучительным взглянуть на прошлое этой борьбы, посмотреть, в чем проявлялась она сравнительно еще не так давно, а также установить, в чем заключается существенное различие между старыми и новыми мерами борьбы по их внутреннему содержанию и внешнему выражению. Интересно показать, что в этом отношении дало новое время по сравнению с тем, что существовало прежде, какой путь эволюции проделан в этом отношении обществом и в силу каких причин произошла эта эволюция. Ответ на все эти вопросы представляет интерес не только с точки зрения выяснения содержания современного карательного права и указания возможных путей его дальнейшего развития, но и вообще с точки зрения истории культуры. Взгляды современного общества на пределы возможных средств и приемов карательного воздействия не те, которые господствовали много веков тому назад. Не все, что прежде допускалось в качестве карательного средства и что не вызывало сомнения относительно своей допустимости, является таковым по современным взглядам. Многое пришлось сдать в архив истории. Это можно видеть при обозрении современных музеев древности. В них мы находим мирно покоющимися в витринах те орудия наказаний, которые в свое время наводили страх и трепет на общество и причиняли жестокие, подчас нечеловеческие страдания тем, кто имел несчастие подвергнуться уголовной каре.

§ 2. Обращаясь к рассмотрению прежних карательных систем и сопоставлению их с новыми, мы прежде всего должны отметить чрезвычайное обилие карательных средств в прежних системах по сравнению с новыми. Там поражает как большое количество отдельных родов наказаний, так и необыкновенное разнообразие отдельных видов каждого их рода. Современные карательные системы напротив отличаются большою простотой, сводя свои наказания к немногим родам.

Самые разнообразные блага личности были предметом, на который направлялась в прежнее время карательная деятельность государства. Жизнь, телесная неприкосновенность, свобода передвижения, честь, правоспособность и имуще-

ство — все это признавалось одинаково годным предметом карательного воздействия. Смертная казнь, телесные наказания, лишение свободы, лишение прав, умаление чести, имущественные взыскания — все эти меры встречаются в изобилии в богатом арсенале карательных средств прошлого. Каждое из этих наказаний в свою очередь представляло известные разновидности по степени своей тяжести, и нередко тот или иной вид наказания специально приурочивался к определенной группе или к определенному роду преступлений.

Смертная казнь была или простой или квалифицированной по тем особым мучениям, которые ее сопровождали и которые должны были усугублять ее тяжесть. К простым видам смертной казни относятся повешение, отсечение головы, утопление и расстреляние. Эти формы смертной казни совершаются быстро и не влекут за собой особых мучений для казнимых. Однако человеческая изобретательность в области наказаний находила возможным разнообразить и эти простые формы смертной казни: повешение напр. было известно в нескольких видах — в виде повешения за шею, за ноги, головой вниз, на виселице, на дереве и т. п. Мучительные виды смертной казни были особенно разнообразны. Таковыми являлись сожжение, колесование, четвертование, сажание на кол, повешение за ребро, закопание в землю, сдирание кожи, побитие камнями, кипячение в масле, вине или воде, заливание горла расплавленным металлом, разорвание лошадьми, травление дикими животными, наконец — распятие на кресте, применявшееся в языческое время и исчезнувшее в эпоху христианства с тех пор, как крест стал символом перенесенных основателем христианской религии страданий.

В выборе отдельных форм смертной казни сказывались нередко особенности национального характера того или иного народа. Так напр. в России мучительная смертная казнь никогда не достигала той утонченности и сложности, какую мы наблюдаем в ту же эпоху в Западной Европе, хотя ее виды были не менее грубы и жестоки; но грубость и жестокость их была более примитивна, чем там. С другой стороны и физические условия страны оказывали свое влияние на выбор видов смертной казни. В странах, изобиловавших дикими зверями и лесами, преступников привязывали к деревьям для растерзания их зверями; в жарких странах, изобиловавших насекомыми, преступников в связанном виде выставляли на съедение насекомым.

Усиление тяжести смертной казни нередко еще достигалось тем, что к ней присоединялись тяжкие увечия, которым подвергался перед казнью или во время казни преступник — напр. прожжение языка, рвание щипцами тела, заливание ран кипящей смолой и т. п. Репрессивность смертной казни усиливалась кроме того и посредством включения в обряд ее исполнения некоторых позорящих моментов, в виде напр. привода приговоренного на место казни посредством влачения его привязанным к хвосту лошади, как это обычно применялось к государственным преступникам в Германии и Англии, или в виде доставления на место казни преступников (преимущественно еретиков) сидящими на осле, лицом к хвосту и одетыми в смешные костюмы. Наконец, эта репрессивность усиливалась от применения таких дополнительных мер, как оставление трупа казненного на съедение собакам, рассеяние по воздуху праха преступника, казненного посредством сожжения, и т. п.

Назначая смертную казнь за разнообразные преступления, закон в прежнее время нередко указывал вместе с тем на то, что определенное преступление

должно влечь за собой определенный же вид смертной казни. Отсечение головы напр. рассматривалось обыкновенно, как менее позорное наказание, чем повешение, считавшееся всегда карой позорной. Сожжение применялось главным образом в отношении лиц, совершивших религиозные преступления, которые прежде понимались очень широко, охватывая собою не только такие деяния, как богохульство, но и волшебство; кроме того этот вид смертной казни применялся за поджог. Закопание в землю применялось в Риме в отношении весталок, нарушивших обет девства, а у нас в московскую эпоху к женщинам-мужеубийцам. Заливание горла расплавленным металлом было обычным наказанием для фальшивомонетчиков. Четвертование назначалось главным образом за преступления государственные. Утопление тоже было наказанием за преступления государственные, неся характер массовой расправы с участниками народных бунтов и восстаний.

Не менее разнообразны были по своему внешнему выражению и телесные наказания. Одни из них имели характер наказаний, увечащих человека, другие — лишь причиняющих ему физическую боль и страдание. Изувечивающие наказания проявлялись в виде лишения человека отдельных органов тела — таковы: отсечение руки, ноги, порознь или вместе, притом одной ноги или руки, или же обеих рук или ног вместе, отсечение отдельных пальцев на ноге или на руке, отсечение уха, отрезание языка, ослепление, вырезывание ноздрей и т. п. Сюда же следует отнести такие меры, как клеймение преступников, выражавшееся в наложении на определенных частях тела, напр. на щеках или на лбу, известных знаков, не сглаживавшихся с течением времени. И эти отдельные виды наказаний тоже приурочивались к отдельным видам преступных деяний. Так, в нашей судебной практике XVII в. урезание языка назначалось за „неистовые речи“ против членов царского дома. Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. назначает отрезание левого уха за первую, правого — за вторую татьбу, отсечение руки за — подлог, рвание ноздрей — за употребление табака. Что касается телесных наказаний, причиняющих только телесную боль без нанесения увечий, то они тоже были весьма разнообразны по своей тяжести и по способу их применения. Особенное разнообразие их замечается в нашем прежнем праве допетровской эпохи и в последующее затем время вплоть до середины XIX ст. Наше старое право знает кнут, плети, батоги, розги. В петровское время вводятся шпицрутены для лиц воинского звания и кошки во флоте. Применение этих наказаний нередко еще осложнялось сопровождавшими их унизительными обрядами и особенным порядком их применения. Так напр. наказание кнутом нередко совершалось в московской Руси „в проводку“, т. е. преступника с обнаженной спиною и связанными руками водили по улицам города и секли кнутом, иногда еще привязав ему на шею тот предмет, который наглядно демонстрировал всем характер учиненного преступления, напр. украденную вещь и т. п.

Лишение свободы применялось в старом праве также в различных видах. Изгнание, ссылка и тюрьма — вот те формы, в которых применялось это наказание. Изгнание выражалось в том, что преступник принудительно удалялся из пределов государства; ссылка характеризовалась тем, что преступника водворяли для жительства в определенную местность, откуда он не имел права удаляться; наконец, тюрьма сопровождалась помещением преступника в определенное учреждение с известным режимом жизни без права оставлять это учреждение. Каждое

из этих наказаний в свою очередь представляло известные разновидности. Так напр. в нашем допетровском праве в общем понятии ссылки различались ссылка на службу, ссылка в посад и ссылка на пашню, по характеру тех условий жизни, в которые ставился преступник в месте ссылки. В императорский период у нас проводится различие между ссылкой на каторгу, на поселение и на житье, и это различие видов ссылки просуществовало вплоть до XX ст. Для отбытия тюремного заключения отводились особые рабочие, смирительные и позже исправительные дома, крепости и простые тюрьмы. Нужно однако иметь в виду, что первоначально тюрьма вовсе не являлась наказанием, а была лишь мерой пресечения обвиняемому уклоняться от следствия и суда. Лишь постепенно тюрьма становится наказанием и приобретает особенное значение в карательной системе.

Наказания, затрогивающие честь человека, наказания срамительные, или сопровождали другие более тяжкие наказания, напр. выставка у позорного столба, имевшая сильное распространение в старом французском праве, или же применялись самостоятельно в виде напр. публичного нанесения палачем удара по лицу осужденного (по нашему петровскому законодательству) или в виде выговора, который выражался в грубой форме, долженствовавшей унизить преступника в глазах его сограждан. Таким срамительным наказанием было введенное в наше право Петром Великим шельмование, выражавшееся в том, что имя преступника прибивалось к виселице, его шпага переламывалась палачем и он объявлялся вором (шельмом). Как пример срамительного наказания, применявшегося сравнительно недавно, еще в XVIII в., можно привести наказание, установленное в Австрии за занятие проституцией: проститутки приводились в одних рубашках в воскресные дни к церкви, здесь им обривали волосы, обливали обритые головы дегтем, секли розгами и вывозили на телеге за город.

Лишение прав тоже варьировалось в старом праве в зависимости от объема тех прав, которые поражались в наказание за учиненное преступление. Они обычно сопровождали другие наказания, будучи их дополнением. Среди них различались такие меры, как лишение всех прав, соответствовавшее прежнему поставлению преступника вне закона — такова напр. политическая или гражданская смерть, известная старому французскому праву и отчасти перенесенная в наше право, и лишение отдельных прав, преимущественно тех привилегий, которые принадлежали преступнику, как члену определенного сословия в государстве. Нужно однако заметить, что поражения прав в более старом законодательстве имели сравнительно небольшое развитие; они развиваются в виде стройной системы значительно позже других наказаний. Так, в нашем праве только в улож. о нак. 1845 г. мы видим стройную систему правопоражений присоединявшихся к тем или другим наказаниям и делившихся на лишение всех прав состояния, лишение всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и лишение некоторых прав.

Наконец, и имущественные наказания тоже были разнообразны; они заключались или в отнятии государством всего или части имущества осужденного, т. е. конфискации, применявшейся преимущественно за государственные преступления, или в денежных взысканиях или штрафах, назначавшихся в определенном размере и шедших главным образом в пользу государства, но иногда и в пользу потерпевшего от преступления.

§ 3. Как видно из только-что сказанного, карательные средства старого права были весьма разнообразны и обильны, что

и составляет первую характерную черту прежних карательных систем. Но это указание на разнообразие и богатство карательного арсенала старого права может служить лишь для внешней характеристики карательных систем прошлого. Более интересными представляются те особенности прежних наказаний, которые касаются основных принципов прежнего карательного права, отражавшихся как на выборе самых карательных мер, так и на порядке их применения.

С этой точки зрения наиболее характерной чертой прежних наказаний является их жестокость, проходящая красной нитью через все наказания прошлого всех стран и всех эпох. В этом отношении законодательство всех народов на известной стадии их развития показывает нам одинаковую картину, так что эту отличительную черту прежних наказаний, их жестокость, можно считать явлением универсального характера. Конечно, при этом можно подметить большую или меньшую суровость отдельных карательных систем в соответствии, быть может, с национальными особенностями тех или иных народов, но в общем все карательные системы прошлого представляются с современной точки зрения одинаково жестокими. Эта жестокость наказания соответствует, разумеется, общему духу той или другой эпохи и была тесно связана с господствовавшими в ней нравами. Общая грубость нравов прошлого общества отражалась и на его карательной системе. С другой стороны грубая сила, царившая в прежнем обществе, вызывала представление о том, что только в грубых, жестоких, насильственных формах и должно проявляться наказание.

Жестокость карательных систем прошлого особенно наглядно выражалась в той щедрости расточения смертной казни и телесных наказаний, которую можно усмотреть при ознакомлении с уголовным законодательством прошлого. Это были наиболее употребительные наказания в прошлое время; все остальные наказания в сравнении с ними имели гораздо более узкий объем своего применения. О том, как часто в прежнее время прибегали к этим наказаниям, клавшим свой кровавый отпечаток на всю карательную систему, можно судить по следующим данным. По старому французскому дореволюционному праву насчитывалось 115 преступных деяний, каравшихся смертью. В Англии в конце XVIII ст. смертная казнь назначалась за 160 преступлений, а была эпоха, когда число преступлений, обложенных смертной казнью, доходило до 240. В этом отношении Англия занимает первое место и считается классической страной применения смертной казни. О размерах применения в прежнее время смертной казни в Западной Европе можно судить по тому, что, по подсчету Вольтера, там было сожжено около 100.000 лиц, обвинявшихся в сношении с диаволом,—ведьм и колдунов. В Англии при королеве Елизавете было казнено около 18.000 человек, в Испании при Филиппе II — 25.000 человек, в Германии при Карле V около 100.000 человек. Что касается России, то у нас смертная казнь была в большом ходу при Петре Великом — в его воинском артикуле 100 статей назначают это наказание. В особенности было велико число казненных при усмирении стрелецкого бунта (более 2.000 человек), но это было скорее средство политической борьбы с противниками устанавливавшегося нового строя, чем обыкновенная карательная мера. Нужно однако при этом заметить, что при Петре Великом закон так часто грозил смертной казнью, что действительное применение этого наказания в том объеме, как этого требовало законодательство, было бы фактически невозможно, так как оно привело бы к истреблению массы

населения, что, конечно, не могло входить в задачу законодателя; в самом деле смертной казнью были обложены многие сравнительно неважные деяния, притом такие, которые совершались постоянно и ежедневно (напр. невершение дел по указам в определенный срок); „лишение живота и чести“ постоянно упоминается в петровских указах. Угроза этим наказанием должна была только особенно рельефно подтверждать недопустимость совершения известного правонарушения; самое же выполнение этой угрозы часто не интересовало законодателя, и на практике смертная казнь в подобных случаях весьма часто заменялась каким-нибудь иным наказанием.

Если Россия никогда в старину не превосходила Западную Европу в применении смертной казни, то она за то была классической страной применения телесных наказаний. Недаром еще сравнительно недавно на Западе кнут считался эмблемой России. О том, как часто закон прибегал к этому наказанию, видно хотя бы по тому, что в Уложении 1649 г. кнут назначался в 141 статье, а на ряду с кнутом существовали и другие телесные наказания, и увечащие и просто болезненные. При этом нужно однако иметь в виду, что наказание кнутом часто было замаскированной смертной казнью, так как, по свидетельству современников, смертельный исход наказания кнутом был обычным явлением, а употреблявшееся в законе выражение „бить кнутом нещадно“ обычно понималось палачами, как приказание засечь преступника до смерти. Таким образом, хотя Россия формально отставала от Западной Европы в применении смертной казни, однако она ее в этом отношении догоняла широким применением наказания кнутом, прикрывавшего собой смертную казнь, притом в очень жестокой форме.

Жестокость наказаний данного периода, проявляющаяся в причинении физических страданий человеку, настолько проникает всю его карательную систему, что даже наказания, чуждые по своей идее причинения физического страдания, принимают такую форму своего выражения и отбываются в таких условиях, что они представляются как бы особой формой телесного наказания и даже смертной казни, которая в данном случае только медленно осуществляется, сопровождаясь рядом мучений преступника. Так, первоначально лишение свободы вовсе не является наказанием, затрагивающим исключительно свободу передвижения человека. Оно отбывается в таких условиях, которые в лучшем случае вредят здоровью заключенных, обыкновенно же представляют медленно совершаемую смертную казнь. Напр. у нас в московской Руси тюремное заключение отбывалось весьма часто в земляных тюрьмах, состоявших в вырытой в земле яме с опущенным в нее срубом, а иногда и вовсе без этого сруба, и с другим наружным срубом, покрытым кровлей; иногда же обходились даже и без этого сруба и только несколькими дощечками прикрывался осужденный во время дождя или снега. Подстилкой ему служил пучек соломы, пища и питье давались ему нерегулярно. Но если даже это наказание отбывалось в каменных или деревянных тюрьмах, во всяком случае более благоустроенных, чем земляные, то и здесь условия содержания заключенных были самые тягостные и невыносимые. То же наблюдается в ту же эпоху в тюрьмах Западной Европы — заключенные сидели в подземельях, в сырых помещениях, заливавшихся водою, в каменных мешках и т. п. Они обыкновенно приковывались цепью к стене тюрьмы и содержались в оковах. Никаких забот о здоровье заключенных первоначально вовсе не было. В лучшем случае они получали постель в виде соломы, которая

оставалась в помещении до полного гниения; для больных не было особых помещений, они умирали в своих казематах, и тела их долго оставались неубранными.

То же можно сказать и относительно ссылки. Нередко это наказание отбывалось в таких условиях, что оно влекло за собой медленную смерть или окончательное изнурение того, кто ей подвергался. Если напр. преступника ссылали на необитаемый остров — мера, практиковавшаяся в Римской империи— то, конечно, такая ссылка представляла собой замаскированную смертную казнь, так как она обычно влекла за собой голодную смерть. Точно также если преступника ссылали на далекий север — что применялось нередко у нас— в безлюдную местность, где для непривычного к суровому климату человека жизнь вообще невозможна, то эта мера была наказанием, направленным не столько на личную свободу, сколько на телесную неприкосновенность и жизнь.

Только постепенно освобождается лишение свободы от чуждых ему придатков, но еще и до сих пор оно не вполне от них освободилось, так что ему предстоит пройти в этом отношении известную эволюцию.

Жестокость наказаний прежнего уголовного права вытекала из господствовавших в нем представлении о целях наказания с одной стороны и из положения личности в государстве с другой.

Поскольку на первый план при применении наказания в прежнее время выдвигалось представление о цели устрашения таким путем масс — „чтобы другим неповадно было так делати", как выражалось Уложение 1649 г., постолько, естественно, признавалось, что, чем страшнее наказание и чем больше страха оно внушает в обществе, тем больше людей оно будет в состоянии удержать от совершения преступлении. Страх же наказания тесно ставился в связь с жестокостью самого наказания, так как наиболее жестокие наказания представлялись всегда наиболее устрашительными. Отсюда тот карательный террор, который проявляется так резко в прежних системах наказания. Законодатель прежнего времени ничем не смущался, чтобы придать особую жестокость своим наказаниям, руководствуясь целью устрашения.

Из приведенного выше перечня отдельных карательных мер прежнего времени в их разнообразных проявлениях видно, сколько особенной изысканности заключается в той жестокости, которой они переполнены. Особенно жестокой по форме своего применения была смертная казнь, совершавшаяся посредством четвертования, колесования, закапывания в землю и т. п. Четвертование заключалось в том, что у казнимого последовательно отсекались руки, ноги и наконец голова. При колесовании преступнику переламывали руки и ноги особым колесом с прикрепленным к нему тупым железом, клали его затем на колесо и пропускали через спицы раздробленные его члены; в таком виде колесованный встречал свою смерть. Закапывание в землю, обыкновенно по плечи, применявшееся по большей части к женщинам, представляло собою медленную, мучительную смерть от голода, так как преступнице не давали пить и есть, пока она не умирала. Нечего и говорить о тех страданиях, которыми сопровождалось сажание на кол, залитие горла расплавленным металлом и растерзание преступника на части лошадьми, к которым привязывали крепко его тело и которых затем гнали в разные стороны. Кровь в жилах стынет у современного человека, когда он читает о тех карах, которые ежедневно, как нечто вполне нормальное, практиковались прежде повсеместно.

Но не только в смертной казни в ее различных видах проявлялся жестокий дух прежнего времени. Не менее жестоки были и телесные наказания, которые, как указано было выше, особенно пышно расцвели в России. Наказание кнутом не уступало по своей жестокости самой изысканной смертной казни. Как жестоко оно было, это видно из того, что, по свидетельству современников, после десятого удара приходилось менять твердую, как кость, ременную часть кнута, которой наносились удары, так как от крови она размягчалась и делалась непригодной для наказания. Тело человека после ряда ударов кнутом превращалось в сплошную зияющую рану, так как от этих ударов слезала вся кожа со спины, по которой ударяли кнутом.

Цель устрашения при помощи наказания, находившая себе выражение в жестоких наказаниях прежнего времени, вызывала потребность обставлять самое применение наказаний такими условиями, которые способны были внушать страх в населении. Для этого наказания применялись публично, на глазах у всех, — на совершение смертной казни или применение телесных наказаний созывался народ, и нередко самая казнь совершалась в особенно торжественной обстановке. В Испании напр. церемония сожжения еретиков продолжалась целый день, нередко в присутствии самого короля с его блестящей свитой, при чем в особенно торжественных формах она совершалась по поводу каких-нибудь особенно важных событий тогдашней государственной жизни, напр. вступления на престол нового короля, рождения наследника престола и т. п. Мало того, с той же целью внушить страх в населении трупы казненных, растерзанные и переломанные, выставлялись публично. На виселицах повешенные оставались висеть по целым годам. На знаменитой парижской виселице, носившей название Монфокон, висело постоянно 50—60 высохших, обезображенных, сгнивших и качаемых ветром трупов. В Москве трупы стрельцов и приверженцев царевича Алексея Петровича только в 1722 г. были сняты с виселиц и погребены. Отсеченные головы преступников, их ноги и руки, точно также выставлялись публично, прибитые к городским стенам.

Наконец, цель устрашения наглядно проявлялась в представлении о допустимости совершения смертной казни заочно над изображением умершего преступника — таким путем точно также имелось в виду повлиять устрашающим способом на настроение масс. В этом случае обычно делалось из соломы чучело, долженствовавшее изображать преступника, и торжественно сжигалось после прочтения приговора суда. То же можно видеть и в разных символических действиях, преимущественно позорящего характера, которые совершались над трупами умерших до суда преступников. Из нашей истории известна казнь, которую совершил Петр Великий над трупом 13 лет перед тем умершего боярина Милославского: тело боярина было вырыто из могилы, привезено в тележке, запряженной шестью свиньями, на место казни преступников, поставлено под плахи приговоренных к смертной казни, облито кровью этих преступников, брызнувшей на него во время их казни, рассечено палачами на части и зарыто в разных местах.

Но не только из цели устрашения проистекала жестокость наказаний прежнего времени — она была тесно связана и с другой целью наказания, которая в эту эпоху начинает постепенно сильно проявляться, — целью обезвреживания преступника, обеспечения от него общества. И эта цель всего легче и проще могла быть достигнута применением таких наказаний, которые не щадили лично-

сти преступника и были особенно жестоки. Она, естественно, прежде всего проявляется в смертной казни, но особенно рельефно выражена в изувечивающих наказаниях. Отсечение отдельных членов человеческого тела в наказание за совершенное преступление несомненно имело в виду сделать преступника „приметным", как выражались наши предки. Человека с отсеченной рукой нужно было остерегаться, как заведомого преступника, как опасного человека, побывавшего уже перед уголовным судом. Такое же назначение имело отсечение ушей, рванье ноздрей, а в особенности клеймение. Все эти меры имели в виду отметить вредных для общежития людей и наглядно указать населению его врагов.

Наконец, жестокость наказаний прошлого проистекала и из того, что в отдельных случаях законодатель при назначении наказания руководился идеей талиона, т. е. назначал за данное преступление такое наказание, которое соответствовало по своему внешнему выражению самому преступлению, по началу „око за око и зуб за зуб", подражая, так сказать, самому преступнику. Так, поджог влек за собой смертную казнь посредством сожжения, увечие — применение увечащих наказаний. Это же начало талиона характеризовало и те формы наказания, которые символически выражали соответствие наказания преступлению. Так подделка монеты влекла за собою смертную казнь посредством залития горла расплавленным металлом, чем имелось в виду символически утолить ненасытную алчность преступника, приведшую его к преступлению. Наконец, то же начало талиона проявляется в поражении того органа тела, посредством которого было совершено преступление; так, за подлог и лжесвидетельство с одной стороны, за кражу с другой во многих старых законодательствах назначалось отсечение руки; такой же характер имеет урезание языка за „неистовые речи" и т. п.

На ряду с жестокостью наказаний прежнего времени выдвигается другая их черта, тесно связанная с предыдущей, — *игнорирование личности человека при применении наказаний*. С личностью того, кто подвергался наказанию, прежнее законодательство не находило нужным считаться; ради служения интересам государства можно было жертвовать всеми благами личности. Личность сама по себе не представляла еще по тогдашним взглядам самоценности. То, что человек переносит страшные муки при применении к нему наказания, мало трогало законодателя той эпохи. То, что при этом совершенно попиралась личность, было для него безразличным. Особенно ярко проявляется это игнорирование интересов личности в прежнем порядке отбытия лишения свободы. Забот о заключенных в прежних тюрьмах почти вовсе не было. Не говоря о том, что об исправлении их первоначально вовсе не ставилось даже вопроса, не принималось вообще никаких мер для того, чтобы сделать минимально сносным их физическое существование. Заключенные предоставлялись самим себе, находясь в самых невероятных антигигиенических условиях. Старые тюрьмы были постоянным источником всяких болезней, эпидемии свивали в них себе прочные гнезда. Первоначально государство не заботится даже о пропитании преступников. У нас в московское время арестанты нередко сами снискивали себе средства существования путем прошения милостыни, для чего они выпускались время от времени из тюрьмы на улицы города в сопровождении стражи; содержались они также и на счет добровольных пожертвований сердобольных людей. Только с течением времени государ-

ство берет на себя содержание заключенных в тюрьмах. Внутренний режим тюрем тоже мало заботил прежнее государство, и в этом отношении заключенные были предоставлены самим себе. Они ничем не были заняты, составляли тюремную артель, имевшую свои правила и державшую в страхе не только всю тюрьму, но и начальство ее.

Само собой разумеется, что унизительный характер многих наказаний, существовавших в старом праве, точно также вытекал из игнорирования личности человека. Широкое распространение в прошлом телесных наказаний, которым несомненно присущ элемент позорящих кар, прежде всего по самому способу их применения, было возможно именно тогда, когда личность человека совершенно не уважалась и сама по себе никакой цены для государства не представляла.

Игнорирование личности человека, непризнание ее самоценности проявлялось, наконец, в старом праве и в организации труда заключенных, который начал принимать новое выражение по мере того, как стала выдвигаться новая цель карательной деятельности государства—цель эксплоатации преступника в интересах государства. С принятием этой цели, как руководящего начала, возникает система каторжного подневольного труда арестантов на пользу государства. Им вменяется в обязанность трудиться на пользу государства без всякого вознаграждения за свой труд. Каторжный труд впервые находит себе применение на особых гребных судах — галерах или, как они у нас именовались, каторгах. Отсюда и происхождение самого выражения „каторжный труд". К этим судам арестанты приковывались цепями и веслами приводили их в движение. С проведением начала принудительного труда заключенных, тюрьмы мало-по-малу перестают быть местом праздности и безделья: государство получает в свое распоряжение даровой труд, который и использовывает в своих интересах, организуя работы на свои нужды. Особенно сильное развитие получает это начало у нас при Петре Великом, когда для строительства новой России понадобились рабочие руки. Трудами заключенных построены новые города и крепости. То, что труд может быть использован, как средство исправления преступника, еще в то время не приходило в голову при организации занятий арестантов. Труд был лишь новым отягчением участи заключенных, так как это был труд тяжелый, изнурительный и бесплатный. Личность здесь окончательно принижалась и превращалась в орудие осуществления известных государственных интересов. Заключенные были своего рода рабами государства, и эта мысль нашла себе верное отражение в наименовании каторжного труда „уголовным рабством", которое появилось в английском праве (penal servitude) и которое сохраняется до сих пор, хотя содержание этого понятия теперь стало совершенно иным.

В связи с игнорированием личности при осуществлении наказания стоит и другая отличительная черта старых карательных систем. Это — *неиндивидуальность наказания*. Современное правосознание твердо держится начала ответственности каждого только за свою собственную вину, и ответственность без вины или ответственность за чужую вину не может иметь места в современном уголовном праве. Не то было в старом праве. Оно вполне допускало ответственность не только тех, кто совершил преступление, но и тех, кто так или иначе был связан с преступником, хотя бы он и не принимал решительно никакого участия в совершении преступления. Это начало проводилось обыкновенно в отношении важнейших преступлений и прежде всего государственных.

И даже тогда, когда вообще уголовное право стало строиться на твердом основании индивидуальной ответственности, все-таки существовали широкие отступления от этого принципа для преступлений государственных. Это приходится наблюдать повсеместно на определенной стадии развития общества. Всюду мы замечаем, что вместе с государственным преступником в той или иной степени несут наказание и члены его семьи. Во Франции напр. в XVII и XVIII ст. дети цареубийц подвергались вечному изгнанию, в Пруссии еще в конце XVIII ст. закон указывал, что дети виновных в государственных преступлениях должны подлежать заключению или изгнанию. Для оправдания ответственности ни в чем неповинной семьи государственных преступников английская юриспруденция средних веков выдвинула учение о порче крови, находя, что преступники передают вместе с своей испорченной кровью и преступность, и знаменитый английский юрист Брактон относительно детей государственных преступников говорил, что „для них будет уже много, если им позволено жить". Особенно наглядно проявлялась неиндивидуальность наказания в применении такой меры, как общая конфискация имущества, широко распространенная в старом праве и обычно сопровождавшая присуждение к смертной казни, что для государственных преступлений было общим правилом. Эта мера постигала прямо не самого преступника, а членов его семьи, лишавшихся того достояния, которое по праву должно было бы к ним перейти. Принцип неиндивидуальности старых наказаний особенно рельефно проявляется в нашей старой ссылке, которая обычно постигала не только самого преступника, но и его семью, с ним ссылавшуюся, так что лица невиновные должны были нести все тяготы, которые были рассчитаны на действительных преступников. С точки зрения старого права в этом не было ничего недопустимого, поскольку вообще личность человека не признавалась, как самоценность, и поскольку еще не успела выработаться идея индивидуальной ответственности.

Тот же принцип ответственности за чужую вину выражался еще в одном явлении, известном карательной деятельности всех народов на определенной стадии их развития, в т. н. групповой или коллективной ответственности. Сущность этого явления заключалась в том, что если власть не находила непосредственных виновников преступления, то она подвергала наказанию лиц, так или иначе связанных с оставшимися неизвестными преступниками, в предположении, что вместе с невиновными понесут наказание и виновные. Таким путем устанавливался особый порядок ответственности целых групп, среди которых должен был находиться необнаруженный преступник. В этом случае исходной точкой зрения было соображение о том, что при массовой ответственности наверное может попасться в руки правосудия и тот преступник, который от него до сих пор ускользал и которого иным путем изловить было невозможно. Таким образом слабость розыскной деятельности государства вызывала применение такой меры, которая покоилась на полном неуважении к человеческой личности и в корне противоречит принципу индивидуальной вины. Эта групповая ответственность хорошо была известна и нашему старому праву, но ее знали и другие законодательства—она была обычным явлением при назначении наказания при массовых преступлениях, каковыми являются бунт и восстание против властей; очень часто предписывалось казнить каждого десятого из числа лиц, заподозренных в совершении этих преступлений. Следы этой ответственности существовали еще недавно в нашем дореволюционном праве. Так, по улож. о

нак. 1845 г. устанавливалась уголовная ответственность еврейской общины за укрывательство евреев-дезертиров. Особенно же часто встречалась эта ответственность в области военно-уголовного права в отношении массовых преступлений, совершавшихся лицами, принадлежащими к составу войска.

Наконец, еще одна черта характеризует прежние карательные системы всех народов—неравенство наказаний в связи с сословным неравенством. Существовали как бы две параллельных системы наказаний—одна для привилегированных, другая для непривилегированных. То, что было допустимо по отношению к последним, то не могло быть допущено по отношению к первым. То, что признавалось позорным для лиц высших классов, то не признавалось позорным для лиц низших классов. Еще законы Ману—этот древнейший сборник индийского права—говорили, что брамин, как лицо высшего сословия, не может быть казнен смертью, тогда как лица других каст могли подвергаться этому наказанию. Точно также римское право проводило принцип неодинаковости кары в зависимости от социального положения преступника. Так напр. крестная смерть, как наказание позорного характера, первоначально применялась только к рабам; телесные наказания тоже допускались лишь в отношении лиц низших классов. Там, где сословное начало было особенно сильно выражено, напр. во Франции, Англии и Германии, разница наказаний применительно к лицам разных сословий оказывается особенно разительной. Даже одно и то же наказание варьировалось в зависимости от того, к кому оно применялось. По старому французскому праву за одни и те же преступления полагалось отсечение головы для „благородных“ и колесование или повешение—для остальных людей; только в отношении наиболее бесчестных преступлений, какими признавались предумышленное убийство и разбой на большой дороге, и для благородных полагались те же наказания, что и для простых. С течением времени повсеместно в Западной Европе два господствовавших класса—духовенство и дворянство — были изъяты от смертной казни и телесных наказаний, и там, где полагалась смертная казнь для лиц низших сословий, она заменялась другими наказаниями для лиц высших сословий. По закону французского короля Филиппа-Августа, даже за богохульство наказание было неодинаковое — для дворян штраф, а для крестьян—утопление.

Эта же идея неравенства перед уголовным законом находит себе своеобразное выражение в т. н. „привилегии духовенства“, существовавшей в Англии—привилегии быть избавленным от смертной казни в силу своей принадлежности к кругу лиц духовного звания. Эта привилегия, касавшаяся первоначально одного только духовенства, с течением времени получает широкое распространение—ею пользуются все те, кто умели читать, хотя бы и не были посвящены в духовный сан; само собою разумеется, что при тогдашней неграмотности масс населения, даже при таком расширении круга лиц, имевших эту привилегию, все-таки фактически пользоваться ею могли только лица высших классов, так как только они одни и были в то время грамотными.

Наше старое право, не знавшее сословных перегородок в том смысле, как это явление существовало на Западе, не знало в такой мере и параллелизма наказаний для лиц привилегированных и непривилегированных, но мало-по-малу с возникновением сословного начала этот принцип находит себе полное признание и в нашем законодательстве. При Екатерине II он получает особенно сильное выражение, когда появляются категории лиц, изъятых от телесных

наказаний по правам состояния, по принципу—„телесное наказание да не коснется благородного“: это—прежде всего дворяне, купцы первых двух гильдий и почетные граждане, а впоследствии при Павле I сюда присоединяется духовенство. Параллелизм в этой сфере просуществовал у нас весьма долго, так как, хотя в 1863 г. и были отменены у нас телесные наказания, но это касалось лишь тех из них, которые применялись в качестве дополнительных к другим—плети, назначавшихся, как добавочное наказание при присуждении к ссылке в каторжные работы или на поселение, и розог, сопровождавших присуждение к арестантским ротам или рабочему дому. И после реформы 1863 г. осталась огромная масса населения, которую можно было сечь,—крестьяне, поскольку они судились в волостных судах. Только манифестом 11 августа 1904 г. окончательно отменены у нас телесные наказания в качестве особого уголовного наказания.

В таком виде существовала старая карательная система с ее отличительными особенностями—изобилием отдельных карательных мер, их жестокостью, вытекавшей из целей устрашения и обезвреживания, а подчас из стремления провести в наказании идею талиона, игнорированием личности человека, неиндивидуальностью, допускавшей наказание не только виновных, но и невиновных, и неравенством для лиц, принадлежавших к различным социальным группировкам. Конечно, все эти черты в более отдаленное время проявлялись заметнее, чем в более близкое к нам; с течением времени многие из них утратили прежнюю резкость своих очертаний; однако, несомненно, всеми указанными своими свойствами прежние наказания сильно отличаются от тех, которые образуют современные карательные системы. Правда, как указывалось уже раньше, в современном праве есть еще не мало анахронизмов, пережитков прежних эпох, но их существование только резче подчеркивает те новые формы карательной деятельности, которые выработаны новым временем и которые покоятся на ином представлении об идеале наказания.

§ 4. Постепенно в только что рассмотренной карательной системе прежнего времени происходит ряд существенных изменений, выражающихся внешним образом с одной стороны в полном или частичном вымирании одних родов наказаний, оказавшихся при изменившихся условиях общественности непригодными для выполнения прежнего своего назначения, с другой—в изменении по той же причине общего характера других из них. Таким образом мало-по-малу изменяется общий облик карательной деятельности государства, и карательная система нового времени получает по сравнению с прежней иное выражение. Многие наказания, известные старому праву, отходят в область истории, другие принимают новый вид и наполняются новым содержанием.

Это изменение—продукт многолетней истории общественной жизни. Оно происходит медленно и постепенно, так что часто трудно точно указать тот момент, когда оно совершилось; только иногда в некоторых случаях можно отметить резкие поворотные пункты, которые изменили в определенном направлении существовавший прежде порядок вещей.

Изменение карательных систем прошлого происходило под влиянием различных причин.

Первой из них является о б щ е е с м я г ч е н и е н р а в о в, постепенно происшедшее в современном обществе и вызвавшее общую гуманизацию карательных мероприятий государства. Жестокость перестает быть отличительной

чертой наказания, в особенности с тех пор, как постепенно цель устрашения перестала выдвигаться на первый план в деле борьбы с преступностью. Мало-по-малу выдвигается положение о том, что не жестокость наказания, а его неизбежность должна иметь устрашительное значение. Общее смягчение нравов заставило отказаться прежде всего от тех наказаний, которые особенно поражали своей жестокостью. Исчезает квалифицированная смертная казнь: она уже почти неизвестна в конце XVIII в. Такие формы смертной казни, как четвертование, колесование и сожжение, должны были прежде всего исчезнуть из системы наказаний нового времени, как совершенно не соответствовавшие изменившимся нравам. Сравнительно долго однако сохраняется смертная казнь в более простых формах, пока и она наконец не исчезает вовсе или значительно сокращается в своем объеме. Вместе с тем исчезает и публичное совершение смертной казни, а также все придатки к ней, делавшие ее особенно жестоким и вместе с тем унизительным наказанием. Исчезают далее и наказания изувечивающие. Естественно, что такие наказания, как отсечение рук и ног, рванье ноздрей и т. п., должны были исчезнуть прежде всего под влиянием общего смягчения нравов. После них сохраняют еще некоторое время свое место наказания болезненные, при чем однако принимаются меры к тому, чтобы смягчить присущую им жестокость. Так, у нас в начале XIX в. запрещается приговаривать к нещадному или жестокому наказанию кнутом и устанавливается требование точно определять число ударов кнутом в приговоре суда. Затем исчезают и болезненные наказания, но исчезают они очень медленно. Государство, привыкшее к телесному наказанию, как к обычному приему наказания, с неохотой расстается с излюбленным своим средством. Так как у нас телесные наказания были особенно сильно развиты и на них собственно держалась наша старая карательная система, то расстаться с ними было сразу не легко. Только медленным шагом исчезают у нас отдельные виды телесных наказаний. Кнут исчез у нас только в 1845 г. с изданием улож. о нак., плети и розги в качестве дополнительных наказаний, а также шпицрутены в армии и кошки во флоте просуществовали до 1863 г., розги же в качестве карательной меры, применявшейся в отношении лиц крестьянского сословия, исчезли, как было уже сказано, только в 1904 г.

С другой стороны тюремное заключение мало-по-малу приобретает новый вид и во многом отрешается от тех придатков, которые сообщали ему характер скорее телесного наказания, чем лишения свободы. Но и этот процесс идет очень медленно; он окончательно не завершился даже в наши дни, хотя в общем современное лишение свободы значительно ушло вперед от того, что мы находим в прошлом.

Другой причиной изменения прежней карательной системы была перемена, происшедшая в связи с общим смягчением нравов во взглядах на роль личности в государстве. С тех пор, как личность начинает цениться сама по себе, как нечто самодовлеющее, независимо от принадлежности человека к тому или иному общественному классу, с тех пор, как стало возникать представление о том, что государство должно всячески оберегать эту личность и обеспечивать возможность ее существования и развития, начинают признаваться недопустимыми и невозможными те наказания, которые заключали в себе полное игнорирование ценности личности, как таковой. Государство приходит к заключению, что, как ни важна сама по себе энергичная,

интенсивная борьба с преступностью, оно тем не менее не может позволить себе прибегать в этой борьбе к любому средству. Ясно начинает сознаваться, что не все средства борьбы могут быть допущены и что нельзя здесь руководиться началом—цель оправдывает средство. Отсюда протест против смертной казни, как наказания, основывающегося на полном игнорировании личности человека, протест, приведший к постепенному исключению смертной казни из числа возможных в настоящее время наказаний. Еще раньше такой же протест, притом с большим успехом на практике, был сделан против телесных наказаний, которые постепенно были признаны абсолютно негодным средством карательного воздействия, именно потому, что они покоятся на уничижении личности. При этом, при установлении взгляда на недопустимость применения телесных наказаний, стала подчеркиваться не столько их внешняя, физическая сторона—причинение телесной боли, сколько внутренняя, моральная—причинение нравственного страдания, как последствия уничижения личности. Изменившийся взгляд на положение личности в государстве заставил отказаться и от каторжного подневольного и бесплатного труда, а в организацию лишения свободы он внес новые элементы, вытекавшие из признания необходимости уважать личность даже и в преступнике—отсюда принятие мер к охране здоровья заключенных, создание для них сносных условий существования, забота об их умственном и нравственном развитии и т. п. Но в этом отношении следует отметить, что даже тогда, когда личность человека вообще была поставлена в государстве на должное место, все-таки весьма долго еще личность осужденного преступника не пользовалась надлежащим признанием, и все те начала, которые торжественно провозглашались относительно прав личности и обеспечения их, умолкали у дверей тюрьмы. В тюрьме по отношению к отбывающему наказание дозволялось многое такое, что по отношению к прочим гражданам было осуждено изменившимся общественным правосознанием. Так напр., когда телесные наказания вышли уже из употребления в качестве общей меры наказания, как несовместимые с современным положением личности, все-таки в тюрьмах эта мера признавалась допустимой в качестве одной из мер дисциплинарного характера. Только тогда, когда стали уважать личность человека и в осужденном преступнике, телесные наказания исчезают из обихода тюремного режима. У нас это произошло очень недавно, после февральской революции, в марте 1917 г., когда из нашей карательной системы были окончательно исключены последние остатки телесных наказаний.

На изменение прежней карательной системы повлияло далее то изменение, которое произошло во взглядах на цели наказания. На место исключительного господства целей устрашения и обезвреживания выдвигается с течением времени цель извлечения из наказания известной пользы прежде всего для государства. Но постепенно все резче и резче выдвигается представление о том, что цель наказания — извлечь пользу из наказания прежде всего в интересах самого заключенного. Эта польза мыслится, как привитие преступнику тех мотивов поведения, которых ему не доставало для мирной и честной жизни в обществе. На этом представлении покоится цель исправления в смысле социального перевоспитания преступника. Цель исправления, отодвинувшая на второй план цели устрашения и обезвреживания, совершенно изменила взгляд на возможные и пригодные средства карательного воздействия. Наказания, которые не могут исправлять преступника, напр. смертная казнь и телесные наказания, исчезают,

а с другой стороны развиваются такие наказания, которые по самой своей сущности в особенности пригодны для достижения цели исправления. В этом отношении на первое место выдвигается лишение свободы, как наказание, особенно подходящее по своей природе для осуществления цели исправления, так как режим его в связи с продолжительностью самого лишения свободы может принимать такие формы, которые могут оказывать должное воздействие на преступника в смысле его перевоспитания.

Наконец, уничтожение сословных перегородок, существование которых вызывало к жизни параллелизм наказаний, повлекло за собою значительное изменение карательной системы. Карательная система с упразднением сословного неравенства перед уголовным законом стала проще, и многие наказания, рассчитанные на лиц того или иного сословия, исчезают. Так напр. из русского права, сравнительно недавно, в 1900 г. исчезает, как особый род наказания, применявшийся к лицам привилегированных сословий, ссылка на житье. Любопытно при этом отметить, что процесс вымирания параллельных наказаний шел, главным образом, путем предоставления известных привилегий, присвоенных по закону высшим классам общества, лицам низших классов. Так, в нашем праве в течение всего XIX ст. постепенно расширяется круг тех лиц, которые были изъяты от телесного наказания по специально предоставленным им привилегиям. То же произошло в Англии с постепенным расширением привилегии духовенства, освобождавшей его от смертной казни, на все более и более широкие круги населения.

Но кроме этих общих причин, повлиявших на изменение всей карательной системы прошлого, были еще и особые частные причины, действовавшие совместно с ними или выступавшие самостоятельно от них и влиявшие на постепенное вымирание или прямое исчезновение отдельных наказаний.

Так, признание обогащения государства на счет имущества преступника принципом, для государства неприемлемым, вызвало исчезновение полной конфискации имущества преступника. С другой стороны, на исчезновение этого наказания повлияло и изменившееся отношение к вопросу об основании ответственности в уголовном праве. По мере того, как выяснилось, что виновность в преступлении должна быть строго индивидуальной и что уголовная ответственность должна падать только на того, кто совершил преступление, оказалось недопустимым применение мер, покоившихся на признании возможности ответственности за чужую вину.

Более тесные сношения между отдельными государствами и сознание общности интересов борьбы с преступностью во всем культурном мире вызвали исчезновение изгнания, так как, в конце концов, эта мера сводилась к обмену отдельных государств своими преступниками, что вовсе не пригодно служить цели искоренения преступности. Только в отношении политических преступлений могло еще удерживаться применение этого наказания в виду совершенно особой природы этих преступлений, тесно связанных с определенным государственным строем: то, что в этом отношении преступно для одного государства, теряет этот свой характер в другом государстве.

Постепенное заселение и колонизация отдельных территорий, доселе мало заселенных, вызвали сокращение применения, а затем и исчезновение ссылки, как особого наказания. С тех пор, как колониальные владения государства и вообще отдельные его области, редко населенные, начинают жить той же куль-

турной жизнью, какой живет и метрополия, и по мере того, как, благодаря этому, вместе с тем сокращается число тех местностей, которые могут быть использованы для ссылки, все более и более сокращается возможность применения этого наказания. Колонии, достигшие известной ступени своего процветания и культурного развития, отказываются принимать к себе из метрополии штрафной элемент. Так это было с английской ссылкой, направлявшейся первоначально во владения Англии в Северной Америке, превратившиеся затем в Соединенные Штаты, а затем и со ссылкой в Австралию. Благосостояние Австралии во многом создано благодаря труду ссыльного, штрафного элемента: но, приобщившись к благам культурной жизни, эта страна не пожелала больше быть местом ссылки, с чем должна была согласиться и Англия. Наконец, и само государство может придти к тому заключению, что нельзя выселять преступников из одной части его территории в другую, создавая таким путем для последней неподходящий контингент населения, грозящий ей постоянной опасностью. Так это произошло с русской ссылкой в Сибирь, достигшей к концу прошлого века колоссального развития по числу ежегодно ссылавшихся преступников. С приобщением Сибири к общей культурной жизни России, в особенности после проведения великой сибирской магистрали, дальнейший приток ссыльных в Сибирь сделался невозможным, и это наказание неминуемо должно было исчезнуть из числа карательных мер, что и произошло у нас отчасти в 1900 г. и окончательно в апреле 1917 г.

Идея оказания законами покровительства всем лицам, находящимся на территории государства, сделала недопустимым применение такой меры, как объявление вне закона, даже в том его смягченном виде, каком выражался в институте шельмования нашего петровского законодательства или гражданской смерти старого французского права. С этим наказанием не могли мириться основные устои современного государства, не могущего допустить существование в своих пределах людей, которых можно было бы безнаказанно, если не убивать, то увечить, грабить и т. п. В соответствии с этим такие наказания, как гражданская смерть и лишение всех прав, потеряли характер мер, делавших преступника бесправным. Они сделались лишь более интенсивными формами лишения прав по объему тех правопоражений, которые из них вытекали.

Соображения государственной пользы и необходимости экономить рабочую силу заставили государство признать недопустимыми такие наказания, которые заключали в себе членовредительство. Изуродованные наказанием люди, как беспомощные калеки, в конце концов ложились тяжким бременем на само же государство, и несомненно это обстоятельство было одним из поводов к исчезновению этих наказаний в ту пору, когда общественное правосознание не пришло еще к мысли о недопустимости их по соображениям гуманности.

Наконец, представление о том, что честь человека не зависит от оценки ее государством, а стоит в связи с отношением к данному субъекту его сограждан, в зависимости от его поведения, побудило государство признать честь непригодным объектом карательного воздействия и отказаться от таких наказаний, которые направлены были на честь человека. Позорит человека не наказание, которому он подвергается, а то преступление, которое им совершено и за которое он несет наказание. Как бы государство ни унижало человека, он не будет унижен в глазах своих сограждан, если учиненное им деяние не считается позорным в глазах всего общества. Отсюда отказ от применения

острамительных наказаний и всего того, что должно было унижать преступника, отбывающего наказание, в глазах всего общества.

Изменение в карательной системе прошлого произошло, кроме того, и под влиянием постепенно окрепшего сознания того, что борьба с преступностью посредством наказания не есть наилучшее и единственное средство, и что нужно искать другие меры, более пригодные для этой цели. Факт неизменного существования наказания у всех народов и во все времена и параллельный ему факт постоянного существования преступности дали основание высказать мысль о том, что, очевидно, одним применением наказания ничего в этом деле достигнуть нельзя. Наказания неослабно применяются, а преступность неослабно растет. И вот мы видим, что с конца XVIII в. начинает высказываться все настойчивее и настойчивее мысль о том, что одним наказанием в борьбе с преступностью обойтись нельзя, что на ряду с ним должна быть создана иная система мер борьбы. Впервые в особенно отчетливом и целом виде эта мысль, хотя ее высказывали и раньше (напр. Монтескье), находит себе выражение в знаменитом труде итальянского писателя-гуманиста Чезаре Беккарии, носящем заглавие „О преступлениях и наказаниях" и появившемся в 1784 г. Кроме решительного протеста против смертной казни и вообще против жестокости карательной системы того времени, мы находим в нем признание того положения, что в деле борьбы с преступностью предупреждение преступлений имеет значение не меньшее, чем установление за них наказаний. Меры предупредительные, превентивные должны быть предпочтительными по сравнению с мерами карательными, репрессивными. Эта идея выливалась в указание на то, что репрессия вообще может быть оправдана лишь постольку, поскольку существует на ряду с ней система мер превенции, предупреждения; иначе применение наказания государством оправдать нельзя. По словам Беккарии, „нельзя назвать справедливыми или необходимыми наказания за преступления до того времени, пока законы не стремятся к предупреждению этих преступлений всеми наличными и возможными при условиях, в которых находится данное государство, средствами"... Эта идея получила полное признание и дальнейшее развитие лишь в недавнее время, но одно ее появление в прошлом должно было повлиять на изменение физиономии прежней карательной системы.

Самое вымирание прежней системы наказаний и нарождение взамен ее новой, более соответствующей новым условиям общественной жизни, шло, как указано было уже выше, медленным темпом. Многие прежние наказания остаются и до сих пор в силе, пережив ту эпоху, когда они были вполне понятны и приемлемы. Такова напр. смертная казнь—наказание, окончательно осужденное современным правосознанием, но сохраняющееся еще до сих пор, правда, в весьма ограниченном размере во многих законодательствах. Но и там, где она существует, она применяется в таком ограниченном объеме, который показывает, что это наказание накануне полного исчезновения из современной карательной системы.

С другой стороны, иногда приходится наблюдать в наше время процесс оживания некоторых наказаний, которые, казалось, окончательно исчезли из современных карательных систем. Обыкновенно причиной этого явления, несомненно представляющего собою шаг назад в развитии уголовного права, являются какие-нибудь особые обстоятельства, имеющие преходящее значение. При

таких условиях возврат к прошлому представляется случайным и временным, а потому и не подрывающим общего прогресса в области уголовных кар. Так, это приходится сказать относительно телесных наказаний, которые были восстановлены в 1905 г. в Дании в отношении посягательств на женскую честь и некоторых других насильственных преступлений. Совсем недавно, уже в переживаемую нами эпоху, в 1920 г. восстановлены были телесные наказания в Венгрии в отношении некоторых преступлений, так сказать, хулиганского типа.

Оживание этих карательных мер, отошедших в область прошлого, объясняется главным образом некоторой растерянностью законодателя перед фактом все растущей преступности, бороться с которой делается для него все более и более затруднительным, а также его неумением отыскать те приемы борьбы с преступностью, которые были бы более подходящими для современной жизни, чем старые, уже осужденные современным правосознанием, меры. Вместо того, чтобы отыскивать такие новые приемы борьбы, обращаются к старым рецептам общественного оздоровления, не замечая того, что эти рецепты утратили теперь всякое значение и что и в прошлом они далеко не имели той силы, которую теперь им склонны придавать.

Но, как бы медленно ни шел прогресс в области карательной деятельности государства и как бы на пути его движения ни встречались обстоятельства, которые задерживают ход его развития и даже поворачивают временно этот путь назад, ничто не может остановить этого прогресса, так как он связан с общим прогрессом человечества, переходящего постепенно к все более и более совершенным формам своего существования и отбрасывающего все то, что стоит на этом пути.

Так, путем постепенных и медленных изменений, образовалась та система мер борьбы с преступностью, которая господствует в современном обществе, хотя и не во всех еще странах она достигла полного своего развития.

Глава IV.

Особенности современной системы мер борьбы с преступностью.

§ 1. Сопоставляя современную систему мер борьбы с преступностью с прежней, можно заметить ряд особенностей первой по сравнению с последней.

Прежде всего отличительной чертой современной борьбы с преступностью является представление о том, что наказание не есть единственное средство для этой борьбы. Вместо того исключительного значения, которое придавалось раньше наказанию, ему в настоящее время отводится сравнительно более скромное место лишь одного из этих средств, притом уместного постольку, поскольку не достигают благих результатов другие средства. Это не означает однако, что, по современным взглядам, наказание утратило всякое значение—оно по-прежнему царит в уголовном праве, но вне уголовного права, за его пределами, возникают иные средства борьбы с преступностью, с ним конкурирующие и его вытесняющие.

Изменение взгляда на роль наказания. как средства борьбы с преступностью, произошло под влиянием соображений двоякого рода. С одной стороны выдвинулась мысль о том, что борьба с любым явлением, нежелательным для общества, только тогда может быть плодотворной и успешной, когда известны причины этого явления и когда борьба с ним сводится к борьбе с этими причинами, к устранению или парализованию их. Преступность—одно из таких нежелательных явлений. Чтобы успешно бороться с ним, необходимо установить причины его. Выяснение причин или факторов преступности указало, куда в первую очередь должна быть направлена борьба с преступностью. С другой стороны мало-по-малу было установлено то положение, что преступники не представляют собою однородной массы, что их надо группировать, делить на определенные классы, и что борьба с преступностью должна варьироваться в связи с особенностями отдельных групп преступников. В частности выдвинулась идея о том, что среди общей массы преступников наибольшее внимание заслуживают те, которые характеризуются, как особенно опасные для общежития. Представление об особенной опасности определенных категорий преступников вызвало вместе с тем появление таких мер борьбы с ними, которые направлены непосредственно на устранение этой опасности,—мер, чуждых идеи возмездия, заключающейся в наказании, и известных под именем мер социальной защиты. Таким образом, на ряду с наказанием выдвинуты были особые меры социальной защиты, которые все более и более развиваются по мере того, как выясняется, что среди преступников имеется действительно не мало таких, которые по тем или иным соображениям представляются особенно опасными для общества и борьба с которыми при помощи наказания оказывается недействительной.

Таким образом, борьба с преступностью в настоящее время проявляется 1) в борьбе с факторами преступности—это область предупреждения преступлений, область превенции, являющейся частью общей социальной политики государства, 2) в наказании—это область кары, репрессии, область уголовного права, и 3) в мерах социальной защиты—это область охраны общества.

Указывая на эти различные формы борьбы с преступностью в современном обществе, нужно однако иметь в виду, что не везде все эти формы получают одинаковое развитие, и что чем более данное государство придерживается прежних взглядов на способы борьбы с преступностью и чем меньше вместе с тем оно приобщается к общему ходу культурного прогресса, тем более оно уделяет место наказанию и тем менее оно считается с необходимостью как установления мер предупреждения, так и развития на ряду с наказанием системы мер социальной защиты. Общий же прогресс в области борьбы с преступностью наглядно показывает нам, как постепенно понижается роль наказания в этом отношении и как другие средства борьбы начинают получать преобладающее значение.

Но приведенными тремя формами не ограничивается еще вся область борьбы с преступностью в современном праве.

Эта борьба может быть организована и при помощи иных приемов. Даже в области уголовного права государство борется с преступностью не только при помощи одних наказаний. Так напр. во всех законодательствах обычно установляется правило о том, что то, что добыто преступным

путем—продукты преступной деятельности—подлежит отобранию, конфискации и уничтожению, как нечто нетерпимое в гражданском обороте. Таким путем пресекается возможность использовать то, что добыто или произведено при помощи преступления, и тем создается в населении стимул воздержания от соответственного преступного деяния. То-же также, если объявляется юридическая ничтожность какой-нибудь сделки, заключенной вопреки запрету закона, напр. ростовщической сделки, то в этом тоже проявляется борьба с преступностью. Наконец, если совершивший правонарушение принуждается загладить то, что он совершил, восстановить прежнее правовое состояние или возместить причиненный им вред, то, конечно, и при помощи таких мероприятий тоже ведется борьба с преступностью. Таким образом меры пресечения неправомерной деятельности и меры возмещения вреда, хотя они и не являются наказаниями, выполняя совершенно иные функции, могут быть тем не менее использованы и на практике постоянно и бывают используемы, как средства для борьбы с преступностью.

Наконец, для той же цели может быть использована и система таких мер, которым присущ элемент известного награждения, премирования того, кто воздержится от совершения преступления или доведения его до конца. Такой характер имеет напр. установление безнаказанности покушения на преступление, добровольно приостановленного самим преступником по какому-нибудь его внутреннему побуждению (ср. ст. 14 уг. код.). Этой безнаказанностью создается для него золотой мост отступления. Тот же смысл имеет установление безнаказанности для случаев т. н. деятельного раскаяния, когда преступник, совершив известное деяние, направленное на учинение преступления, затем принимает меры к тому, чтобы из него не возникло задуманное им; таково напр. тушение самим виновным произведенного им пожара под влиянием раскаяния или иного какого-нибудь мотива. Такие положения закона, создавая для преступника безнаказанность, тем самым создают для него стимул к воздержанию от приведения в исполнение начатого преступления.

К этой же категории правовых положений относится и правило, устанавливающее безнаказанность доносчика в случае сообщения им властям о преступлении, в котором он сам был участником; это допускалось [redacted] прежних законодательствах в отношении государственных преступлений. Конечно, подобное правило может быть осуждаемо с точки зрения этики, как принцип безнравственный, а потому и неприемлемый, однако нельзя отрицать того, что в нем лежит верная мысль о том, что бороться с преступлением можно и путем предоставления известных льгот отдельным соучастникам его.

Эта система наград или премий, как средство борьбы с преступностью, может принимать и несколько иное выражение, имея в виду не тех, кто совершил преступление, а тех, кто помогает власти в раскрытии преступления. Такова система наград, которые идут в пользу лица, раскрывшего какое-нибудь преступление, причиняющее ущерб казне, напр. нарушение таможенных правил, в частности контрабанду. Само собою разумеется, что и всякое вообще награждение или премирование лиц, по роду своей службы обязанных обнаруживать преступников, тоже является одним из средств борьбы с преступностью. Вообще же надо заметить, что чем совершеннее будет поставлено дело обнаружения преступников, тем менее будет создаваться для них шансов безнаказанности и тем больше лица, расположенные к совершению преступлений, будут от них

воздерживаться. Естественно поэтому, что правильная, рациональная постановка следственного дела в государстве оказывается одним из лучших средств борьбы с преступностью. С этой точки зрения можно говорить о том, что хорошая судебная полиция дает возможность сократить объем применения наказаний.

Поскольку современная система мер борьбы с преступностью характеризуется тем, что наказание перестает быть исключительным средством для этой борьбы, постольку в связи с этим выдвигается положение о том, что, где можно без ущерба для интересов общежития обойтись без наказания, там это должно быть сделано. Это — принцип, которому в прошлом уделялось весьма мало внимания, но который все более и более завоевывает себе признание в настоящем, — принцип экономии карательных мер. Старое время было в отношении назначения наказаний весьма щедро, устанавливая большое разнообразие отдельных карательных мер и расточая их, не считаясь с тем, насколько интересы общежития действительно этого требовали и насколько осуществляются в жизни требования закона о применении наказаний за отдельные преступления. При этом не проводилось особенной разницы между важным и неважным—одинаково и то и другое могло влечь за собою самые жестокие и суровые меры. Наказание было единственным средством борьбы с преступностью и должно было применяться, раз было на лицо ослушание воли законодателя.

Современное правосознание выдвинуло иное требование. Оно признало, что наказание—самое тяжелое и самое сложное средство борьбы с преступностью, которое может быть использовано там, где другие средства непригодны, именно как крайнее и последнее средство. Отсюда естественный вывод, что наказания не должны быть расточаемы без особой нужды, не должны быть назначаемы понапрасну, зря. Вместе с тем современное правосознание находит, что наказание есть обоюдоострое оружие, это—меч, который ранит и того, кто им наносит раны другому. Факт отбытия наказания, в особенности посредством лишения свободы, не безразличен для государства. Он требует больших финансовых затрат для надлежащего своего осуществления. Чем проще наказание, тем оно дешевле и вместе с тем несовершеннее, и наоборот, чем оно сложнее и совершеннее, тем оно дороже. Смертная казнь и телесные наказания—самые простые и вместе с тем самые дешевые наказания, но зато и самые несовершенные. С другой стороны, надлежаще устроенная тюрьма, занимающаяся не на словах только, а и на деле перевоспитанием преступников, должна требовать больших затрат, на что не всякое государство в силу своего финансового состояния может пойти.

В виду всего этого и выдвигается в настоящее время принцип экономии карательных средств, заключающий в себе с одной стороны положение о том, что не все то, что до сих пор наказывалось, должно и впредь подлежать наказанию, а с другой — о том, что если можно обойтись без ущерба для общежития без наказания в отдельных случаях, то следует воздержаться от его применения и испробовать другие приемы воздействия на преступника. Есть деяния, настолько маловажные, что можно противодействовать им иным путем, чем тот, каким обычно шли в отношении их, — путь наказания. В силу первого положения происходит сокращение области тех деяний, которые закон объявляет преступными. Современные законодательства нам показывают, что многие деяния,

известные прежнему времени в качестве преступлений, перестают теперь считаться таковыми. Так, было время, когда область греховного смешивалась с областью преступного, и многие чисто греховные деяния были обложены наказаниями. От этого современные законодательства отказались и тем значительно сократили область наказуемого, достигнув этим экономии в своих карательных средствах. Что же касается второго положения, то мы видим, что современное право допускает возможность обходиться в известных случаях без наказания, поскольку оно усматривает в этом больше пользы для общежития, чем в применении наказания.

Эта идея нашла себе выражение в одной новой мере борьбы с преступностью, неизвестной прежнему праву, но получившей особенное развитие в наше время, — мере, известной под именем условного осуждения. Под условным осуждением разумеется мера, сущность которой сводится к предоставлению суду права в виду исключительных обстоятельств данного конкретного случая отсрочить исполнение назначенного им наказания на определенный срок под условием хорошего поведения осужденного в течение этого срока: по истечении этого срока, в случае хорошего поведения осужденного, назначенное ему судом наказание вовсе не применяется, в случае же, если преступник будет вести себя дурно, в частности совершит снова преступление, то приостановленное наказание приводится в исполнение независимо от наказания за новое преступление. Эта мера была вызвана к жизни представлением о том, что наказание лишением свободы, назначаемое на краткие сроки, вместо пользы обычно приносит один вред, так как организация его всюду оставляет желать многого. Осужденные на краткие сроки обычно содержатся по системе общего заключения, без всяких работ, и при таких условиях получается развращающее влияние одних преступников, более испорченных, на других, менее испорченных.

Условное осуждение не есть наказание, так как оно по самой своей сущности представляет отказ в конкретном случае от применения наказания. Это — особая мера борьбы с преступностью, дающая возможность значительно сократить область применения уголовных кар и идущая таким образом навстречу требованию экономии карательных средств. Она является важным приемом социального перевоспитания, так как судьба преступника оказывается здесь вверенной в его же собственные руки, и от его самодеятельности, от его работы над самим собою, зависит его дальнейшая участь. Эта мера обычно применяется в случае осуждения за сравнительно менее важные преступления, так как чувство общественной справедливости, несомненно, может быть затронуто фактом безнаказанности важного преступника. Второе его условие касается круга тех лиц, в отношении которых оно может быть с успехом применяемо. По самой своей идее оно приемлемо в отношении тех преступников, которым можно доверить их самоисправление, а это может касаться только тех, кто не является настоящим преступником, т. е. таким, который из преступления сделал себе промысел, или занимается им по привычке; профессионалы на преступном поприще и рецидивисты не могут быть подходящим элементом для этого. Только те лица, которые ведут в общем честный образ жизни и лишь в силу особенно неблагоприятно сложившихся обстоятельств впали в преступление, напр. под влиянием охватившей их страсти, под влиянием представившегося соблазна и т. п., вообще те, кого можно назвать эпизодическими преступниками — преступники, в жизни которых преступление не более, как случайный эпизод, —

только эти лица могут быть признаны подходящими для применения к ним условного осуждения. При этом самая организация условного осуждения требует установления гарантий того, что эта мера действительно окажет надлежащее воздействие на того, кто ей подвергается. Преступник должен быть в течение известного времени на испытании; срок этого испытания различен, в угол. код. он устанавливается в размере от 3 до 10 лет (ст. 38). Самый период испытания должен быть построен так, чтобы он действительно проходил с пользою для условно-осужденного. Поэтому в наиболее совершенных формах применения условного осуждения, напр. в законодательствах Северо-Американских Штатов и в английском, устанавливается особый попечительный надзор за условно-осужденным. Последний находится под специальным наблюдением особого лица, которое обязано следить за вверенным его попечению преступником, заботиться о приискании ему места, занятий, приличного заработка и является его советником в трудных случаях жизни. Только там, где попечительный надзор организован надлежащим образом, период испытания не проходит бесплодно. Предоставленный же самому себе условно-осужденный легко может впасть снова в преступление, не найдя себе места в общей борьбе за существование. Наконец, условное осуждение только тогда оказывается приносящим пользу, когда условно-осужденный в период испытания оказывается связанным специально возложенными на него требованиями, напр. жить в известной местности, воздерживаться от общения с преступным миром и т. п. Только осторожное и должным образом регламентированное применение условного осуждения может принести пользу; иначе эта мера, в особенности если она применяется слишком часто и без должного разбора, может принести только вред, создавая для преступника лишний шанс безнаказанности. Применение его должно быть таким образом не общим правилом, а сравнительно редким исключением. Если преступник будет рассчитывать на то, что он будет условно осужден, и если он будет действовать с этой надеждой, опираясь на наблюдаемый им факт постоянного и щедрого применения этой меры, то тем самым он будет укрепляться в мысли о совершении преступления. Если совершенствуются приемы борьбы с преступностью, то не нужно забывать, что совершенствуются и те приемы, к которым прибегают преступники для того, чтобы избавиться от суда и наказания, и что самый закон может быть использован ими, как средство избавиться от наказания.

Дальнейшей отличительной чертой современной системы мер борьбы с преступностью является порядок применения их, а это находится в связи с пределами власти, предоставленной суду при назначении наказания.

Всякая карательная система, устанавливающая те или другие наказания, исходит из представления об определенном порядке, в каком эти наказания будут применяться к конкретным случаям жизни. В этом отношении приходится наблюдать, что отношение законодательства к деятельности органов, отправляющих правосудие, в разные эпохи развития общественной жизни представляется различным. В старом праве господствует принцип, сводящий роль судебных органов в деле назначения наказании к чисто-механической деятельности. Закон угрожает за определенное преступление известным наказанием, и это наказание в том виде, в каком его указывает для данного случая закон, без всякого его изменения, в смысле усиления или ослабления, должно быть назначено судьей. Раз вина преступника в учиненном им преступлении доказана, задача судьи —

назначить то наказание, о котором говорит закон. Это характеризует так наз. абсолютно-определенные санкции уголовного закона, т. е. те определения уголовного закона, которые касаются установления наказаний за отдельные преступления. Эти санкции называются абсолютно-определенными в том смысле, что в них раз навсегда указано, какое наказание должно быть применено к известному преступлению. Закон здесь не предоставляет права суду считаться с особенностями конкретного случая преступления: все они подводятся под один тип, указанный в законе. Но на ряду с этим в старом праве встречается и иное отношение к праву суда назначать наказание, именно иногда это право у суда отнимается и передается другим органам власти. Так, напр. в нашем московском праве сплошь и рядом говорилось о назначении наказания, как государь укажет. Этим подчеркивалась полная неопределенность того наказания, которому может подвергнуться преступник за совершенное им деяние. Такого рода санкции именуются абсолютно-неопределенными; они характеризуются полной своей неопределенностью. Как разновидность их, можно назвать те санкции уголовного закона, в которых суду предоставлялось право назначить наказание вне общего порядка по его полному усмотрению, так наз. произвольное наказание. Такие санкции встречались в законодательстве Западной Европы весьма часто. По мере того, как было установлено, что деятельность судебных органов есть деятельность подзаконная, и по мере того, как утвердился принцип, что преступление есть только то, что таковым признает закон, и что наказание должно быть тоже указано в законе (nullum crimen, nulla poena sine lege), этот тип санкций должен был выйти из употребления. Борьба с преступностью путем наказания, по современным взглядам, может быть осуществлена только в пределах закона. Никаких произвольных наказаний суд назначать не в праве; вместе с тем никто, кроме суда, не может определить наказание за преступление, подлежащее его обсуждению. С другой стороны с течением времени признается непригодной и санкция первого типа, как отнимающая у суда возможность приспособить наказание к особенностям конкретного случая.

В виду всего этого мало-по-малу в области мер борьбы с преступностью начинает выдвигаться новый принцип, до сих пор неизвестный — принцип индивидуализации наказания, т. е. требование индивидуализировать наказание в каждом отдельном случае преступления в соответствии с особенностями последнего. Дело в том, что одно и то же деяние может получить неодинаковую оценку в зависимости от особенностей его совершения — от мотивов преступной деятельности, от способа его совершения, от условий места и времени совершения и т. п. Кража, совершаемая для личного обогащения и для того, чтобы раздать украденное бедным, кража со взломом и простая карманная кража, кража в ночное время, когда имущество в общем охраняется не так интенсивно, как днем, и кража дневная; убийство, вызванное аггрессивными действиями убитого, и убийство из корысти; убийство, совершенное общеопасным способом, и убийство при превышении пределов необходимой обороны — все это разные виды одного и того же преступления, получающие неодинаковую оценку в зависимости от конкретных условий, в которых они совершаются. Принцип индивидуализации наказания, требующий приспособления наказания к особенностям конкретного случая, естественно, не мог мириться с существованием санкции абсолютно определенной и на смену последней является новый тип санкции,

господствующий в настоящее время во всех уголовных законодательствах — тип санкции, относительно-определенной, в которой суду указываются известные пределы его власти при определении размеров наказания применительно к особенностям данного случая, но в тех именно рамках, которые установлены для этого в законе. Этот принцип индивидуализации наказания, проникающий всю современную карательную систему, требует учитывания таких элементов в составе преступления, с которыми раньше не находили нужным считаться, и прежде всего мотива преступления, который весьма часто проливает надлежащий свет на личность преступника. Мотив играет огромное значение в выяснении значения преступления и особенностей самого преступника. Преступление меняет свою физиономию в зависимости от мотива деятельности преступника. Мотивы позорящего характера и мотивы похвальные рисуют одно и то же преступление в неодинаковом виде.

Однако, по мере дальнейшего углубления принципа индивидуализации наказания, тех пределов власти суда уголовного при назначении наказания, которые намечаются относительно-определенной санкцией, оказывается недостаточно. Могут быть случаи, где представляется настоятельно необходимым особенное смягчение участи преступника в виду особо сложившихся обстоятельств, при которых совершается преступление. Таким образом могут оказаться нередко тесными и узкими те пределы, которые отводятся власти суда при существовании этой санкции, и вот мы видим, что в новейшее время установляются новые правила, развивающие еще далее принцип индивидуализации наказания и дающие возможность еще более расширить власть суда при назначении наказания. Так, суду представляется право в особенно исключительных случаях понизить наказание и за те пределы, которые ему отмежевываются относительно-определенной санкцией. Ему предоставляется право выходить за пределы того минимума, который положен в законе для данного преступления; он может выбрать любое наказание, которое представляется ему наиболее подходящим к особенностям данного преступления. Наконец, многие новейшие проекты угол. улож. (напр. швейц. и герм.) идут еще дальше и предоставляют суду право и вовсе освобождать от наказания в особо маловажных случаях, поскольку в конкретном случае имеются на лицо обстоятельства, свидетельствующие о бесцельности применения здесь наказания. Таким образом этот принцип индивидуализации наказания покоится на начале широкого доверия законодателя к судебным органам, — доверия, которое в такой форме было неизвестно прошлому времени.

Наконец, последней отличительной чертой современной системы мер борьбы с преступностью, неизвестной прежним эпохам в виду изменившихся условий социальной жизни, является *принцип привлечения общества к делу борьбы с преступностью*. В прежнее время, вполне естественно, при отсутствии свободно существующих общественных организаций не мог и возникнуть вопрос о содействии общества государству в этом деле. Это содействие могло выражаться только в таких примитивных формах, притом скорее личной, чем общественной инициативы, как подаяние милостыни заключенным, широко практиковавшееся у нас в старину и бывшее часто единственным источником их существования. Совсем иную картину видим мы в современной жизни. На ряду с государством начинает бороться с преступностью и само общество в доступных ему, при том несколько иных, чем у государства, формах. Обще-

ство идет на помощь государству и оказывает ему содействие в таких областях, где государственное вмешательство едва ли уместно и удобно. Так, мы видим, что попечение о нуждах заключенных во время отбытия наказания, а в особенности после освобождения от него, организация им помощи в том или ином виде, т. е. патронат, всецело обязаны своим возникновением и развитием общественной инициативе. И эта деятельность весьма важна и существенна — без патроната, без попечения о заключенном после освобождения его из тюрьмы все те меры, которые были предприняты государством для его социального перевоспитания, останутся втуне: обычно преступник, отбывший наказание и очутившийся наконец на свободе, не находит себе заработка, пристанища и пропитания, не получает ни от кого нравственной поддержки и поэтому очень скоро снова устремляется на путь преступлений. Общественная поддержка необходима в этом случае, как надежное средство борьбы с рецидивом. Государство само подобной деятельности не развивает — для этого нужны иные приемы, чем те, которые существуют в бюрократической машине государственного управления; оно внесло бы в это живое дело бездушный формализм. Поэтому его роль сводится в этом отношении к оказанию материальной помощи обществам патроната, предоставлением им субсидий или оказанием им иного содействия.

Есть еще одна сфера, в которой общественная инициатива оказывает важное содействие государству в борьбе с преступностью, именно сфера борьбы с детской преступностью. Исправительно-воспитательные учреждения разных типов, созданные для детей, совершивших преступления, или просто заброшенных и беспризорных, в частности для детей дефективных, обязаны своим возникновением общественной инициативе. Это явление приходится наблюдать повсеместно. Даже у нас, где общественная инициатива была всегда слабо развита, все учреждения для борьбы с детской преступностью именно ей были обязаны своим возникновением. Все колонии и приюты, которые у нас возникли, начиная с 70-х годов прошлого столетия, созданы общественными организациями лишь при содействии государства, но не им самим. Конечно, государство обычно следит за деятельностью всех подобных учреждений, выполняющих свое дело в интересах общественных, в частности устанавливает основные начала организации этих учреждений, но ближайшее ведение дела предоставляет всецело в руки специально для этого учрежденных обществ.

Все эти явления наглядно подчеркивают то, что борьба с преступностью не есть узкое дело, в котором заинтересовано только государство, оно представляет и широкий общественный интерес.

Итак, признание наказания лишь одним из средств борьбы с преступностью, проведение принципа экономии карательных средств, установление начала индивидуализации наказания и привлечение общества к непосредственному участию в деле борьбы с преступностью — вот те отличительные черты современных средств этой борьбы, неизвестные прежнему времени и вызванные общим культурным прогрессом, переживаемым современным обществом.

Ближайшее, хотя бы и беглое, рассмотрение современной постановки наказания, организации мер социальной защиты и мероприятий социальной политики государства может ясно показать, насколько далеко современное государство ушло от тех мер борьбы, которые еще недавно господствовали.

§ 2. Наказание в настоящее время так же, как и в прошлом, является главным средством борьбы с преступностью, вызываемым необходимостью существования самого общежития. Оно перестает только быть единственным и исключительным средством этой борьбы. Как и раньше, наказание заключает в себе элемент возмездия, так как оно покоится на оценке учиненного и выражается в известном вторжении в сферу правовых благ человека в соответствии с этой оценкой. В этом отношении понятие наказания остается неизменным. Изменяются лишь представления о тех свойствах, которыми должно обладать в настоящее время наказание, о тех целях, которые должно преследовать государство в своей карательной деятельности, и, наконец, о тех мерах, которые могут быть использованы современным государством в качестве карательных средств.

Каждая эпоха в связи с господствующими в ней взглядами на справедливость, а также благодаря ряду других обстоятельств, вырабатывает свой идеал справедливого наказания, а вместе с тем и представление о наказании, наиболее целесообразном, так как наказание, как одно из учреждений общественной жизни, существует ради достижения определенных целей.

Идеал справедливого наказания, или иначе представление о тех свойствах наказания, которыми оно должно обладать, как особая мера борьбы с преступностью, меняется в зависимости от всего хода культуры, и само собою разумеется, что те свойства, которыми наделяется в настоящее время справедливое наказание, рисовались прежде в ином виде, чем они рисуются теперь. Человек, воспитанный в представлении о том, что главная цель наказания устрашение и что все спасение общества в жестокости наказаний, легко осваивается с той системой наказаний, которая существует в его время, как с чем-то вполне естественным. С этой точки зрения вполне понятно, как мог знаменитый немецкий юрист XVII в. Карпцов, автор весьма ценных для своего времени работ в области уголовного права и вместе с тем выдающийся юрист-практик, гордиться тем, что он постановил более 25.000 смертных приговоров. Оказавшийся в условиях современной жизни культурного человечества, такой человек пришел бы к заключению, что теперь вовсе не наказывают — так изменился общий дух карательных систем в смысле гуманизации их. Но то же, что мы говорим о прошлом, указывая на непригодность прежней системы мер борьбы с преступностью в изменившихся условиях общественности, будут говорить наши потомки, рассматривая современную нам систему и оценивая ее с точки зрения своих идеалов. У нас образовался определенный идеал справедливого наказания и имеется отчетливое представление о тех свойствах, которыми должно обладать наказание; но пройдет еще несколько столетий, и то, с чем мы по уровню своего умственного и морального развития миримся, как с чем-то таким, что является вполне справедливым, покажется человеку будущего далеко не в том свете, в каком это теперь нам представляется. Он найдет жестокость во многих теперешних карательных мерах, которых мы жестокими не считаем, найдет вместе с тем, что многие наказания или формы их применения не мирятся с его представлением о справедливости. Эволюция существует во всех сферах общественной жизни, она должна существовать и в отношении представления о справедливом в деле борьбы с преступностью.

С другой стороны, изменяются взгляды на цели наказания в разные эпохи развития общественности, в соответствии с чем изменяется с течением времени и представление о целесообразном наказании. Современное представление о

том, какое наказание является наиболее целесообразным, иное, чем представление об этом прошлого.

Какими же свойствами должно вообще обладать наказание по современным взглядам? Ответ на этот вопрос можно вывести из всего того, что раньше говорилось об отличительных особенностях прежних карательных систем и о тех изменениях, которые они испытали с течением времени под влиянием ряда разнообразных причин.

По современным взглядам, первым важнейшим условием наказания является его индивидуальность. Оно должно падать только на того, кто непосредственно совершил преступление, не касаясь других лиц, так или иначе связанных с преступником. Каждый несет ответственность только за самого себя. Современное право не знает более таких мер, как групповая или коллективная ответственность, не знает и возможности наказания вместе с преступником и его неповинной ни в чем семьи. Конечно, нельзя отрицать того, что и современные наказания оказывают известное воздействие не только на самого преступника, но и на людей, ему близких. Но это воздействие не прямое, а косвенное притом неизбежное по самим особенностям некоторых наказаний. Два наказания, к которым, собственно говоря, главным образом и сводится вся современная карательная система, так как другие наказания стоят на пути к вымиранию и исчезновению, — лишение свободы и денежные взыскания, являются по своей сущности и по внешнему выражению мерами строго индивидуальными, поэтому они всецело и одобряются современным правосознанием. Однако нельзя не учитывать того, что и эти наказания так или иначе отражаются на неповинной в преступлении семье преступника, причиняя ей нередко кроме естественного морального еще и материальный ущерб. Если напр. лишают свободы или приговаривают к крупному денежному взысканию кормильца семьи, своим трудом ее содержавшего, то, конечно, это может печально отразиться на самой семье, которая таким путем может лишиться средств существования, впасть в нищету и увеличить собой кадры преступников. С этим должно считаться современное государство и оно придумывает известные средства для того, чтобы парализовать эти побочные вредные последствия наказания. Так, в отношении денежных взысканий установляется правило о том, чтобы размер их согласовался с имущественным положением того, к кому они применяются (ст. 39 уг. к.). Ясно, что суд, применяя это наказание, должен считаться с тем, как оно может отразиться на общем экономическом положении осужденного, так как не в интересах государства разрушить семью и довести ее до нищеты. Что же касается лишения свободы, то вредное последствие его в отношении семьи преступника может быть устранено главным образом деятельностью обществ патроната, направленной на оказание помощи в том или ином виде заключенному; одной из задач патроната является принятие мер к тому, чтобы семья преступника получала возможность дальнейшего существования и была спасена от неизбежного развала. Очень часто оказывается более существенным дать материальную поддержку не самому преступнику, отбывающему наказание, а его семье, и правильно поставленный патронат обращает надлежащее внимание на это.

Другое свойство, которое должно быть в наличности у наказания по взглядам нашей эпохи, то, что наказание должно быть равным для всех. Прежнее различие наказаний по отдельным сословным группам исчезло, и современное право провозглашает принцип равенства всех перед уголовным законом. По-

сколько современный правовой строй отказывается от сословных перегородок, постольку всюду наказания становятся равными для всех. Нельзя, конечно, при этом не считаться с тем, что с устранением неравенства сословного не исчезло еще неравенство людей по их имущественному положению; существование богатых и бедных, эксплоатирующих чужой труд и эксплоатируемых другими влечет за собой фактическое неравенство наказаний. В особенности в этом отношении приходится считаться с тем, что среди современных наказаний видное место занимает денежное взыскание, а оно оказывается связанным в своей репрессивности с большей или меньшей степенью имущественного благосостояния человека, что находится в зависимости от принадлежности его к той или иной классовой группе. При применении денежного взыскания естественно может наступать фактическое неравенство перед уголовным законом. Для того, чтобы устранить эту особенность денежного взыскания, применяется только что указанное правило о назначении его не в одном раз навсегда максимально или минимально установленном размере, а в том размере, который соответствует имущественному положению наказываемого. Но, конечно, это часто может иметь значение паллиатива. Только с устранением имущественного неравенства исчезнет и фактическое неравенство наказаний для бедных и для богатых.

Конечно, принцип равенства всех перед уголовным законом не подрывает значения начала индивидуализации наказания. За одно и то же преступление могут быть назначены неодинаковые наказания в зависимости прежде всего от личных особенностей преступника. При этом и степень умственного и нравственного развития человека, и принадлежность его к известной социальной среде, и его социальное положение — все это может быть учтено при определении размера наказания. Но принятие во внимание всех этих особенностей, касающихся личности человека, не нарушает принципа равенства всех перед уголовным законом. Нет нарушения этого принципа и в установлении в силу того же начала индивидуализации наказания правила о том, что должностные лица или вообще служащие, допустившие при совершении какого-нибудь преступления злоупотребление своей властью или предоставленным им полномочием, должны быть подвергнуты более высокому наказанию, чем все прочие граждане. Здесь неодинаковое наказание устанавливается не в силу принадлежности преступника к определенной группе людей, а в виду того, что в данном случае имеется на лицо привходящий момент, увеличивающий тяжесть самого преступления,—нарушение служащим той обязанности, которая именно на него, как такового, специально была возложена законом.

Далее наказание должно быть восстановимо. Нужно всегда помнить, что отправление правосудия — дело рук человеческих и что здесь также возможны ошибки при всей добросовестности человека при исполнении им своей служебной обязанности, как возможны они во всех сферах общественной деятельности. А раз ошибки возможны, нужно избегать всего того, что делает их непоправимыми. Естественно отсюда признание недопустимыми в области карательной деятельности государства таких наказаний, которые в случае ошибки оказываются непоправимыми. Можно, конечно, вернуть человеку, в случае обнаруженной судебной ошибки, ту сумму денег, которая была с него взыскана в виде наказания, можно восстановить его в правах, которые были у него отняты. Но относительно других наказаний — смертной казни, телесных повреждений и лишения свободы—приходится сказать иное. Нельзя бывшее сделать небывшим.

Нельзя воскресить казненного, нельзя вернуть человеку ту свободу, которой он был лишен по ошибке. Но если нельзя вернуть человеку то, что он утратил, нельзя восстановить прежнее состояние, то можно возместить ему причиненный фактом отбытия наказания ущерб при помощи предоставления его эквивалента, его равноценности. А таким эквивалентом, как и всегда в подобных случаях, может быть предоставление денежной суммы, соответственной понесенному ущербу. С этой точки зрения можно говорить о восстановимости и таких наказаний, как лишение свободы. По современным взглядам государство считает себя обязанным вознаградить человека, подвергшегося лишению свободы без всякой с его стороны вины, в силу судебной ошибки. Этот принцип твердо установлен в том или ином объеме почти во всех современных государствах.

Но если все наказания так или иначе восстановимы, даже и телесные наказания, так как и относительно их возможно было бы говорить о возмещении причиненного ими ущерба при помощи денежной оценки, то нельзя сказать того же относительно смертной казни. Это наказание абсолютно невосстановимо. Нельзя вернуть человеку отнятую у него жизнь, нельзя и возместить ему каким-нибудь способом утрату этого важнейшего его блага. Сколько судебных ошибок связано с применением смертной казни, в особенности если обратить внимание на то, что нередко это наказание применяется в таком порядке отправления правосудия, при котором отменяются многие гарантии, предоставляемые обычно подсудимому в уголовном суде. Это приходится сказать в отношении т. н. политических преступлений. В отношении этих преступлений вводится нередко более упрощенный порядок отправления правосудия, напр. сокращается срок для обжалования приговора и устанавливаются другие подобные же положения, при которых личность подсудимого лишается существенных гарантий.

Отправление правосудия всех стран показывает, как часто бывали судебные ошибки, имевшие роковое значение для осужденного. Одним из оснований для того похода, который был открыт передовыми умами XVIII ст. против смертной казни, было именно соображение о возможности непоправимых ошибок при применении этого наказания. Вольтер в своих нападках на смертную казнь опирался между прочим на нашумевший в его время процесс Жана Каласа, приговоренного за убийство к смертной казни и оказавшегося жертвой судебной ошибки.

Кроме указанных свойств наказание должно обладать еще свойством делимости. Оно должно быть гибким и способным варьироваться в соответствии с особенностями конкретного случая. Поскольку современное право исходит из принципа индивидуализации наказания, оно может пользоваться только такими наказаниями, которые отличаются свойством делимости. Этим свойством безусловно не обладает смертная казнь, наказание совершенно неделимое. Правда, в прежнее время, как указано было выше, даже смертную казнь делали наказанием делимым, различая более и менее тяжелые ее формы и применяя те или другие в зависимости от большей или меньшей тяжести преступления. Конечно, в настоящее время такое степенение этого наказания не может быть допущено, и там, где еще сохраняется смертная казнь, она применяется в одном простом виде. С другой стороны понятно, почему в настоящее время в карательных системах всех стран занимает такое видное место лишение свободы, особенно отличающееся свойством делимости. И сроки лишения свободы и самую организацию тюремного режима можно так разнообразить посредством усиления

или ослабления его, что это наказание оказывается в особенности приспособленным к требованию делимости наказаний. Конечно, не менее делимыми оказываются и денежные взыскания, размер которых, а в связи с этим и их репрессивность, можно весьма разнообразить.

Наконец, наказание по взглядам современного общества должно быть наделено еще одним весьма существенным свойством — оно должно быть гуманным. Оно должно быть проникнуто уважением к человеческой личности, как таковой, оно должно быть построено на представлении о том, что и в падшем человеке, каким является преступник, должна быть уважаема его личность. Отсюда недопустимость всего того, что унижает эту личность, недопустимость прежде всего смертной казни и телесных наказаний, а затем и всяких вообще придатков других наказаний, которые им сообщают ненужную жестокость и которые свидетельствуют о непризнании личности в преступнике. С этой точки зрения является недопустимым применение напр. таких мер, как содержание преступника в месте заключения в оковах, в кандалах, применение в качестве мер тюремной дисциплины телесных наказаний, помещения в темный карцер и т. п. Этим же объясняется с другой стороны и недопустимость таких наказаний, которые рассчитаны на причинение человеку тяжелых моральных страданий — наказаний унизительных и позорящих его.

Итак, только то наказание может считаться по современным понятиям справедливым, которое оказывается индивидуальным, равным для всех, восстановимым, делимым и гуманным.

Но этим не исчерпывается представление о свойствах того наказания, которое может быть в настоящее время допущено в карательную систему. Наказание кроме требования справедливости должно еще иметь в виду требования целесообразности. Наказание, само по себе справедливое, может быть организовано нецелесообразно. Отсюда требование целесообразности наказания. Оно должно быть так организовано, чтобы иметь возможность приносить известную пользу как всему обществу, так и самому преступнику. Если наказание в своем практическом осуществлении будет иметь характер меры совершенно бесцельной, оно не может быть допущено.

Внешний вид и самый характер наказаний меняется, как мы видели, постоянно в зависимости от той или иной их целевой окраски. Взгляды на цели наказания меняются в истории и представления о целесообразном наказании так же разнообразны в разные эпохи, как и представления о справедливом наказании. В настоящее время чем дальше, тем больше выдвигается представление о наказании, как о мере, которая, преследуя общую цель обеспечения правопорядка и правового воспитания масс, специально направляется прежде всего на социальное перевоспитание преступника в смысле привития ему тех мотивов поведения, которых ему недоставало и которые необходимы в социальной жизни,— мотивов социальных взамен мотивов антисоциальных. Современное правосознание все более и более подчеркивает требование, чтобы наказание было прежде всего исправительным. Цель устрашения и цель обезвреження в настоящее время имеют сравнительно меньшее значение, хотя и они несомненно присущи современному праву, унаследовавшему от права предыдущих формаций некоторые его черты, еще окончательно до сих пор не изжитые. Цель устрашения теряет однако свое прежнее доминирующее, преобладающее значение.

С другой стороны цель обезвреженія постепенно от наказанія отходит и находит себе применение в области мер социальной защиты, поскольку эти меры покоятся на признании опасности преступника, которого в силу этой опасности и надо удалить из общества и тем обезвредить его.

Изменение представления о целях наказания особенно наглядно проявляется в организации порядка отбытия наказания лишением свободы. Исправительный характер этого наказания ясно выражается во всех мероприятиях, которые сопровождают современный режим лишения свободы. Так напр. из тюремного режима исчезает непроизводительный труд, который практиковался в прежних тюрьмах и который выражался в занятии заключенных такой работой, которая не имела никакого воспитательного значения и которая поэтому не приносила никакой пользы, напр. верчение колеса, пересыпание песку из одной кучи в другую, перенесение ядер из одного места в другое и т. п.

Представление о том, что наказание должно быть прежде всего исправительным, вызывает в современном правосознании еще одно требование, которому должно удовлетворять наказание. Оно не должно иметь характера вечной, бессрочной, пожизненной кары. Исправление, которое преследует карательная деятельность государства, исходит из мысли о том, что исправившийся при помощи наказания, вредный для общежития человек делается для него полезным, а это может обнаружиться тогда, когда он окажется снова в той общественной среде, в которой он пребывал до отбытия наказания. Отсюда понятно требование, чтобы наказание было срочным, ограниченным во времени, не проявляясь в мерах, имеющих пожизненный характер. С этой точки зрения выражается в настоящее время протест против бессрочного характера лишения свободы, как меры карательной. Нужно заметить, что современная уголовно-политическая мысль идет и дальше и высказывается не только против пожизненных, но и долгосрочных наказаний — и долгосрочное наказание так же, как и бессрочное, убивает у осужденного стимулы к исправлению. Если напр. осужденный на продолжительное заключение знает, что он будет освобожден из тюрьмы весьма не скоро, через какой-нибудь десяток - другой лет, до чего он может и не дожить по своему возрасту и состоянию своего здоровья, то всякое стремление к совершенствованию будет в нем заранее парализовано этой мыслью. Исправить человека—значит сделать его полезным членом общества, но этого можно достигнуть только тогда, когда впереди есть перспектива его деятельности среди других людей; если же этой перспективы нет или если преступник покинет тюрьму тогда, когда он будет стариком или сделается инвалидом, то тем самым утрачивается непосредственный интерес достигнуть исправления. Угол. код. пошел на встречу этому требованию и установил для лишения свободы maximum 10 лет (ст. 34). Представление о необходимости делать срочными все современные наказания особенно рельефно проявляется в досрочном условном освобождении из места заключения, благодаря которому всякое лишение свободы, даже и бессрочное, делается фактически срочным.

И не только относительно лишения свободы, но и относительно другого наказания, которое раньше точно также весьма часто имело бессрочный характер—лишения прав, применяется принцип срочности, так как пожизненное бессрочное правопоражение так же, как и бессрочное лишение свободы, убивает

в осужденном всякие стимулы к исправлению, да и для самого государства невыгодно иметь в своей среде вечно бесправного человека. И в этом отношении уг. код. пошел на встречу требованиям современной уголовной политики, установив максимальный срок правопоражении в 5 лет (ст. 40).

Есть еще одно требование, которое предъявляется к современному наказанию, требование, не вытекающее само по себе из существа карательной деятельности государства, но находящееся в связи с общим представлением о том, что карательная деятельность есть одна из отраслей государственного управления. Отправление правосудия требует вполне естественно затраты финансовых средств государства, но у государства есть еще не мало других задач, которые оно должно преследовать в первую очередь и на которые оно прежде всего должно тратить свои средства. Поэтому естественно, что наказание должно быть экономично. Это требование в особенности получает значение потому, что надлежащая организация мер борьбы с преступностью требует в общем больших расходов со стороны государства. Наиболее дешевые карательные меры, как указывалось уже выше,—смертная казнь и телесные наказания, но одна их дешевизна еще не говорит ничего в их пользу. Напротив, хорошо организованная тюрьма, способствующая возрождению падшего человека, требует больших расходов. В организации наказания поэтому необходимо считаться с общим финансовым положением страны. Государство более богатое может позволить себе и организацию более целесообразных мер борьбы с преступностью, тогда как государство бедное силою вещей вынуждено мириться с самыми несовершенными приемами и методами борьбы с преступностью. Во всяком случае приходится утверждать, что чрезмерная экономия в области карательной деятельности государства может быть для него вредна, как с другой стороны приходится признать, что из двух наказаний, одинаково пригодных для цели исправления, приходится выбирать то, с организацией которого связано меньше расходов.

Итак, чтобы быть справедливым, наказание должно быть индивидуальным, равным для всех, восстановимым, делимым и гуманным, чтобы быть целесообразным, должно быть исправительным и устрашительным и иметь срочный характер, наконец, чтобы быть надлежащим средством государственного управления, должно быть экономичным.

Конечно, совокупность всех этих свойств образует собою идеал наказания по современным взглядам — идеал, к которому государство должно стремиться в своей карательной деятельности. Действительность однако показывает, что этот идеал нигде еще не достигнут, имеется лишь большее или меньшее приближение к нему—новые начала всегда прививаются медленно к жизни и долго с ними уживаются начала прошлого. Но это представление об идеале наказания дает известный масштаб при оценке как тех карательных мероприятий, которые существуют в современном праве, так и тех, которые предполагаются ко введению.

Конечно, каждое законодательство, создавая свою карательную систему, исходит из определенного идеала наказания и известного представления о свойствах устанавливаемых им наказаний. Но обычно постановлений такого рода, как чисто декларативных, законодательство не содержит. Однако уг. код. счи-

тает нужным подчеркнуть некоторые свойства наказания. Он говорит, что „наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий“ (ст. 26), т. е. оно должно быть гуманным.

Глава V.

Борьба с преступностью в настоящее время.

§ 1. Рассматривая современные карательные системы, можно заметить, что из наказаний, известных прежним системам, одни окончательно вымерли или стоят на пути к полному исчезновению, другие же приняли новые формы своего выражения.

Так прежде всего приходится отметить, что в карательных системах современных государств не встречается уже общая конфискация имущества. Ее не знает более ни одно современное законодательство кроме нашего уг. код. (ст. 38), при чем даже в некоторые конституции было занесено постановление о недопустимости применения этой карательной меры.

Телесные наказания также исчезли повсюду за исключением, впрочем, одной Англии, в которой они сохраняются в качестве наказания для несовершеннолетних преступников мужского пола до 16 лет и в качестве дополнительной меры за разбой и за покушение на некоторые виды убийства. Если кроме того, как указывалось выше, и восстановлено телесное наказание в некоторых странах, то это порождалось особыми причинами и имеет несомненно преходящее значение. Во всяком случае приходится признать, что телесное наказание или окончательно вымерло или вымирает, притом не только в качестве общего наказания, но и в качестве дисциплинарной меры в местах заключения.

На пути к полному исчезновению находится сейчас и смертная казнь. Правда, следует признать, что современное государство неохотно расстается с этим остатком варварства, являющимся анахронизмом в современном культурном обществе, и что сравнительно немногие государства (Италия, Португалия, Голландия, Норвегия, Румыния, Австрия, некоторые кантоны Швейцарии, некоторые штаты Северной Америки, Бразилия) отменили ее, но стоит только обратить внимание на число преступлений, обложенных смертной казнью, с одной стороны, и на статистику смертных приговоров и смертных казней в тех государствах, где это наказание все еще сохраняется, с другой, как можно сейчас же убедиться, что это наказание в недалеком будущем должно окончательно исчезнуть из арсенала тех карательных средств, которыми пользуется современное государство. Смертная казнь в настоящее время сохраняется главным образом за предумышленное убийство, а в некоторых государствах и за важнейшие политические преступления. Число же смертных приговоров с каждым годом все сокращается. К этому наказанию присуждается ежегодно несколько десятков человек, а исполняется оно в действительности в отношении нескольких единиц. Есть страны, напр. Бельгия, где смертная казнь существует только на

бумаге. Уже полвека здесь это наказание в исполнение не приводится в виду обычного помилования осужденных на смерть. Недопустимость смертной казни сделалась настолько общим лозунгом при реформе современной карательной системы, что она заносится даже в программы политических партий. Так напр. в эрфуртской программе германской социаль-демократической партии 1891 г. имеется положение о недопустимости смертной казни, а на происходившем в 1906 г. в Мангейме съезде партии была вынесена резолюция об отмене этого наказания. Таково же было требование всех прогрессивных политических партий в России, выразившееся в единогласно принятом проекте I Государственной Думы 19 июня 1906 г. об отмене смертной казни, но проект этот, как и проекты, внесенные во II и III Государственную Думу левыми партиями, так и остались проектами. Требование отмены смертной казни сделалось лозунгом разных политических демонстраций, имевших место в 1906—1912 гг.; в 1912 г. на многих фабриках, заводах и в типографиях столиц и в провинции были произведены забастовки в виде протеста против смертной казни. Русское общественное мнение давно уже отрицательно относилось к этому наказанию. Достоевский в целом ряде своих произведений, в особенности же в „Идиоте“, особенно ярко изображает всю недопустимость и несостоятельность этого наказания. В дни же недавнего расцвета смертных казней после подавления революции 1905 г. за отмену смертной казни особенно решительно выступил в своей брошюре „Не могу молчать“ Лев Толстой. Не менее ярко выступил против этого наказания и другой наш великий писатель так же, как и Толстой, бывший совестью русского народа, Короленко в своей книге „Бытовое явление“. Наконец, наша специальная криминалистическая литература категорически высказалась единодушно против этого наказания. Сборник „О смертной казни“, вышедший в 1909 г., навсегда останется показателем отрицательного отношения русских ученых к этому наказанию. В этом отношении любопытно отметить, что в противоположность своим западным коллегам, среди которых немало принципиальных сторонников смертной казни, все русские ученые, за ничтожными исключениями, всегда были решительными противниками смертной казни. Понятно поэтому, что февральская революция 1917 г. должна была окончательно уничтожить это наказание и временное правительство уже 12 марта 1917 г. отменяет смертную казнь. Однако вопрос об отмене смертной казни пережил у нас оригинальную судьбу. 12 июля того же года тем же временным правительством была восстановлена смертная казнь на фронте, но после октябрьского переворота 27 окт. 1917 г. она снова была отменена; это продолжалось однако недолго, так как 16 июня 1918 г. постановлением народного комиссариата юстиции было предоставлено революционным трибуналам право выбора любого наказания и в „Руководящих началах по уголовному праву РСФСР“ 12 декабря 1919 г. в числе примерных видов наказания уже указывается и расстрел. Вслед затем декретом 17 января 1920 г. смертная казнь была снова отменена, но затем опять возобновилось ее применение, притом не только в отношении преступлений политических, но и преступлений общего порядка. В уг. код. (ст. 33) она нашла себе широкое применение и упоминается более, чем в 40 статьях.

Исчезли далее из карательных систем почти всех стран такие наказания, как ссылка и изгнание, сохраняющиеся до сих пор только во Франции, Португалии и отчасти Испании, но и здесь они на пути к исчезновению. Изгнание известно и уг. код. (ст. 32 п. „а“).

Если только что указанные наказания встречаются в настоящее время лишь в некоторых странах, не являясь таким образом общепризнанными во всех современных государствах, то с другой стороны есть наказания, которые встречаются повсюду, это—наказания, известные и прежнему праву: тюремное заключение, лишение прав и денежное взыскание. Из этих наказаний в настоящее время в прежнем виде сохраняется лишь денежное взыскание; лишение прав подверглось частичному изменению, совершенно же другой облик, чем это было до сих пор, получило в современном праве тюремное заключение.

Современное тюремное заключение организовано совершено иначе, чем это было раньше. Его реформа произошла под влиянием появившейся во второй половине XVIII ст. идеи о том, что тюрьма должна иметь характер меры исправления преступников. Эта реформа связана с именами двух видных английских деятелей Бентама и Говарда. Бентам один из первых ярко выдвинул исправление, как существенную цель наказания, и своими проектами тюремной реформы во многом содействовал тому изменению тюремного дела, которое произошло в Англии с конца XVIII ст. Еще более оказал влияния в этом деле своей горячей проповедью тюремной реформы знаменитый английский филантроп Говард. Он хорошо ознакомился с тюремным бытом многих стран Европы и побывал даже в России, где умер от тифа, заразившись им при посещении одной тюрьмы. Изучение тюремного дела показало ему воочию все вопиющие язвы тюремного быта той эпохи и дало возможность наметить пути к их искоренению. Одновременно с этими английскими деятелями обратили внимание на необходимость тюремной реформы американские сектанты—квакеры в штате Пенсильвания. Под их непосредственным влиянием появилась на свет и получила практическое осуществление идея одиночного заключения, как средства воздействия на преступника в смысле морального его исправления.

Одиночное заключение первоначально мыслилось, как строгая изоляция преступника от всего мира—т. н. келейная или филадельфийская система; предполагалось, что пребывание человека наедине с самим собою с библией в руках и с благочестивыми размышлениями приведет его в душевное равновесие, он раскается, примирится с людьми и богом и таким образом исправится. Однако такой порядок отбытия тюремного заключения никакой пользы принести не мог и, действуя губительным образом на психику заживо погребенного, создавал лишь кадры умалишенных. С течением времени эта система одиночного заключения была заменена другой—явилось т. н. индивидуальное заключение, при котором проводится отделение заключенных друг от друга во избежание вредного влияния одних из них на других, но не допускается полное разобщение их от внетюремного мира; напротив того поощряется всякое полезное в смысле исправительном сношение с лицами находящимися на свободе, с вполне благонадежными их родными и друзьями, с членами общества патроната и т. п.

Одиночное заключение первоначально вызвало к себе большие симпатии, и некоторые государства, напр. Бельгия, делали попытки построить всю систему тюремного заключения по типу индивидуального заключения, но мало-по-малу увлечение им прошло. В настоящее время идея одиночного заключения не встречает того восторженного отношения к себе, какое можно было наблюдать еще сравнительно недавно. Выяснилось, что оно, в особенности если продолжается долгое время, причиняет несомненно вред психической деятельности че-

ловека, притупляя и расслабляя его умственные способности и создавая из заключенных автоматов, которые исполняют все обращенные к ним требования тюремной дисциплины, но оказываются мало пригодными для жизни на воле. Человек по самой своей природе не создан для жизни вне общества. Поэтому одиночное заключение, создавая неестественные условия жизни, тем самым подрывает то дело исправления, которому служит: перевоспитать для социальной жизни преступника путем постоянной его изоляции трудно. Самое большое, что удается этим достигнуть—приучение его соблюдать правила тюремного режима. Понятно, что только общение заключенных друг с другом может быть той сферой, в которой вырабатываются социальные мотивы поведения, необходимые для общественной жизни. Но предоставить заключенным на все время их пребывания в тюрьме возможность находиться в постоянном общении друг с другом оказывается недопустимым с точки той же идеи перевоспитания преступников, так как всегда можно ожидать вредного влияния одних заключенных, более испорченных, на других, менее испорченных. Ясно, что такое постоянное общение заключает в себе большую опасность и поэтому может быть допущено с известными ограничениями.

Все эти соображения вызвали с одной стороны представление о том, что одиночное заключение может быть допущено только как известная стадия в отбытии тюремного заключения, служащая главным образом для выяснения личности заключенного, что и усвоено в т. н. прогрессивной системе заключения, а с другой—мысль о необходимости изменить порядок отбытия общего заключения. Эта мысль нашла себе практическое осуществление в появившейся в начале XIX в. т. н. обурнской системе или системе молчания, характеризующейся общим заключением с ночным разъединением и с обязанностью строгого проведения молчания во время совместного пребывания заключенных, в особенности же во время работы. Эта система на практике весьма скоро оказалась несостоятельной из-за невозможности провести, как следовало бы, требование строгого молчания заключенных. Но если система молчания, как таковая, потерпела крушение, то тем не менее сопровождавшая ее идея общего заключения с ночным разъединением усвоена в настоящее время во всех рационально поставленных тюрьмах.

С течением времени вырабатывается новая система заключения т. н. прогрессивная, при которой наказание распадается на ряд последовательно отбываемых преступником стадий. В ней проводится мысль о том, что постепенно наблюдаемое исправление заключенных должно сопровождаться предоставлением им все больших и больших льгот в тюремном режиме, что выражается в переводе их из одной группы в другую, занимающую более привилегированное положение, чем предыдущая. Заканчивается же вся серия льгот, предоставляемых заключенным, их досрочным условным освобождением из места заключения. Эта система нашла себе впервые применение в Англии, где при отбытии т. н. уголовного рабства в каторжных тюрьмах или пенитенциариях приговоренный к этому наказанию проходит три стадии: первая, продолжающаяся сравнительно недолго (не более 1 мес., а в некоторых случаях 3 мес.), отбывается в одиночном заключении, вторая, более продолжительная—в общем заключении с ночным разъединением, третья же представляет собою досрочное условное освобождение, при котором осужденный пользуется свободою под условием соблюдения специально возложенных на него обязанностей. Некоторым изменением английской прогрессивной системы является ирландская система, характе-

ризующаяся наличностью особых переходных тюрем, куда попадают заключенные перед условным освобождением и где они пользуются большей свободой, чем в обыкновенных тюрьмах, приучаясь к жизни на воле. В таком виде эта система, исчезнувшая в настоящее время в Ирландии, применяется в Италии, Венгрии и Кроации.

Прогрессивная система стала постепенно включать в себя новый элемент— классификацию заключенных по их внутренним особенностям, и в таком виде она применяется в настоящее время в Англии и в некоторых швейцарских кантонах, являясь наиболее рациональным способом отбытия лишения свободы. Идея классификации заключенных покоится на признании того положения, что заключенные представляются весьма разнообразными по своим внутренним качествам, в частности по степени своей закоренелости в преступлении, так что содержать их всех вместе представляет известные трудности в смысле достижения их исправления. Эта идея классификации—идея нового времени. В прежних тюрьмах не только не проводилась подобная классификация заключенных по их внутренним качествам, но не было и чисто внешней классификации по полу, по возрасту и по самому основанию лишения свободы. Так, у нас еще в XVI в. не всегда проводилось разобщение арестантов по полу, и встречаются указания на то, что мужчины и женщины сидели вместе, прикованные друг к другу одной цепью, хотя уже и в то время существовали особые тюрьмы для женщин. Наконец, еще недавно, а кое-где еще и теперь это встречается, в тюрьмах содержались взрослые вместе с несовершеннолетними и детьми, а также подследственные вместе с отбывающими наказание.

Для того, чтобы ознакомиться с сущностью прогрессивной системы в соединении с системой классификации заключенных, следует остановиться на постановке тюремного дела в Англии, где в этой области сделано больше, чем в других странах.

В настоящее время в Англии лишение свободы отбывается или в каторжных тюрьмах или в обыкновенных местных; режим тех и других неодинаков, но в основе его одинаково лежит идея классификации заключенных и идея последовательности отбытия отдельных стадий лишения свободы.

Все, отбывающие наказание в каторжных тюрьмах, делятся на три класса. Наиболее привилегированное положение занимает т. н. звездный класс, получивший свое название от того, что принадлежащие к этому классу носят на рукаве звезду. Сюда помещаются все те, которые ранее не подвергались осуждению и не являются ни привычными преступниками, ни лицами, ведущими развратный образ жизни. Второй класс—промежуточный; сюда помещаются те, кто по своим качествам недостойны помещения в звездный класс, но еще не настолько испорчены, чтобы помещать их в третий класс. Так, сюда направляются все ранее не подвергавшиеся осуждению, но по своему характеру не признаваемые тюремной администрацией подходящими для звездного класса, а также и те, которые, хотя и подвергались уже осуждению, но не много раз и не показывают особенно порочных привычек. Третий класс— это класс для рецидивистов, учинивших тяжкие преступления, а также для заключенных, нарушивших правила досрочного условного освобождения и возвращенных в виду этого в тюрьму. Хорошее поведение дает возможность переводить заключенных из одного класса в другой, более высокий, и наоборот за дурное поведение они переводятся в более низкий класс. При этом нужно обратить внимание еще на то, что отдельно от всех остальных,

образуя самостоятельный разряд, содержатся приговоренные к долгосрочному заключению, а также и взрослые юноши, которые тоже изолированы от остальных заключенных в особом разряде. Благодаря этой классификации является возможность выделить более испорченных преступников из общей их массы и приноровить исправительный режим к особенностям каждой особо выделенной категории заключенных.

Несколько иначе проводится классификация заключенных в простых или местных тюрьмах, в которых отбывается обыкновенное тюремное заключение, представляющее собою два вида — с тяжкой работой, или без нее. Приговоренные к тюремному заключению с тяжкой работой подвергаются наиболее суровой дисциплине, напр. первые две недели они спят на деревянной лавке без матраца, в течение первых четырех недель содержатся в строгом разобщении от других заключенных, подвергаются более тяжелым и неприятным работам, пища их более грубая и за свой труд они не получают никакого вознаграждения. Это заключение с тяжкой работой продолжается четыре недели, после чего заключенные переводятся на обыкновенный тюремный режим. Приговоренные к тюремному заключению без тяжелой работы попадают по приговору суда в один из трех разрядов, отличающихся друг от друга по особенностям тюремного режима. Обычно все осужденные попадают в третий разряд; он характеризуется рядом ограничений, которым подвергается заключенный в начале своего пребывания в нем, и напоминает в общем режим, установленный для тюремного заключения с тяжелой работой, но без содержания заключенного в одиночной камере. Во второй разряд направляются осужденные, не имеющие порочных привычек и не принадлежащие к преступному классу, в частности же лица, присужденные к уплате денежной пени и не могущие внести ее; они пользуются большими льготами в отношении пищи, свиданий и работают совместно с лицами своего разряда. Первый разряд — это привилегированный режим, созданный для лиц, совершивших особые преступления — политические, преступления печати, оскорбление суда и т. п. Для находящихся в этом разряде устанавливается еще больше льгот в праве выбора работы, права свиданий, ношения платья, украшения своей камеры предметами, принесенными с воли, и т. п.

Другой особенностью английской системы, соответствующей идее прогрессивного отбытия лишения свободы, является существование особой системы наград или льгот, известной под названием марочной системы. Каждому заключенному дается определенное количество марок в зависимости от его прилежания — 6, 7 или 8 марок в рабочий день, в воскресенье же столько марок, сколько он заработал в среднем в течение недели. Отбывающие одиночное заключение, как первую стадию лишения свободы, а также отбывающие дисциплинарное наказание за плохое поведение в особой камере, не получают вовсе марок. От количества полученных марок зависит предоставление заключенному разных льгот, при чем он проходит последовательно четыре стадии, и время перехода из одной в другую определяется числом накопленных марок. Во время первой стадии он не пользуется ни особыми привилегиями, ни денежным вознаграждением за труд; накопив определенное число марок (224), он переходит в следующую стадию, в которой он уже пользуется рядом льгот и оплатой труда; по мере дальнейшего накопления марок он переходит в более высокую стадию, где ему предоставляется еще больше льгот (напр. право иметь чтимую книгу для чтения, право писать письма каждые две недели и получать их, право на свидание и

т. п.). Переход из одной стадии в другую может происходить и в обратном порядке, так как в качестве наиболее употребительного дисциплинарного средства за дурное поведение применяется с одной стороны вычет известного числа марок, с другой — перевод в низшую стадию, влекущий за собою лишение полученных ранее привилегий.

Как видно, вся система тюремного заключения в Англии построена на представлении о том, что тюрьма должна создавать в заключенном социальные мотивы поведения, чем и достигается постепенное перевоспитание преступника.

Идея классификации заключенных по особенностям их личного уклада вызвала в настоящее время в наиболее передовых странах, держащих особенно высоко знамя борьбы с преступностью, — в Соединенных Штатах С. Америки и в Англии — мысль о необходимости установления особых мест заключения для более молодых преступников, в отношении которых должен быть организован особый, иной, чем для взрослых, воспитательный режим. Эта система покоится на представлении о том, что сравнительно более молодые преступники должны вызывать к себе особое внимание, так как в отношении их в особенности можно надеяться на достижение социального их перевоспитания. По своему возрасту эти молодые преступники подлежат наказанию, а не мерам исправительно-воспитательным, которые применяются для лиц более ранних возрастных групп. Это — взрослые юноши в возрасте от 18 лет и свыше и молодые люди до 30 лет. Первоначально все вообще несовершеннолетние и дети содержались в тюрьмах вместе с взрослыми в общих местах заключения; с течением времени было однако признано, что борьба с несовершеннолетними преступниками должна быть осуществлена не путем применения к ним тюремного заключения, а путем помещения их в исправительно-воспитательные учреждения; таким образом они вообще перестали рассматриваться, как предмет карательного воздействия, и в тюрьмах остались лишь более взрослые из них; но постепенно, с проведением принципа классификации заключенных, было признано, что и они не должны оставаться в тех местах заключения, которые предназначены для всех вообще преступников. Благодаря этой идее создаются специальные места заключения, предназначенные для взрослых юношей; эта система однако начинает применяться и к тем взрослым преступникам, которые пережили уже возраст несовершеннолетия, но по своим психическим особенностям не далеко ушли от взрослых юношей.

Особенное развитие эта идея получает в американской системе реформаториев и в английской т. н. борстальской системе. Обе эти системы порывают с тем, что до сих пор было принято в отношении данной категории преступников, и прокладывают новые пути в решении вопроса о борьбе с преступностью.

Реформатории, возникшие в 70-х годах прошлого столетия в Соединенных Штатах С. Америки, учреждены специально для более молодых преступников. Сюда обычно принимаются преступники в возрасте от 16 до 30 лет, но преобладающий состав заключенных в них приходится на возраст от 16 до 20 лет. В реформатории поступают лица, впервые осужденные за преступления, наказуемые не ниже тюрьмы; только предшествующее присуждение к аресту или денежной пене не препятствует помещению в эти учреждения. Срок заключения, что представляет особенно характерную черту системы американских реформаториев, заранее судом не определяется: суд указывает только тот реформаторий, куда должен быть направлен осужденный. Минимальный срок пребывания

в реформатории не менее 12 месяцев, максимальный — тот, который определен в законе в качестве максимума за совершенное данным лицом преступление. Действительная продолжительность пребывания в реформатории определяется в зависимости от поведения заключенного. В реформатории все заключенные подразделяются на несколько классов и в зависимости от исправления переходят из низших классов в высшие, при чем из высшего класса заключенный может быть условно освобожден. Особый класс отводится для тех заключенных, которые признаются неисправимыми — они содержатся в одиночном заключении. В самом режиме реформаториев принято правило, что все, что получает заключенный (пища, платье и т. п.), отпускается ему за плату, с другой стороны все его работы оплачиваются. Успехи его оцениваются марочной системой. Каждый заключенный обязан посещать школу, программа которой значительно шире пределов начального обучения — в программе преподавания имеются такие предметы, как философия, социология и политическая экономия. Кроме того заключенный обучается определенному ремеслу и обязан участвовать в гимнастических и военных упражнениях.

Успех американских реформаториев, число которых к 1914 г. превышало 12, вызвал подражание в других странах и в частности в Англии, где возникла своеобразная т. н. борстальская система, несколько отличная от системы реформаториев.

Борстальские учреждения в Англии — явления недавнего происхождения. Они возникли в 1908 г. для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 21 г. По своей идее эти учреждения представляют нечто среднее между исправительно-воспитательными учреждениями для несовершеннолетних преступников и обыкновенной тюрьмой. И здесь, как и в других английских тюрьмах, практикуется деление заключенных на три класса с различным объемом льгот для каждого из них; в основу тюремного воспитания положено начало прогрессивности с установлением марочной системы; умственное развитие и физическое воспитание, наряду с занятием ремеслами, возведены здесь в основу всего воспитания. Но в отличие от американских реформаториев помещение в борстальские учреждения не связывается с неопределенностью приговора. Суд назначает заключенных в эти учреждения вместо присуждения к каторжной или простой тюрьме на срок от 1 до 3 лет. Другое их отличие состоит в том, что здесь нет класса неисправимых. Наконец, особенностью этой системы является то, что в борстальские учреждения направляются не лучшие, как это принято в американских реформаториях, а худшие из несовершеннолетних преступников — те, которые имеют дурные привычки и склонности или же находились в общении с дурными людьми. С другой стороны, так как специальный трудовой режим и гимнастические упражнения в этих учреждениях требуют и соответственного подбора заключенных, то обычно сюда направляются более сильные и здоровые молодые люди.

Такова сущность прогрессивной системы заключения в связи с классификацией преступников в ее практическом применении в наиболее передовых странах.

Кроме проведения начала классификации заключенных, современная тюрьма отличается от прежней как мерами, направленными на перевоспитание заключенных, так и заботами о их здоровье.

Перевоспитание преступника в современной тюрьме достигается прежде всего путем привития заключенному привычки к трудовой жизни. Она стремится научить его известному ремеслу, которое может быть для него полезным в жизни.

на воле. Надлежаще поставленная современная тюрьма в организации труда заключенных напоминает хорошо организованную и оборудованную фабрику или мастерскую; но обычно эта тюремная фабрика или мастерская не преследует цели наживы и главное свое внимание обращает на достижение перерождения личности преступника от приучения его к труду. Труд этот разнообразится в соответствии с способностями и склонностями заключенных и приноравливается к тому труду, каким они занимались раньше, но вместе с тем при его организации считаются с рынком и с соотношением спроса и предложения.

На ряду с трудовым воспитанием заключенных в современных тюрьмах обращается большое внимание на моральное их воспитание и умственное развитие. В старых тюрьмах эта сторона дела была в полном пренебрежении, однако с течением времени все более и более стала выясняться настоятельная потребность воспитать моральное чувство заключенных и дать тем из них, которые не получили в свое время образования, хотя какое-нибудь умственное развитие. Правильно поставленная современная тюрьма не мыслится без школы. Тюремный учитель — одно из главных действующих лиц в деле социального перевоспитания преступника. Нужно однако иметь в виду, что организация тюремной школы представляет большие трудности в виду крайнего разнообразия психических способностей и умственного развития заключенных прежде всего уже в виду их весьма неодинакового возраста. Кроме того эта трудность увеличивается от того, что заключенные приговорены к лишению свободы на различные сроки, что также затрудняет прохождение систематического школьного курса. Тем не менее все эти затруднения так или иначе можно преодолеть, и мы видим, что современные тюрьмы обращают большое внимание на умственное развитие заключенных. Обычно преподавание ведется в объеме общих начальных школ. При этом обращается большое внимание на чтение, как на важное средство морального воздействия на заключенных; тюремные библиотеки обладают тщательно подобранными книгами для воздействия на заключенных в желательном направлении; книги нездорового и возбуждающего характера обычно бывают изъяты из обихода тюремных библиотек. Наконец, огромное значение имеют всякого рода беседы с заключенными на разнообразные темы, а также лекции по тем или иным вопросам, направленные на умственное и моральное развитие заключенных. Благотворное воздействие таких бесед и лекций несомненно, и на правильную их организацию обращено большое внимание в настоящее время.

Поскольку центр тяжести в постановке современной тюрьмы переносится с причинения страданий заключенному на достижение его социального перевоспитания, постолько представляется вполне понятным устройство для заключенных время от времени развлечений, могущих разнообразить монотонный тюремный режим. Важно пробудить в заключенном самосознание и дать ему понять, что на него смотрят не как на отверженного обществом, а как на члена этого общества, имевшего несчастие, в силу сложившихся условий жизни, пойти по пути преступлений. Тонкий наблюдатель проявлений психических переживаний у людей забитых и падших, Достоевский в своих „Записках из мертвого дома“ говорит: „всякий, кто бы он ни был и как бы ни был унижен, хотя инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству“. Все то, что может способствовать пробуждению подобного чувства и укреплению его, должно быть использовано — в этом разрешение трудного вопроса о социальном перевоспитании преступника. То, что в этом отношении

можно встретить в практике американских реформаториев (устройство для заключенных спектаклей и концертов, организация особых клубов, издание еженедельной воскресной газеты силами заключенных), заставляет забыть страшный облик прежних тюрем, своей задачей ставивших физическое и моральное истязание заключенных.

Наконец, в современных тюрьмах обращается надлежащее внимание на заботы о здоровье заключенных, на тюремную гигиену. Прежние тюрьмы были источником всякого рода болезней, прочно гнездившихся в них, да и теперь еще в тех государствах, где на тюремное дело не обращается должного внимания, тюрьма несомненно является рассадником болезней. Но там, где постановка тюремного дела далеко ушла вперед, тюремной гигиене придается большое значение. Тюрьма не должна быть замаскированной смертной казнью или телесным наказанием. Она не должна вредно влиять на здоровье заключенных. Таков лозунг новейшей тюремной системы. Не следует никогда упускать из виду того, что тюремный режим вообще неестественен для человека и что он способствует развитию у заключенных разных болезней. Прежде всего ненормальные условия содержания заключенных в продолжительном одиночном заключении влекут за собой расстройство их психической деятельности. Под влиянием этого соображения стали сокращать продолжительность сроков одиночного заключения, а затем сделали из него лишь начальную стадию отбытия назначенного срока лишения свободы. С другой стороны скученность населения тюрем, пребывающего в плохо вентилируемом помещении, с сравнительно редким пользованием прогулками, способствует развитию туберкулеза — этого бича современности. Отсюда стремление удалить заключенных, в особенности жителей деревни, из городов и поместить их в условия сельской жизни на воздухе в особых сельско-хозяйственных колониях. Отсюда же стремление создать особые места заключения, устроенные по типу санаторий для туберкулезных. Работа на воздухе производит прекрасное влияние на здоровье заключенных, которое оказывается обычно сильно подорванным всеми условиями прежней их жизни, в особенности если вспомнить, что большинство преступников рекрутируется из наименее обеспеченного класса людей, живущего в самых неблагоприятных условиях существования. Их организм оказывается настолько расшатанным и в силу этого мало приспособленным к борьбе за существование, что параллельно с заботами о воспитании духа заключенных должны идти заботы о их физическом стороне. Только при надлежащей заботе о здоровье заключенного можно рассчитывать на благоприятные результаты всей деятельности, направленной на его социальное перевоспитание. Опыт американских тюрем, где между прочим применяются и методы физического лечения (лечение душами, солнечными ваннами и т. п.), показывает, что по мере того, как укрепляется физический организм заключенного, делается успешной деятельность, направленная на его исправление. Mens sana in corpore sano — здоровый дух в здоровом теле—сохраняет весь свой смысл и в отношении тех, кто отбывает лишение свободы. Такое же значение имеют заботы о том, чтобы заключенные, как находящиеся в ненормальных условиях жизни, получали достаточную по числу калориев пищу, так как жизнь впроголодь мало может способствовать моральному и социальному возрождению человека. Поэтому уменьшение обычно предоставляемой заключенным пищи рассматривается, как дисциплинарная мера, которая не может однако назначаться на слишком продолжительное время; с другой стороны улучшение получаемой пищи есть одна из при-

вилегий, даваемая тем заключенным, которые ведут себя хорошо и тем дают надежду, что из них выйдут полезные члены общества.

Конечно, совокупность всех только что указанных мероприятий, применяемых в современной хорошо и рационально поставленной тюрьме, может создать представление о тюрьме, как о месте отдохновения, а не мере репрессии. Можно говорить, что таким путем создается нечто такое, что заключает в себе проявление излишней сентиментальности и даже ложной филантропии, что так организованная тюрьма может быть своего рода приманкой для преступника, так как он там может жить комфортабельнее, чем на свободе, что тюрьма в таком случае утрачивает свой характер наказания и не воспринимается, как место страдания для преступника. С этими соображениями нельзя не считаться, хотя нельзя не обратить внимания на то, что правильно поставленный в новейших тюрьмах трудовой режим сообщает лишению свободы достаточно репрессивный характер, так что в этого рода соображениях есть известная доля преувеличении. С другой стороны нельзя забывать того, что общество привыкло к такой тюрьме, которая была не столько местом лишения свободы, сколько особым телесным наказанием. Пора, наконец, освободить тюрьму от тех придатков, которые сами по себе ей, как наказанию лишением свободы, вовсе неприсущи. Тюрьма должна представляться „страданием" для преступника уже потому, что она лишает его свободы передвижения, свободы располагать самим собою, своим временем, своими вкусами, своим досугом, своим трудом и т. п. Может быть, нам трудно свыкнуться с идеей тюрьмы, освобожденной от посторонней скорлупы, которая ее до сих пор покрывала, но несомненно, что если это наказание удержится в будущем, оно примет форму такой меры, которая будет заключать в себе лишь одно лишение свободы в чистом его виде.

Изменение прежней постановки лишения свободы выразится еще в том, что постепенно замечается стремление упразднить с одной стороны краткосрочное, а с другой долгосрочное и в частности пожизненное заключение. Как указывалось уже раньше, идея исправления вызвала мысль о том, что долгосрочное и в частности пожизненное заключения несовместимы с целью исправления. Что же касается краткосрочного заключения, то криминалисты уже давно пришли к мысли о том, что оно имеет весьма мало практического значения. Лишить свободы на несколько недель или даже дней часто совершенно бесцельно. За такое краткое время тот режим, который рассчитан на перевоспитание заключенного, конечно, не может быть развит, а кроме того весьма часто человек, который подвергается в этом случае лишению свободы, вовсе не нуждается в исправлении, так как его нечего исправлять. Это такой же порядочный человек, как и все другие граждане, преступления не совершившие, впавший в преступление в силу особенно неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Его можно устрашить применением к нему известной кары, но для этого нет надобности прибегать к краткосрочному лишению свободы, которое подчас отбывается в таких условиях, что вместо пользы причиняет один только вред. Отсюда понятно проявившееся в наше время стремление найти какие-нибудь иные меры, могущие заменить собою неудовлетворительную организацию краткосрочного лишения свободы. К числу таких мер относится напр. условное осуждение. Угол. код., соответственно этим новым требованиям уголовной политики, первоначально установил минимальный срок лишения свободы в 6 месяцев, однако в настоящее время этот срок понижен до 1 м. (ст. 34); вместе с тем угол. код. допускает широкое применение условного осуждения (ст. 36—37).

Указывая на прогресс в области организации лишения свободы, наблюдаемый в последнее время в передовых странах, и усматривая в этом приближение лишения свободы к тому идеалу наказания, который имеется у современного культурного общества, нужно однако считаться с тем фактом, что далеко не везде тюремное дело поставлено на должную высоту, и на ряду с прекрасно устроенными местами заключения есть и такие, которые поражают своей отсталостью и полны всяких недостатков. Чем ниже культура страны, тем хуже в ней места заключения

Недостатки тюремного устройства во многих странах, не могущих сразу их устранить, побудили современную криминалистическую мысль обратиться к изысканию новых средств борьбы с преступностью. Одним из таких средств, выдвинутых в новое время, являются принудительные работы без лишения свободы. Правда, эта мера известна была и старому праву, но с течением времени она вышла из употребления. Так напр. по нашему улож. о наказ. 1845 г. можно было назначать на принудительные работы взамен лишения свободы лиц податного состояния; однако с падением тех различий по сословному положению, которое существовало в нашем праве, исчез и этот способ борьбы с преступностью, заключавший в себе несомненно правильную и здоровую мысль. Идея принудительных работ без лишения свободы нашла себе место в нашем угол. код., впервые вводящем эту меру в качестве самостоятельного наказания (ст. 35). Этой идее несомненно принадлежит будущее, так как она идет навстречу тем требованиям, которые предъявляются к современному наказанию. Нужно только заметить, что практическое осуществление данной меры представляет большие трудности, как в смысле организации самих работ, так и в смысле установления контроля над их надлежащим выполнением.

Из других наказаний, которые, как и лишение свободы, были известны старому праву и сохранены новым, можно указать на лишение прав. Это наказание в настоящее время заключается не в полном бесправии человека, не в лишении его всех прав, а в лишении определенных их категорий. Лишение прав в прежнее время было обычно последствием присуждения к другим наказаниям и применялось в качестве дополнительного наказания. Чем тяжелее было главное наказание, тем обширнее был круг тех правопоражений, которые к нему присоединялись; преступник лишался семейных, имущественных и служебно-политических прав, при чем это правопоражение носило обычно пожизненный характер. В настоящее время выдвигается представление о том, что все правопоражения должны иметь характер временный, а не пожизненный, так как пожизненное наказание непригодно с точки зрения исправления, как цели наказания. Правопоражения назначаются поэтому в настоящее время на определенный срок, при чем этот срок может быть еще сокращен в тех случаях, когда преступник признается заслуживающим этого по своему поведению на воле. На этом покоится идея восстановления прав или реабилитации. С другой стороны изменилось по сравнению с тем, что было в этом отношении раньше, и основание для назначения правопоражений. Отнятие известных категорий прав человека находится в связи с особенным характером самого преступления, с которым связывается данное правопоражение, а не с тяжестью наказания, как это было раньше. Так выдвигается мысль о том, что лишение прав политических (напр. права избирать и быть избранным на известные общественные и государственные должности), прав служебных (напр. права поступать на службу

общегражданскую или военную), права быть свидетелем, третейским судьей и т. п. должно быть последствием осуждения за преступления главным образом корыстного характера, так как пользование всеми этими правами связано с известным доверием к обладателю их, между тем как совершение корыстных преступлений лишает виновного в виде общего правила того доверия, каким пользуется в общественной жизни всякий неопороченный человек. С другой стороны лишение таких прав, как родительская или опекунская власть, должно быть последствием осуждения за такие преступления, которые свидетельствуют о злоупотреблении своими правами со стороны того, кто ими наделен. Если родители употребляют во зло предоставленную им по закону родительскую власть, эксплоатируя своих детей, вовлекая их в разврат и т. п., то вполне естественно лишить их возможности злоупотреблять имеющимися у них правом. Все подобные виды лишения прав, назначаемые главным образом в виду особенного характера самого преступления, применяются преимущественно потому, что обладатель их представляется опасным для общежития, пока он будет ими пользоваться. Поскольку же данная мера вызывается представлением об опасности учинившего преступление, она является не столько наказанием, сколько мерой социальной защиты. Тенденция к подобному пониманию указанных видов правопоражений ясно проявляется в новейших проектах уголовных уложений, рассматривающих их, как меру социальной защиты; этот взгляд нашел себе выражение и в угол. код. (ст. 48). Наконец, что касается лишения имущественных прав, то оно перестает носить характер самостоятельного правопоражения. Оно рассматривается, как последствие лишения человека свободы. Естественно, что находящийся в месте заключения не может осуществлять свои имущественные права, принадлежавшие ему до осуждения, но эти права он снова получает, как только покидает место заключения. Есть еще одна особенность системы правопоражений нового права по сравнению с прежним. В старом праве применение лишения прав обычно рассматривалось, как мера обязательная для суда, по современным же взглядам эта мера имеет не обязательный, а факультативный характер, так как суд в каждом отдельном случае должен решить вопрос о целесообразности ее применения. На этой точке зрения стоит и угол. код. (ст. 42).

Общий обзор карательной системы современных государств несомненно показывает нам, что она значительно изменилась по сравнению с системой старого права. Наказание получило новый облик и новое выражение и непохоже во многом на то, что понималось раньше под этим именем. И чем дальше идет человечество, тем все больше и больше оно отрешается от прежних грубых кровавых приемов борьбы с преступностью. Изменяется с течением времени характер преступности, но изменяется вместе с ним и характер ее репрессии, и если каждая эпоха выдвигает свою преступность и кладет на нее свой отпечаток, то вместе с тем каждая эпоха знает и свою систему карательных мер, тоже носящую на себе ее отпечаток.

Нужно однако учитывать то обстоятельство, что переход к новой системе наказаний происходит медленно и что в законодательстве уживаются одновременно и новые и старые идеи в области карательной политики. Это можно видеть и в нашем угол. код. Исходя из общего представления о том, что наказание должно быть целесообразно и гуманно (ст. 26), он усваивает, как это уже указывалось раньше, ряд таких положений, которые знаменуют собой несомненный прогресс в области борьбы с преступностью путем наказания. Так

он знает широкое применение условного осуждения (ст. 36 — 37) и условного досрочного освобождения (ст. 53 — 55), не знает пожизненных и долгосрочных видов лишения свободы, устанавливая для него максимальный срок в 10 лет (ст. 34), не знает пожизненных правопоражений, обязательных для суда, допуская лишь срочное до 5 лет лишение прав и притом по усмотрению суда (ст. 40 — 42), знает широкое применение принудительных работ (ст. 35), устанавливает назначение штрафа в соответствии с имущественным положением осужденного, не допуская при этом замены лишения свободы штрафом и наоборот (ст. 39), наконец, вводит в карательную систему общественное порицание (ст. 44), — все это идет в уровень требований современной карательной политики. Однако одновременно угол. код. сохраняет такие отжившие наказания, как смертная казнь (ст. 33) и общая конфискация имущества (ст. 38), необыкновенно щедро применяя их. Ближайшей задачей реформы нашей карательной системы должно быть уничтожение всего того, что является анахронизмом с точки зрения современной карательной политики, и последовательное проведение в ней идеала целесообразного и гуманного наказания. С отменой отживших наказаний и с надлежащей реорганизацией порядка отбытия лишения свободы в соответствии с требованиями современного тюрьмоведения, в частности с введением прогрессивной системы с ее идеей самодеятельности заключенных и идеей их классификации, в особенности же в отношении наиболее опасных, закоренелых элементов среди преступников с одной стороны, и наиболее юных — с другой, наша новая карательная система во многом опередит ту, которая еще господствует в огромном большинстве современных законодательств и с которой все еще не могут порвать многие, из новейших проектов уголовных уложений.

§ 2. Как уже неоднократно указывалось, по современным взглядам наказание не рассматривается, как единственное и исключительное средство борьбы с преступностью. Во многих случаях оно уже отодвигается на второй план, уступая свое место другим мерам. В современном праве чем дальше, тем больше сокращается круг тех лиц, которые признаются пригодными для применения к ним наказания, и соответственно этому все больше и больше расширяется контингент тех лиц, к которым применяется не наказание, а особые меры, известные под именем мер социальной защиты.

Появление этих мер в общей системе средств борьбы с преступностью объясняется с одной стороны тем, что при выборе меры репрессии постепенно стали уделять все больше и больше внимания не самому преступлению, а преступнику, а с другой тем, что во многих случаях наказание было признано неподходящей мерой борьбы — там, где или нет на лицо той общей предпосылки, с которой связывается применение наказания, — вменяемости или если применение наказания оказывается недостигающим тех целей, к которым оно стремится. Анализ внутренней стороны преступного деяния показал, что на ряду с виновностью человека, которая находит себе оценку в применении к нему наказания в соответствии с содеянным им преступлением, приходится учитывать еще ту опасность, которую представляет для общежития преступник. Эта опасность, как указывалось уже выше при анализе понятия наказания, не сливается с виновностью, а мыслится, как нечто самостоятельное и независящее от нее. В самом деле, виновность человека, совершившего преступление, может быть в конкретном случае минимальной, она может быть даже и вовсе отвергнута, но его опасность для общества может однако оказаться при этом

весьма и весьма значительной. Умалишенный напр. не может быть признан виновным в том, что он совершил, нельзя поэтому его и наказать, но его опасность может быть настолько значительной, что вполне естественно возникает вопрос о применении обществом особых мер для ограждения себя от подобного опасного субъекта. Меры социальной защиты тем и отличаются от наказания, что они основываются на представлении об опасности того, кто совершил преступление, а не виновности его.

Применение наказания, в котором выражается оценка учиненного преступного деяния, нередко может оказаться непригодным для того, чтобы устранить ту опасность, которую заключает в себе преступник. Могут быть случаи, когда совершенное преступление по своему значению вызывает лишь непродолжительное лишение свободы, от применения которого опасность преступника вовсе не устраняется,— такой мерой его нельзя ни исправить, ни обезвредить; назначать же в этом случае более продолжительное лишение свободы противоречит господствующим в наше время представлениям о справедливости. В виду этого и выдвигается идея применения особых мер защиты, которые покоятся исключительно на представлении о целесообразности: эти меры не считаются с характером самого преступления, а учитывают особенности личности преступника, которого нужно исправить или обезвредить, и назначаются поэтому на тот срок, который для этого нужен.

Применение мер социальной защиты вызывается таким образом особым психическим состоянием того лица, против которого они направляются. Это психическое состояние обусловливается разного рода причинами, как-то недостаточной степенью умственного развития, что вызывает необходимость принятия особых мер принудительного воспитания, ненормальностью умственных способностей— полной или частичной, в силу чего применяются особые меры лечения, наконец наличностью у данного субъекта укоренившихся привычек, вредных для общежития, что вызывает меры приучения его к труду или необходимость его удаления из данной среды.

Меры социальной защиты в качестве законченной и самостоятельной системы мер борьбы с преступностью, отличных от наказания по своим функциям,— явление сравнительно недавнего происхождения. Прежнее право их не знало. Правда, и прежнему праву известны были отдельные меры, которые вызывались представлением об опасности преступника и которые применялись после отбытия им наказания, напр. полицейский надзор, как последствие отбытия лишения свободы, но они особо не выделялись из наказаний и потому не образовывали собой особой системы. Впервые в швейцарском проекте уголовного уложения, появившемся в конце XIX ст., предусматриваются на ряду с наказанием и меры социальной защиты. Эта точка зрения усвоена всеми проектами уголовных кодексов последнего времени (германским, австрийским, сербским и др.). Она нашла себе выражение и в нашем угол. код. (ст. 46). Система наказаний и система мер социальной защиты мыслятся здесь, как две параллельных системы, идущих разными путями к достижению одной и той же общей цели — борьбы с преступностью, при чем эти меры назначаются или взамен наказания или на ряду с ним по отбытии наказания. Однако и те законодательства, которые не проводят подобного строгого обособления мер социальной защиты от мер карательных, знают все-таки ряд таких мер, которые по своему существу вовсе не являются наказаниями, будучи на самом деле мерами защиты, так как они

базируются на представлении о той опасности, которую представляет для общежития данный преступник. Так, большое развитие получают эти меры в английском праве, хотя там они особенно резко не отделены от общей карательной системы.

Меры социальной защиты с внешней стороны представляются весьма сходными с наказанием, так как они сводятся к воздействию на те же правовые блага личности, что и наказание. Они проявляются в лишении свободы, лишении известных прав и в удалении из определенной местности (ст. 46 уг код.). Особенное значение среди них получают те меры, которые проявляются в виде лишения свободы.

По самому своему характеру и по своей цели эти меры являются весьма различными — одни из них имеют характер мер, направленных на перевоспитание преступника, преследуя таким образом цель исправления (напр. меры в отношении несовершеннолетних с одной стороны и нищих и тунеядцев с другой), другие направлены на его удаление из той среды, в которой он проявляет свою опасность, и преследуют таким образом цель обезвреженния (напр. меры изоляции умалишенных, привычных преступников и т. п.). Различен и круг тех лиц, к которым эти меры применяются. На ряду с лицами невменяемыми, какими являются опасные умалишенные, имеются и такие лица, которые не могут быть признаны невменяемыми, но у которых психическая жизнь идет несколько иначе, чем у людей вполне нормальных, это — лица с т. н. уменьшенной вменяемостью; отдельно стоят несовершеннолетние, оказавшиеся на преступном поприще; наконец, есть лица, признаваемые вообще вменяемыми, но представляющиеся в том или ином отношении опасными в виду образа своей жизни — это привычные преступники, нищие и бродяги.

Характерной особенностью всех мер социальной защиты, как покоящихся на признании опасности данного лица для общества, является неопределенность срока их назначения. По самому своему существу они не могут быть назначаемы на определенный срок, как это установлено в отношении наказания. Наказание выражает собою оценку учиненного правонарушения и по самой своей природе должно представляться точно определенным в своем размере. Напротив, меры защиты, не заключая в себе элемента оценки и считаясь только с опасностью преступника, не могут быть заранее определены в каком-нибудь точном размере: пока имеется на лицо опасность данного субъекта для общества, имеет смысл применять к нему ту или иную меру защиты.. Они таким образом тесно связаны с идеей неопределенного приговора, в котором суд заранее не указывает размера продолжительности лишения свободы. Администрация тех учреждений, в которые направляется преступник, подвергшийся применению мер защиты, может лучше, чем суд, определить, до какого предела нужно содержать его здесь. Так напр., когда несовершеннолетнего направляют в какое-нибудь исправительное заведение, он содержится там впредь до исправления, т. е. до того момента, когда он будет признан уже не внушающим опасности общежитию. Только из соображений о необходимости ограждать неприкосновенность прав личности и прежде всего ее свободу от возможных злоупотреблений со стороны органов власти устанавливается обычно и в отношении мер социальной защиты общий максимальный срок, за который не должна выходить применяемая мера.

Все меры социальной защиты, выражающиеся в лишении свободы, поскольку они нашли себе выражение в современном праве разных стран, а также в но-

вейших проектах уголовных уложений, можно свести к следующим категориям: 1) меры изоляции и лечения, применяемые к а) невменяемым, б) лицам с т. н. уменьшенной вменяемостью и в) алкоголикам, 2) меры принудительного воспитания несовершеннолетних, 3) меры трудового перевоспитания нищих, бродяг и т. п. и 4) меры обезвреживания общеопасных рецидивистов.

Так как лица невменяемые наказанию не подлежат, а с другой стороны они могут таить в себе вполне осязательную опасность для общежития, то представление о необходимости применения мер социальной защиты прежде всего возникло по отношению к этой категории опасных преступников; к подобным лицам применяются меры изоляции, а если еще возможно, то и лечения. Было время, когда умалишенные содержались вместе с обыкновенными преступниками, прикованные к стенам тюрем, где они влачили самое жалкое существование, но постепенно их стали удалять из тюрем, помещая их в особые дома для умалишенных, но и здесь еще долго условия их содержания напоминали старый тюремный режим: они содержались там тоже в цепях. Велика была в этом отношении заслуга знаменитого французского психиатра Пинеля, который поднял в конце XVIII ст. голос против допустимости подобного режима для умалишенных, и после энергичной кампании, которую он повел в этом отношении, цепи были сняты с умалишенных. В большинстве современных законодательств установлено, что умалишенные, в случае совершения наиболее важных посягательств на окружающих, должны быть обязательно помещаемы в специально созданные для них больницы. Итальянское право знает даже специальные лечебные заведения, куда направляются только умалишенные преступники. Конечно, режим этих учреждений ничего общего с задачами карательного воздействия не имеет.

Граница между людьми нормальными и ненормальными в настоящее время не проводится так просто и легко, как еще недавно думали ее провести, и на ряду с невменяемыми и вменяемыми создается промежуточная категория лиц с т. н. уменьшенной вменяемостью. Это — лица, страдающие известными дефектами в своей психической деятельности, но не настолько, чтобы можно было признать их не отвечающими за свои поступки. Сюда входят напр. неврастеники разных категорий, и эта группа численно все более и более разрастается под влиянием условий современной жизни. Этих людей тоже скорее надо лечить, чем наказывать, так как они опасны для окружающих благодаря своей психической неуравновешенности, но правосознание нашего времени не считает еще возможным прямо приравнивать их к невменяемым; поэтому обычно высказывается мысль о применении к ним мер социальной защиты только после отбытия ими назначенного наказания. Нужно думать, что со временем и эта категория опасных преступников не будет вовсе подвергаться наказаниям, а будет подлежать мерам защиты, применяемым к ним не после отбытия наказания, а вместо него. Следует, впрочем, иметь в виду, что современные законодательства, за исключением норвежского, одного из самых передовых в области борьбы с преступностью, не знают еще этой категории преступников, а вместе с тем и особых мер борьбы с ними. Норвежское же уложение постановляет, что лица с уменьшенной вменяемостью должны быть помещаемы в особые лечебные заведения и убежища. Однако все новейшие проекты уголовных уложений предусматривают уже специальные меры защиты в отношении этих лиц.

Особую разновидность лиц с уменьшенной вменяемостью составляют привычные алкоголики. Алкоголизм — видный фактор преступности. Потребление

алкоголя всюду растет и вместе с тем растет преступность. Общество борется с алкоголизмом самыми разнообразными средствами, и в последнее время в числе прочих мер борьбы с ним применяется лечение алкоголиков, помещаемых для этого в особые учреждения. Это лечение начинает даже осуществляться принудительно по мере того, как выясняется, что алкоголизм создает кадры преступников. Естественно, что раз вообще возникла мысль о допустимости принудительного лечения алкоголиков, как вообще опасных для общества людей, она должна была найти себе применение и к алкоголикам, которые под влиянием опьянения совершили преступление и тем на деле обнаружили свою опасность. Принудительное лечение алкоголиков в качестве меры социальной защиты знают уже некоторые современные законодательства, и несомненно ему принадлежит будущее. Так, в Англии и Норвегии созданы специальные лечебные заведения, куда направляются преступники, совершившие преступление в состоянии опьянения или признанные судом привычными пьяницами. Те учреждения, куда направляются преступники-алкоголики, имеют, конечно, характер лечебных заведений, а не тюрем. Лишь принудительный характер придает особую физиономию этим учреждениям. Вопрос о лечении принудительным путем преступников-алкоголиков поставлен на очередь в настоящее время во многих странах, как это можно усмотреть из новейших проектов уголовных кодексов разных стран.

Особое место среди прочих мер социальной защиты отводится в настоящее время мерам принудительного воспитания преступной молодежи, получающим повсеместно все большее и большее распространение. Если еще недавно не считали нужным отделять детей от взрослых в местах заключения, так что и те и другие содержались совместно, то с течением времени все настоятельнее стала высказываться мысль о том, что не только не может быть речи о подобном совместном их заключении, но что вообще несовершеннолетних и взрослых нельзя ставить на одну доску при организации мер борьбы с преступностью. Приемы воздействия на несовершеннолетних должны быть иные, чем это принято в отношении взрослых. Отсюда возникла мысль о том, что несовершеннолетние вообще не должны подвергаться и наказанию и что в отношении их уместны меры иного рода, так как центр тяжести при решении вопроса о детской преступности не в вопросе о виновности, а опасности их для общежития. Это — лица, нуждающиеся в воспитании, так как они не получили в силу тех или других условий надлежащего воспитания.

Эта точка зрения воспринята всеми современными законодательствами. Всюду признано, что борьба с преступностью в отношении молодежи должна вестись иначе, чем в отношении взрослых. Для несовершеннолетних преступников установлена всюду особая система мер воспитания: она заключается в помещении их в особые приюты и колонии, в которых они остаются до исправления, в отдаче их на воспитание благонадежным лицам и в организации особого попечительного надзора. Воспитательно-исправительные заведения даже по внешнему своему виду не похожи на обыкновенные места заключения — так напр. они не снабжены теми решетками, которые являются необходимой принадлежностью всякой тюрьмы. Эти учреждения по характеру организованных в них работ бывают двух родов; это — или ремесленные приюты или сельскохозяйственные колонии; кроме того за последнее время начинают в некоторых государствах возникать особые воспитательно-исправительные заведения на ко-

раблях для подготовки молодежи к морскому делу. Все эти учреждения построены на принципе классификации содержащихся в них по их психическим особенностям; несовершеннолетние делятся на классы, имеющие разные преимущества и льготы. Тщательное проведение классификации несовершеннолетних по их внутренним особенностям вызывает потребность выделить особо с одной стороны тех из них, которые представляются особенно испорченными и которые вследствие своего дурного влияния могут оказаться вредными для своих сверстников, с другой тех, которые оказываются умственно-дефективными. Воспитание и образование в этих учреждениях направлены на привитие содержащимся в них привычек трудовой жизни и сообщение тех знаний, которые им впоследствии должны пригодиться в жизни. Несовершеннолетние обучаются разным ремеслам и проходят определенный курс учения. Весь режим воспитательно-исправительных учреждений складывается таким образом, чтобы в первую очередь развить у несовершеннолетних самодеятельность. Все, что может поощрить их в этом направлении, широко применяется здесь. Несовершеннолетние пользуются теми или иными льготами в зависимости от своего поведения, могут получать отпуска к благонадежным родственникам и знакомым, наконец могут получать условно свободу, пользуясь в этом случае содействием общества патроната, которое оказывает им всякую помощь и поддерживает в трудной борьбе за существование. Режим воспитательно-исправительных учреждений не только имеет в виду воспитать несовершеннолетнего и обучить его известным знаниям, но он направлен и на укрепление его физического здоровья, поэтому всякого рода гимнастика и игры на воздухе всячески здесь поощряются. Задача этих учреждений поставить свой режим так, чтобы несовершеннолетний выходил отсюда действительно окрепшим физически, морально и умственно и могущим быть полезным членом общества. Что касается отдачи несовершеннолетних на воспитание благонадежным лицам, которое известно и нашему уг. код. на ряду с помещением в учреждения для умственно или морально дефективных (ст. 46 пп. „а“ и „д“), то оно естественно не может иметь особенно обширного применения, являясь однако в отдельных случаях важным суррогатом принудительного воспитания в особых учреждениях. Наконец, отдача под попечительный присмотр есть мера, выдвинутая в новейшее время, в особенности в английском праве, и предполагающая наличность особых органов власти, выполняющих функции особого надзора и направляющих все свое внимание на организацию всестороннего попечения над несовершеннолетним, впавшим в преступление. Успех этой меры вызывает ее распространение всюду, где борьба с преступностью молодежи поставлена в надлежащие условия и находится на надлежащей высоте.

Следующая группа мер социальной защиты — это те меры, которые применяются в отношении нищих, бродяг, праздношатающихся и вообще тунеядцев. Эти отбросы общества наполняют собою низы городского населения. Из них обычно вербуются преступники. По своим антисоциальным инстинктам, в особенности вследствие упорного нежелания трудиться, они создают грозную опасность для общества, которое и вынуждено прибегать для борьбы с ними к мерам защиты. Сами по себе нищенство и бродяжество представляют лишь незначительные полицейские нарушения, облагаемые обычно небольшими наказаниями, но, конечно, таким путем воздействия на ту опасность, которую скрывают в себе тунеядцы, оказать нельзя. Этих людей нужно отучить от праздной жизни и приучить к труду, при помощи же незначительного наказания, в особенности

краткосрочного лишения свободы, этого достигнуть нельзя. Отсюда появление собых учреждений, специально направленных на приучение к трудовой жизни этих общественных паразитов. Особенно сильно развиты учреждения для борьбы с нищенством и бродяжеством в Бельгии, где нищие и бродяги помещаются в особые рабочие дома и убежища: в первые направляются на срок от 2 до 7 лет профессиональные нищие и бродяги, во вторые—впредь до накопления определенной суммы денег — нищие, которые занимаются этим промыслом по болезни, старости, безработице или крайней нужде. Рабочие дома, как средство бороться с нищенством и бродяжеством, существуют и в других странах (Норвегии, Германии, Голландии и др.). Их режим — трудовой суровый режим, стремящийся достигнуть социального приспособления лиц, вредных для общества.

Последнюю группу мер социальной защиты составляют меры, применяемые по отношению к преступникам, которые представляются особенно опасными для общежития — к профессионалам на преступном поприще, лицам, делающим из преступления обычное занятие, живущим и занимающимся преступлениями, как обычным промыслом. Эта категория преступников представляется особенно грозным явлением современной жизни. Если почти всюду наблюдается рост преступности, то одновременно с этим наблюдается и рост рецидива преступлений. Повторение преступлений, рецидив — вот то, что особенно страшно в современной преступности. Рецидив растет, и среди преступников не мало таких, которые уже неоднократно судились и несмотря на это попрежнему занимаются преступлениями. Давно уже стали изыскиваться средства борьбы с этими опасными элементами общества. Постепенно пришли к заключению, что обычным применением наказания здесь многого достигнуть нельзя, так как преступления, учиняемые рецидивистами, подчас незначительны, но сами преступники обнаруживают такое упорство и такую закоренелость в преступной деятельности, что с ними нужно энергично расправляться, между тем применять за маловажное преступление слишком продолжительное и тяжелое наказание представляется несправедливым. В виду этого стали предлагаться особые меры социальной защиты в отношении опасных преступников-рецидивистов. Так, во Франции для наиболее опасных рецидивистов введена ссылка, т. н. релегация, которая применяется по отбытии ими лишения свободы за учиненное преступление. Особая мера социальной защиты была принята в австралийском законодательстве (в Новом Южном Валлисе и Новой Зеландии), а затем и в Англии под видом предупредительного интернирования привычного преступника после отбытия им срока назначенного судом наказания. По английскому праву, в случае признания присяжными заседателями преступника привычным, суд может постановить, что виновный для ограждения общества, в виду его преступных привычек и образа жизни, должен быть лишен свободы на более продолжительное время, вследствие чего по отбытии каторжных работ он подлежит дальнейшему лишению свободы на срок от 5 до 10 лет. Необходимым условием для применения этой меры является троекратный рецидив и совершение определенных более тяжких преступлений. Режим в учреждениях, в которых отбывается это предупредительное интернирование, как и в других английских местах лишения свободы, построен по системе классификации и прогрессивности отбытия лишения свободы с допущением условного освобождения. Подобные же меры в отношении общеопасных рецидивистов известны и новейшим проектам уголовных уложений (швейц. и

австр.), допускающим применение дальнейшего лишения свободы, после отбытия ими наказания. Нужно при этом отметить, что борьба с общеопасными рецидивистами начинает принимать в некоторых штатах Сев. Америки еще новые, до сих пор неизведанные формы. Исходя из того, что преступники этого рода представляются опасными прежде всего потому, что они носят на себе черты вырождения и что поэтому от них можно ожидать потомства, отмеченного теми же физическими и психическими недостатками, какие имеются и у них, некоторые штаты (напр. Индиана) включили в свое законодательство особую меру, направленную на причинение искусственным путем бесплодия у опасных преступников, т. н. стерилизацию.

Таковы меры социальной защиты, встречающиеся в современном праве или же предположенные ко введению в ближайшем будущем. Им несомненно предстоит развиваться по мере того, как будут устанавливаться все новые и новые категории лиц, в отношении которых на первый план при оценке их личности будет выдвигаться их опасность, а не виновность.

§ 3. Самостоятельную систему мер борьбы с преступностью, выдвинутую в новое время, образуют те меры социальной политики государства, которые направлены на предупреждение преступлений. Это те меры, которые имеют своей задачей борьбу с общественными факторами преступности.

Как известно, причины или факторы преступности сводятся к трем группам: это или факторы физические, лежащие в условиях окружающей нас природы, или факторы индивидуальные, лежащие в особенностях личности человека, или факторы социальные, лежащие в условиях общественной жизни.

С факторами физическими непосредственно бороться нельзя. Воздействие на силы природы производится путем постепенного хода всей культурной жизни человечества. С факторами индивидуальными, поскольку они заключаются в физических особенностях человека, тоже непосредственно бороться почти невозможно; только иногда посредством обезвреження того субъекта, который в силу своих физических дефектов, опасен для общества, еще могла бы быть организована борьба с ними; только с теми индивидуальными факторами, которые сводятся к психическим особенностями человека, борьба возможна и она ведется при помощи наказания и мер социальной защиты, направленных на устранение в психике человека элементов, предрасполагающих его к совершению преступлений. Наконец, с факторами социальными борьба вполне возможна. Все то, что относится к области социальной политики государства и посредством чего изменяются условия социальной жизни, является средством борьбы с преступностью.

Мысль о том, что с социальными факторами преступности нужно бороться при помощи мер социальной политики, является в настоящее время общепринятой. Однако сама по себе она не нова. Ее давно уже высказывали все те мыслители, которые останавливались на особенностях современного социального строя, выясняли его недостатки и указывали пути к их устранению. Но эта мысль находит себе практическое, реальное осуществление лишь в условиях современной жизни, обратившей должное внимание на социальные вопросы и поставившей их разрешение на очередь. Еще Т. Мор, один из первых социалистов-утопистов, говорил: „не лучше ли было бы обеспечить всем членам общества возможность существовать, чтобы никто не был поставлен в необходимость сначала красть, а потом быть лишенным жизни“. Эта мысль о необходимости изменения условий социальной жизни, как средства борьбы с преступностью, повторяется на протя-

жении последних трех столетий много раз. Особенно выпуклое выражение она нашла себе в конце XVIII в. в трудах английского юриста и философа Бентама, набросавшего в своих произведениях целую систему мер предупреждения преступлений, которые сводятся к ряду разнообразных мероприятий государства в области его социальной политики. Он учил, что нужно стремиться к возвышению морального уровня масс, нужно заботиться о воспитании сирот и бесприютных детей, нужно организовывать помощь преступникам, отбывшим наказание и оказавшимся без всяких средств существования и т. д. Борьба с общественными факторами преступности посредством мер оздоровления общества в наши дни стала одним из пунктов программы уголовно-социологической школы.

Область социальной политики государства весьма обширна и разнообразна, и нет возможности останавливаться на ней подробно, так как иначе пришлось бы анализировать все те начинания современного государства, которые стремятся оздоровить общество и способны поэтому сократить преступность. Можно ограничиться лишь указанием на то, что делается в настоящее время в борьбе с главнейшими социальными факторами преступности.

Среди социальных факторов особое место занимают факторы био-социальные, т. е. те причины преступности, которые тесно связаны с положением личности в данной социальной среде. Здесь между прочим видное значение имеет влияние на преступность семьи или, вернее, полученного в семье воспитания. Огромная масса преступников — это лица, не получившие надлежащего воспитания, а весьма часто не получившие и вовсе воспитания из-за распада той семьи, в недрах которой они росли. Растлевающая обстановка семьи, в которой подрастает молодое поколение, часто оказывается обстоятельством, раз навсегда определяющим направление всей жизни человека. Отсутствие семьи, могущей заложить в подрастающем человеке здоровые социальные стимулы, оказывается чреватым тяжелыми для всей его последующей жизни последствиями. Беспризорность питает преступность, в особенности преступность молодежи. Борьба с ней получает огромное значение, и мы видим, что все современные законодательства уделяют большое внимание борьбе с детской беспризорностью. Целая сеть учреждений для призрения и воспитания беспризорных и заброшенных детей покрывает современные культурные государства. Забота о детях — одно из важнейших проявлений современной социальной политики государства, и там, где, как в Англии, эта забота находит себе особенно полное выражение в разнообразных учреждениях, направленных на борьбу с детской беспризорностью, замечается уже сокращение преступности. Охрана материнства и младенчества, получающая в наше время такое сильное развитие повсюду, тоже является мерой, направленной на борьбу с преступностью; путем надлежащей постановки этой охраны сокращается число тех преступлений, объектом которых бывают дети. Наконец, все те меры, которые предпринимаются вообще для охраны детей от всякого рода эксплоатации их, имеют в виду спасти детей от таких условий жизни в нездоровой атмосфере, которые приучают их к порочному и преступному образу жизни. Чем больше заботится государство и общество о подрастающем поколении, о надлежащем его воспитании, тем больше в будущем сократится преступность.

Другую группу социальных факторов образуют те, которые являются язвами современной социальной жизни — среди них особенно видную роль играют алкоголизм и народное невежество.

Значение алкоголизма, как фактора преступности, весьма велико. Алкоголизм ведет за собой пролетаризацию масс, физическое и нравственное вырождение и преступность; понятно поэтому, что борьба с ним является одной из важнейших задач общей социальной политики государства и в то же время одним из видных средств борьбы с преступностью. Те меры, которые в этом отношении предпринимаются государством и обществом для насаждения трезвости в стране, несомненно влекут за собой уменьшение преступности. Отдельные примеры таких мер показывают всю успешность борьбы в этом направлении. Проявление алкоголизма, как фактора преступности, в особенности заметно в отношении телесных повреждений — большое число преступлений этого рода совершается под влиянием опьянения. И вот мы видим, что запрет открытия питейных заведений в воскресные дни сокращает число преступлений, падающих на эти дни. Понятно, что всякое затруднение продажи спиртных напитков должно отражаться на преступности, и несомненно, что тот запрет продажи спиртных напитков, который у нас имел место во время войны, должен был понизить общую преступность страны. Вместе с тем естественно, что все то, что предпринимается для того, чтобы отвлечь население от посещения питейных заведений, может оказаться мерой борьбы с преступностью. В питейные заведения людей очень часто гонит отсутствие разумных развлечений, необходимых для того, чтобы скрасить их в общем неприглядную жизнь, и изменение привычек и вкусов населения в этом отношении способно сократить преступность, обусловливаемую алкоголизмом.

Народное невежество и суеверие являются тоже видным фактором преступности — не мало преступлений обязано своим возникновением именно этому фактору; борьба с ним посредством мер, применяемых для развития в стране просвещения и культуры, содействует сокращению преступности, по крайней мере в отдельных формах ее проявления. Можно видеть, что чем культурнее и просвещеннее данная страна, чем выше стоит в ней народное образование, тем больше ее преступность теряет кровавый и грубый характер. Под влиянием развития просвещения в стране исчезают такие преступления, которые совершаются по крайнему невежеству и суеверию, напр. убийства уродов или лиц, подозреваемых в сношениях с дьяволом, и т. п.

Среди социальных факторов выделяются далее те, которые связаны с общими условиями данного государственного и социального строя и которые, не будучи сами по себе теневыми сторонами современной культуры, все-таки питают преступность.

Если мы усматриваем, что в известных случаях само законодательство своей отсталостью и несогласованностью с требованиями жизни творит известные преступления, поскольку жизнь ушла вперед и не умещается в рамках обветшалых правовых норм, то ясно, что только отмена этих норм или существенное их изменение может иметь своим последствием прекращение соответственной преступности. Не мало есть примеров того, как с отменой устаревших законов исчезала и преступность, которыми она питалась. Если государство опутывает всякими узами личность гражданина, между тем как эта личность настолько уже выросла, что уже может обойтись без опеки над собой, то сохранение этой опеки вызывает преступность, а снятие ее уничтожает последнюю.

Если далее мы можем установить, что самое отбытие наказания может быть фактором преступности, поскольку оно происходит в таких условиях, при которых лишение свободы вместо исправления преступника делает его закорене-

лым врагом общества, то понятно, что с изменением порядка отбытия наказания, с улучшением карательной системы в целом, должно последовать и изменение в росте преступности. Заботы о преступнике по его выходе из места заключения, надлежащим образом проводимые в жизнь, вполне естественно, должны сокращать преступность в стране, так как преступник, предоставленный собственным силам по отбытии наказания, сплошь и рядом окончательно погибает.

Точно также, если мы находим, что школа делается фактором преступности из-за того развала, в котором она находится, из-за отсутствия в ней необходимой постановки обучения и из-за падения дисциплины, если она питает преступность, выпуская в свет необразованных и недисциплинированных людей, не имеющих подчас никаких нравственных устоев, то разумеется, что, с поднятием школьного дела на должную высоту, можно достигнуть сокращения преступности, в особенности среди подрастающего поколения.

Наиболее видную роль среди прочих факторов преступности, относящихся к обширной категории факторов социальных, играют факторы экономические. К ним сводится значение и других факторов, так как обычно они действуют совместно с факторами экономическими и нередко в свою очередь вызываются ими. Так напр. развал семьи главным образом является результатом той тяжелой материальной обстановки, в которой оказываются семьи людей, экономически мало обеспеченных. Точно также алкоголизм вызывает нищету, а нищета создает преступность. Ясно, что изменение экономических условий общественной жизни, влияющих на преступность, должно влечь за собою ослабление роли и других факторов. Экономический фактор настолько сильно охватывает все стороны социальной жизни, что нет сферы, где бы мы не встречались с его могущественным влиянием. И все меры социальной политики государства сводятся, собственно говоря, к борьбе с экономическим фактором. Все, что способно поднять экономическое благосостояние масс, является средством борьбы с преступностью. Так, если мы находим, что жилищные условия, в которых проживает масса населения, совершенно неудовлетворительны и что скученность людей в тесных помещениях способствует росту преступности благодаря их постоянному и тесному общению, которое приводит их к неминуемым столкновениям на почве ежедневных споров и ссор, то естественно, что с изменением этих условий, с надлежащим разрешением жилищного вопроса, с расселением массы населения в более сносных условиях жизни, с устранением их скученности должна сокращаться и преступность. Понятно, что хорошие жилищные законы могут сделать в деле борьбы с преступностью гораздо больше, чем самые энергичные наказания. Если, далее, безработица, являющаяся последствием промышленных кризисов, выбрасывающих на улицу массу рабочего населения, вызывает рост и усиление преступности, то понятно, что все меры, которые могут ей противодействовать, будут вместе с тем влиять на уменьшение преступности. В частности страхование от безработицы, образование профессиональных союзов разного рода и т. п. могут приостановить рост преступности, которая несомненно усиливается при промышленных кризисах. Наконец, такие меры, как заботы об установлении минимума заработной платы для рабочих, обеспечение их прожиточного минимума и т. п.—все это может способствовать поднятию уровня материального благосостояния рабочего и все это является средством борьбы с преступностью.

Поскольку вообще в этиологии преступности играет особенно видную роль экономический фактор, постольку само собою разумеется, что общее изменение

всего экономического строя современной жизни должно повлечь за собой сокращение преступности, в особенности имущественной. Если мы представим себе такой социальный строй, при котором было бы иное распределение имущественных благ среди населения, чем то, которое мы усматриваем в современном капиталистическом строе, то можно ожидать если не полного исчезновения, то сильного сокращения тех преступных деяний, которые порождаются современным экономическим строем, той эксплоатацией, которую проявляют одни люди по отношению к другим. Если каждому члену общества будет обеспечено то, что необходимо для его существования, должны исчезнуть те преступления, которые вызываются нуждой.

Как видно, те средства борьбы с преступностью, которые направлены на устранение явлений, ее вызывающих, представляются весьма разнообразными и разносторонними, как разнообразна и разносторонна самая жизнь общества. Оздоровление условий общественной жизни должно повлечь за собой исчезновение или сокращение тех преступлений, которые порождаются этими условиями. Борьба с алкоголизмом, с народным невежеством и суеверием и с другими язвами современной общественной жизни, борьба со всеми недостатками современного государственного и общественного строя, наконец, в особенности борьба с экономическими факторами преступности—все это является средством борьбы с преступностью, и чем больше делается в этой области, тем меньше приходится обращаться к тем принудительным средствам, которые выражаются в виде наказания или в виде мер социальной защиты. Карательная политика, знавшая одни только меры репрессии, отошла уже в область истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы ознакомились с разнообразными мерами борьбы с преступностью, которые известны современному обществу и которые значительно отличаются от того, что существовало в прежнее время. Общий ход развития уголовного права показывает нам, что наказания становятся все более и более гуманными и что постепенно вымирают наказания негуманные, жестокие и не считающиеся с положением личности в государстве. Современная карательная система лишилась ряда таких мер, которые раньше считались вполне допустимыми и справедливыми. Вместе с тем в настоящее время наказание перестало играть ту исключительную роль, какая ему отводилась раньше в деле борьбы с преступностью. Современная жизнь провозгласила новый девиз: на первом месте должна стоять превенция, предупреждение, а на втором репрессия, наказание. С другой стороны идея классификации преступников вызвала представление о том, что на ряду с наказанием должна существовать особая система мер, которые чужды идеи возмездия, лежащей в основании понятия наказания — мер социальной защиты. С развитием этой системы постепенно сокращается круг тех лиц, которые могут быть признаны пригодными для воздействия на них при помощи наказания. Меры социальной защиты суживают таким образом область применения наказания, оттесняя его на второй план.

Конечно, общий процесс развития мер борьбы с преступностью не везде совершается с одинаковой быстротой и последовательностью. Как и во всем, приходится и здесь наблюдать, что старые идеи оказываются очень живучими и что лишь постепенно они вытесняются новыми; на ряду с новыми взглядами еще долго уживаются старые, представляющиеся анахронизмом в новых условиях общественного быта. И в области борьбы с преступностью мы видим, что еще не изжиты до сих пор во многих государствах такие меры борьбы, которые уже осуждены современным правосознанием. До сих пор государство в своей карательной деятельности не отрешилось от многого такого, что было понятно и естественно прежде, при других условиях социальной жизни, но что теперь утратило свой прежний смысл и прежнее значение. И еще немало времени пройдет, прежде чем новые приемы борьбы с преступностью найдут себе повсеместное полное и окончательное признание.

Как бы то ни было, определенные пути к достижению поставленных задач в этой области уже намечены, вехи по этим путям расставлены, так что современные государства могут смело двигаться вперед, отбрасывая прежние меры, оказавшиеся непригодными в новых условиях жизни общества.

В этом прокладывании новых путей в деле борьбы с преступностью приходится отметить значение одного обстоятельства, которое ранее не могло играть большой роли. Это обстоятельство — признание того, что преступность есть явление, одинаково интересующее все современные

культурные государства. По мере того, как общие условия правовой жизни во всем культурном мире делаются более или менее одинаковыми, и по мере того, как все сильнее растет тесное взаимное общение отдельных народов и их солидарность в стремлении к достижению общих идеалов, борьба с преступностью начинает становиться таким явлением, которое не замыкается в узкие рамки интересов какого-нибудь определенного государства. И это отчасти вызывается известной эволюцией, которую проделывает сама преступность. По мере развития международного общения преступность тоже начинает принимать международный характер. В настоящее время можно встретить не мало преступников, которые оперируют, так сказать, в мировом масштабе. Это — крупные аферисты разных мастей, международные мошенники, воры и т. п. Это — преступники, разъезжающие по всему земному шару из одной страны в другую, намечающие определенный план совершения преступления вместе со своими сообщниками, имеющимися в разных странах, и наконец приводящие в исполнение задуманное. Таким образом и самая преступность и меры борьбы с ней начинают приобретать одинаковый интерес для всего культурного мира. Наглядно этот интерес проявляется в созыве международных пенитенциарных конгрессов, посвященных вопросам уголовного права, периодически собирающихся в разных местах, и в образовании особой организации — „международного союза криминалистов", поставившего себе целью изучение преступности, как явления социальной жизни, и изыскание наиболее целесообразных средств борьбы с ним, и имеющего разветвления в отдельных государствах в виде местных национальных групп. Международные конгрессы и съезды криминалистов дают возможность представителям науки и практики разных стран обмениваться взглядами относительно наиболее рациональных приемов борьбы с преступностью и делиться опытом применения какой-нибудь меры, вновь введенной в той или иной стране.

Опыт одних стран постоянно оказывается имеющим значение для других. В области борьбы с преступностью можно проследить очень часто, как новая мера, возникшая в известной стране и имевшая первоначально весьма узкий, чисто местный объем своего применения, постепенно получает универсальное признание и применяется повсеместно. В этом отношении практический ум народов англо-саксонской нации — англичан и американцев — сделал очень много. В Англии и в С. Америке возникают первоначально те меры, которые затем получают общепризнанное значение в деле борьбы с преступностью. Достаточно в этом отношении указать на условное осуждение, условное досрочное освобождение, реформатории, борстальские учреждения, прогрессивную систему тюремного заключения, классификацию заключенных, патронат и т. п. — все эти меры возникают первоначально в очень узких размерах, применяются в виде опыта в небольшом пространстве, а затем, поскольку опыт оказывается благоприятным, распространяются по всему миру. Опыт одних стран является, таким образом, поводом для заимствования у них другими того, что оказалось практичным и целесообразным.

Однако, когда приходится говорить о подобных заимствованиях, надо считаться с особенностями условий быта той или иной страны. Эти условия не везде одинаковы: одни государства отстали в своем культурном развитии, другие подвинулись значительно вперед. Может оказаться, что известная страна по условиям своей общественной жизни еще пока не доросла до той меры, кото-

рая в иной стране, при иных условиях быта, может быть вполне полезной. В виде примера можно указать, что американские места лишения свободы отводят во многом большой объем власти административным органам, конкурирующим в этом отношении с судебными. Вопрос о продолжительности лишения свободы предоставляется весьма часто усмотрению тюремной администрации, а не суда. Но этот порядок возможен только там, где существует широкий общественный контроль за деятельностью органов административной власти, где существует сильно развитая и свободная печать, дающая возможность раскрывать всякие злоупотребления органов власти, и где чувство законности широко развито в массах и, что особенно важно, в самих исполнителях закона. Только при таких условиях можно быть уверенным, что перенесенное на новую почву семя даст росток и в свое время принесет те плоды, которые от него можно ожидать, судя по опыту его произрастания на другой, ему именно свойственной почве. Иначе данная мера может принести один только вред; она будет только лишним поводом для усиления тех злоупотреблений, которые царствуют в стране, лишенной чувства законности и в населении и в носителях власти.

При ознакомлении с постановкой мер борьбы с преступностью в прошлом и настоящем, может быть естественно поставлен вопрос о том, как эта борьба будет организована в будущем. Конечно, наука не занимается предсказаниями относительно будущего, но, на основании изучения настоящего и прошлого того или иного явления, можно указать, как должна идти эволюция этого явления в дальнейшем. Прошлое нам показывает, что меры борьбы с преступностью меняются, что постепенно наказание вытесняется другими мерами и что мало-по-малу предупреждению преступлений дается преимущество перед репрессией. Эта эволюция и в дальнейшем, несомненно, должна будет продолжаться в данном направлении, так как она вызвана всем ходом социальной жизни. Быть может, наступит время, когда государство, если оно еще будет тогда существовать, перестанет прибегать к наказанию, как средству, уже окончательно изжитому человечеством. Быть может, в грядущем обществе сознание его членами своего долга будет иметь такое значение, что оно будет являться достаточным стимулом к воздержанию человека от таких деяний, которые могут причинить какой-нибудь вред его ближним и всему обществу. Вместе с тем разумная социальная политика и уничтожение капиталистического строя, во многом питающего преступность, будут иметь своим результатом значительное сокращение области преступного, так что исчезнет потребность в кодексе преступлений и наказаний. Однако, так как трудно себе представить, чтобы люди в своей деятельности руководились в будущем исключительно лишь чувством долга и чтобы они воздерживались от удовлетворения своих потребностей путем причинения вреда ближним, как существа, лишенные страстей, без плоти и крови, то возможно ожидать с их стороны посягательств на других людей. Но такие случаи будут рассматриваться со временем, как нечто такое, что свидетельствует об известной ненормальности человека, о том, что данный субъект представляет опасность для общества, с которой обществу нужно бороться и от которой ему нужно ограждать себя. Меры изоляции и меры лечения в той или иной комбинации естественно должны будут применяться к подобным антисоциальным субъектам. Таким образом превенция преступлений при помощи надлежащего устройства общества, а в крайних случаях меры социальной за-

щиты в виде мер изоляции и лечения — вот то к чему сведется в будущем борьба с преступностью.

Но, рисуя картину будущего в деле борьбы с преступностью, мы должны оговориться, что эта картина относится к весьма отдаленному будущему, которое наступит еще очень не скоро. Поэтому можно нарисовать себе меры борьбы с преступностью и для ближайшего к нам времени, для того общества, которое непосредственно сменит теперешние поколения людей.

Едва ли есть основание думать, что в ближайшем будущем государству можно будет обойтись без наказаний. Едва ли государство так скоро откажется от удовлетворения потребности давать оценку учиненных правонарушений при помощи наказания. Правда, круг тех лиц, которые должны подвергаться наказанию, должен будет все более и более сокращаться по сравнению с тем, что мы видим в настоящее время, по мере того, как все больше и больше категорий преступников будет признаваться людьми опасными для общежития, вопрос о виновности которых будет представляться не имеющим практического значения. Но все же останутся такие лица, которые будут признаваться виновными в том, что они сознательно нарушают установленные для них правила поведения. И на таких людей необходимо будет оказывать воздействие при помощи наказания. Но наказания эти должны будут значительно измениться в своем внешнем виде. Если мы в настоящее время отказываемся от суровых наказаний, то еще больше это должно будет иметь место в будущем. Если для нас оказываются совершенно неприемлемыми такие наказания, как смертная казнь и телесное наказание, то, наверное, для ближайших поколений будут представляться негуманными и жестокими такие наказания, как лишение свободы в его современном виде.

Можно думать, что постепенно общество откажется от применения лишения свободы, как отказалось оно от других наказаний, царивших в прошлое время. И тогда на смену этого наказания может явиться другое, именно лишение прав, которое в настоящее время не могло получить особенно репрессивного значения, так как пользование своими правами в современных условиях экономического строя часто не имеет существенного значения. Быть может, в ближайшем будущем появится сильно развитая система правопоражений, которая будет достаточно репрессивной и имеющей большое практическое значение. При таких условиях лишению свободы отводилось бы второстепенное значение, пока оно не исчезло бы совершенно в качестве наказания, оставаясь лишь мерой социальной защиты, применяемой в отношении преступников известной категории. Быть может, на ряду с этим наказанием будет развиваться система принудительных работ без лишения свободы, система, исходящая из представления о том, что все должны трудиться, а в особенности те, кто идут в разрез с требованиями правопорядка. Принудительные работы могли бы оттеснить на второй план такие наказания, как денежное взыскание, которое в конце концов может быть признано недопустимым, так как степень его репрессивности всецело зависит от экономического неравенства людей. Наконец, можно думать, что постепенно с ростом правосознания личности и чувства собственного достоинства может получить значение то наказание, которое в настоящее время из-за малой своей репрессивности вышло из употребления—выговор или порицание. Быть может, это наказание будет уместно тогда, когда в самом отправлении правосудия общество будет иметь больше значения, чем теперь,

и когда суд будет выполнять не столько государственные, сколько общественные функции. Тогда порицание или выговор будет представляться действительно осуждением, идущим от лица общества, как такового, а не от лица представителей государственной власти, которые могут и не разделять господствующих в данной общественной среде взглядов на оценку отдельных преступлений.

Такова возможная эволюция наказания для ближайшего будущего. Лишение прав, принудительные работы без лишения свободы и порицание — вот та карательная система, которая может явиться на смену современной, покоющейся главным образом на лишении свободы и денежном взыскании.

Лишь перейдя через эту стадию развития наказания, общество со временем откажется от него.

Таков тот путь, по которому может пойти эволюция мер борьбы с преступностью. Эта эволюция должна совершаться медленно и постепенно. Как в физической природе, так и в общественной жизни не может быть скачков. Все, что наступает несвоевременно, обречено на исчезновение. Ничто не может наступить раньше того момента, когда объективные условия развития общественной жизни приводят к этому.

Библиотека ООН
Академия Наук

ЛИТЕРАТУРА.

Фойницкий Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. 1889.
Таганцев. Русское уголовное право. Часть общая, т. II. 1902.
Чубинский. Курс уголовной политики. 1912.
Сергеевский. Русское уголовное право. Часть общая. 1915.
Люблинский. Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. 1911.
Люблинский. Понятие наказания (Юридич. Вестн. 1914 г., кн. VII—VIII).
Жижиленко. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников 1911.
Жижиленко. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. 1914
Познышев. Основные вопросы учения о наказании. 1904.
Познышев. Очерки тюрьмоведения. 1915.
Гернет. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества (в сборнике „Итоги Науки“). 1915.
Новые идеи в правоведении. Сборник № 1. Цели наказания. 1914.
Немировский. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. 1916.
Немировский. Основные начала уголовного права. 1917.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I.

Понятие наказания. СТРАН.

§ 1. Наказание, как принудительное средство правовой охраны 9
§ 2. Наказание, как правовое последствие правонарушения. 11
§ 3. Сущность возмездия, как элемента наказания. 13
§ 4. Предмет и масштаб оценки в понятии возмездия и роль возмездия в понятии наказания. 17
§ 5. Возражения против понимания наказания, как возмездия 21
§ 6. Понятие государственного наказания. 24
§ 7. Отличие наказания от других средств правовой охраны 25

ГЛАВА II.

Цели наказания.

§ 1. Цели наказания в прошлом 32
§ 2. Цели наказания в настоящем. 36
§ 3 Цели наказания в будущем. 39

ГЛАВА III.

Эволюция мер борьбы с преступностью.

§ 1. Борьба с преступностью в прошлом 42
§ 2 Разнообразие карательных мер прошлого. 45
§ 3. Отличительные особенности прежних карательных систем 48
§ 4. Изменение прежних приемов борьбы с преступностью и его причины. 57

ГЛАВА IV.

Особенности современной системы борьбы с преступностью.

§ 1. Отличительные черты борьбы с преступностью в настоящем. 63
§ 2. Свойства наказания по современным взглядам 72

ГЛАВА V.

Борьба с преступностью в настоящее время.

§ 1. Наказание в современных карательных системах. 79
§ 2. Меры социальной защиты. 92
§ 3. Социальная политика государства, как средство борьбы с преступностью. 99
Заключение 104
Литература 109

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ACADEMIA“

Петроград,
Пр. Володарского, 40
Телефон 138-98

Москва,
Тверская, 29
Телефон 64-38

Звездочкой отмечены труды Российского Института Истории Искусств.

ИСТОРИЯ.

Цена золотом.

„Россия и Запад“.—Исторический сборник 212 стр. **1 р. 40 к.**

А. А. Васильев.—История Византии в монографиях

Вып. I. Византия и крестоносцы 120 стр. . . . **1 р -- к.**

Вып. II Латинское влияние на Востоке

Вып. III Падение Византии *(готовится к печати)*

В. П. Бузескул. — Открытия XIX и начала XX вв в истории древнего мира.

— Часть первая. Восток. 222 стр. . . . . **1 р. 50 к.**

— Часть вторая. Греция

Н. Рожков. — Из русской истории, сборн. статей, том I. 204 стр. . . . . **1 р. 50 к.**

— Из русской истории, том II . . . . . **1 р. 50 к.**

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

Осв. Шпенглер. — Пруссачество и социализм. 70 стр *(распродано)* . . . . . **— р. 60 к.**

Джон Кейнс. — Проблемы восстановления Европы. 54 стр. . . . . **— р. 30 р.**

Содержание: Введение Инфляция, как метод обложения Социальные последствия обеспечения денег

Отто Липман. — Психология профессий. 106 стр. *(распродано)* . . . . . **— р. 40 к.**

А. Н. Макаров. — Лига наций. 77 стр . . . . **— р. 40 к.**

Вернер Зомбарт. — Современный капитализм. Историко-систематическое изложение общеевропейской жизни с ее зачатков до современности. Перев. с 5-го немецкого издания 1923 г. под ред И. И. Яковкина.

Том I и II. Докапиталистическое хозяйство и исторические основы современного капитализма *(печатаются)*

Том III и IV Хозяйственная жизнь в эпоху раннего капитализма *(готовятся к печати)*.

В Н. Твердохлебов. — Новейшие финансовые проблемы (1914—1923 г.) 155 стр. . . . . **1 р. 50 к.**

„НОВОЕ ПРАВО".

Серия книг *под редакцией проф Петроградского Ун-та: Ф. А. Вальтера, А А. Жижиленко, П. И. Люблинского и М. Я Пергамента.* Цена золотом

К. М. Варшавский. — Трудовой договор по кодексу законов о труде С. С. С. Р. 107 стр. *(распрод.)* 1 р. — к.

П. И. Люблинский.—Законодательная охрана труда детей и подростков 102 стр . . . . . 1 р. — к.

Е. А. Флейшиц — Торгово - промышленные предприятия в законодательстве Запада и С С С Р.

ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРИЯ и ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В Н. Перетц — Краткий очерк методологии истории русской литературы. 162 стр . . . . 1 р. 50 к.

Ф. Ф. Зелинский. — Возрожденцы В I 107 стр . — р. 60 к.

Ф Ф Зелинский. — Возрожденцы. В. II 192 стр. . - р 80 к.

Б М. Энгельгардт — Гончаров и Тургенев по неизданным материалам Пушкинского дома . . 1 р. — к

Б. М. Эйхенбаум. — «Сквозь литературу», сборн статей *(печатается).*

Оскар Вальцель. — Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890 — 1920) Перев. под редакцией проф В. М. Жирмунского. 94 стр. . . . . р. 40 к

Оскар Вальцель. — Проблема формы в поэзии. Со вступительной статьей проф. В. М. Жирмунского «К вопросу о формальном методе» — р. 40 к.

В. М. Жирмунский — «Рифма, ее история и теория . . . . . 1 р 80 к.

Б. В Томашевский. — Русское стихосложение. Метрика. 156 стр . . . . . 1 р. — к.

А Слонимский — Техника комического у Гоголя. 65 стр . . . . . — р. 50 к.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ **„ACADEMIA"** Петроград, Пр. Володарского, 40. Москва, Тверская, 29.

Все новинки Петроградских, Московских и провинциальных изданий немедленно по их выходе.

Большой выбор книг по всем отраслям знания. Большой антикварный отдел.

Наибольшее внимание обращено на постоянное пополнение след. отделов *Обществоведение. Экономика. Философия. Искусство. Техника.*

Комплектование библиотек на самых льготных условиях.

Книги высылаются наложенным платежем по первому требованию.

Книгопродавцам обычная скидка.